

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ**

**ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОЙ
ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**
Хрестоматия

Уфа 2019

УДК 37:28
ББК 86.38-67
И 90

Хрестоматия подготовлена в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 годах, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, реализуемого Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы совместно с Российским исламским университетом Центрального духовного управления мусульман России.

История исламской педагогики и образования: Хрестоматия / сост. Т.М. Аминов [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. – 170 с.

В хрестоматию включены основные работы авторов, документы, афоризмы средневекового исламского Востока, а также дореволюционной, советской и современной России, раскрывающих все богатое разнообразие мусульманской педагогической системы. Которая в свою очередь является одной из важных составляющих всей сокровищницы мировой культуры. В настоящем издании реализуются основные положения Государственного образовательного стандарта бакалавриата по специальности 47.03.03 Религиоведение.

Книга адресуется бакалаврам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов и колледжей, историкам, культурологам, краеведам и всем, кто интересуется богатой историко-педагогической теорией и опытом и перспективами развития сферы исламского образования нашего Отечества.

Рецензенты:

В.С. Хазиев,

доктор философских наук, профессор

Р.Л. Саяхов,

кандидат педагогических наук

ISBN 978-5-907176-56-0

© Аминов Т.М., 2019
© БГПУ им. М. Акмуллы, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

ЧАСТЬ I

Педагогическая теория средневекового арабского Востока, Ирана и Средней Азии.....	6
Из сокровищницы мудростей исламского Востока:	
аяты Корана, хадисы, высказывания известных людей, афоризмы	6
Аль-Кинди. Трактат о количестве книг Аристотеля и о том, что необходимо для усвоения философии.....	9
Аль-Кинди. О первой философии.....	11
Аль-Фараби. Указание пути к счастью.....	15
Ибн Сина. Жизнеописание.....	27
Ибн Сина. О душе.....	31
Унсур аль-Маали Кайковус. «Кабус-намэ».....	36
Ибн Рушд (Аверроэс). Опровержение опровержения.....	45
Яркие высказывания имама Мухаммада ал-Газали.....	47
Аль-Газали. Трактат «Письмо к сыну».....	48
Ибн Хальдун. Введение.....	77

ЧАСТЬ II

Развитие педагогической теории мусульманских народов России.....	87
Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения	87
Ризаитдин Фахретдинов. Отрывок из его работы «Благонравная жена».....	110
Утябай Карими. Наставления хазрата Абуханифа Ногман бине Сабита сыну Ахмаду.....	113

ЧАСТЬ III

Исламское образование в регионах дореволюционной России (на примере Башкирии).....	116
Кильдибяков Г.Н. Магометанские школы (мектебе и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии.....	116
Любимов А. Мактабы и медресе г.Уфы и 1-го района Уфимского уезда....	118
Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии: историко-педагогические очерки.....	124
Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века.....	127
Башкортостан. Краткая энциклопедия:.....	139
Народное образование; Акмулла; Джадидизм; Камалетдинов Зыяитдин; Медресе в г.Стерлитамаке; Медресе в д.Стерлибаш; Медресе «Галия»;	

Медресе «Гусмания»; Медресе «Расулия»; Медресе «Хусаиния»; Расулев Зайнулла; Фахретдинов Р.Ф.	
Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге	143
Сулейманова Л.Ш. Исламские учебные заведения в крае в начале XX века.....	152
Аминов Т.М., Валеева М.Г., Сергеев Ю.Н. Духовное образование.....	159

ЧАСТЬ IV

Особенности развития отечественного исламского образования в советский и современный периоды.....	163
О преподавании мусульманского вероучения.....	163
О разрешении преподавания основ вероучения.....	163
О преподавании мусульманского вероучения в мечетях БАССР.....	164
О преподавании мусульманского вероучения среди мусульман.....	166
Об открытии богословских курсов в г.Уфе.....	168

Предисловие

Больше всех в День суда будет
печалиться тот, кто имел возможность
изучить науки, но не изучил их
Хадис

Одной из тенденций современной отечественной образовательной теории и практики является оформление системы исламского образования, организация соответствующих учебных заведений, открытие новых специальностей в светских вузах, изучающих историю и культуру религий, введение в курс общеобразовательной школы дополнительных предметов. Вышеназванное обусловило возникновение множества задач методологического, методического и технологического характера. Решение этих задач невозможно без анализа историко-педагогической теории и практики, накопленных мусульманской культурой с начала становления до сегодняшнего дня.

Настоящая хрестоматия является дополнением к одноименному учебнику по истории исламской педагогики и образования. Она подготовлена для бакалавров Российского исламского университета, а также может быть использована всеми, кто интересуется богатой историко-педагогической теорией и опытом мусульманского мира. В настоящем издании собраны материалы, которые позволяют расширить компетенции обучающихся по общим и частным историко-педагогическим проблемам мусульманской культуры.

В работе выделено четыре основных блока. Первый из них посвящен педагогической теории и взглядам мыслителей средневекового Востока; второй – развитию педагогической мысли мусульманских народов России; третий – становлению и развитию исламского образования в регионах дореволюционной России (на примере Башкирии) и четвертый – особенностям развития отечественного исламского образования в советский и современный период.

Пособие разработано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и предназначается в помощь обучающимся Российского исламского университета по направлению 47.03.03 Религиоведение.

ЧАСТЬ I

Педагогическая теория средневекового арабского Востока, Ирана и Средней Азии

Из сокровищницы мудростей исламского Востока: аяты Корана, хадисы, высказывания известных людей, афоризмы

- ❖ «Разве сравниются те, которые знают, с теми, которые не знают?». Сура «Аз-Зумар», аят 9.
- ❖ «и говори: «Господи! Приумножь мои знания». Сура 20, аят 114.
- ❖ «Не равны добро и зло. Оттолкни зло тем, что лучше, и тогда тот, с кем ты враждуешь, станет для тебя словно близкий любящий родственник». Сура 41, аят 34.
- ❖ «В День суда Аллах соберет алимов¹ и скажет: «Я вложил мудрость в ваши сердца не для того, чтобы подвергать вас мучениям. Ступайте в Рай!».
- ❖ Если один человек начнет путешествие с целью получить знания, то Господь Бог сделает легким его путь в рай. Для согласия человека, стремящегося к знаниям, ангелы окажут почет. За человека, стремящегося к знаниям, небожители, живущие на земле, даже рыбы в воде будут просить о снисхождении...
- ❖ Ученые – наследники пророков.
- ❖ «Никто не приобретал ничего ценнее знаний, что наставляет человека на путь истины и оберегает его от всего пагубного».
- ❖ «Человек – это отражение его дел».
- ❖ «Берущий – наполняет лишь руки, дающий – сердце».
- ❖ «Сделай все, что в твоих силах, об остальном позаботится Аллах».
- ❖ «Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки».
- ❖ «Если Аллах хочет одарить кого-то особым благом, то одаривает его пониманием (знанием) религии».
- ❖ «Кто вышел из дома за знаниями, тому Аллах облегчает путь в Рай».
- ❖ «...Поистине, и ангелы простирают крылья над тем, кто стремится к знаниям, радуясь его занятиям».
- ❖ «Кто умрет, будучи в поисках знаний, тот встречается с Аллахом на таком уровне, при котором между ним и пророками остается лишь одна ступень».
- ❖ «О, Абу Зар, выучи с утра один раздел науки и следуй полученным знаниям – это лучше для тебя, чем совершение намаза в тысячу ракаатов».
- ❖ «Кто бы ни изучил один раздел науки с тем, чтобы обучить этому других, тот получит воздаяние, равное воздаянию семидесяти сиддиков²».
- ❖ «Стремление к знаниям перед Аллахом ценнее намаза, поста, хаджа и джихада на пути Аллаха».

¹ Алим – ученый

² Сиддики – самые близкие к Аллаху люди после пророков

- ❖ «Изучение наук в течение часа лучше поклонения в течение всей ночи. Изучение наук в течение дня лучше поста в течение трех месяцев».
- ❖ «Знания укрывают все недостатки, а невежество выявляет их всех».
- ❖ «Достоинство алима по сравнению с достоинством абиды³ такое же, как мое достоинство по сравнению с наименее достойным из вас. Над тем, кто учит людей добру, смилостивится Аллах, и за него читают мольбу ангелы и обитатели земли и небес, даже муравьи в муравейниках» (Хадис).
- ❖ «Обеспечение пропитанием того, кто занят изучением наук, Аллах берет на Себя».
- ❖ «Сон обладающего знаниями, лучше намаза невежды».
- ❖ «Приобретай знания, даже если для этого придется отправиться в Китай, ведь приобретение знаний – долг каждого мусульманина».
- ❖ «Кто отправится в мечеть с намерением обучаться благому или обучать других этому, тот получит воздаяние как за совершение полноценного хаджа и полноценной умры (малого хаджа)».
- ❖ «Пример истинного пути, с которым меня послал Аллах, и знания – это пример обильного дождя: часть его падает на плодородную землю и там вырастает густая зеленая трава; другая его часть падает на твердую землю и вода собирается в водоемы и Аллах делает её полезной для людей – они пьют её и орошают ею земли. Третья часть его падает на песчаные земли, они не удерживают влагу, на них не растет трава...

Той благой (плодородной) земле подобны те, кто изучил религию Аллаха, кому помог Аллах посредством знаний, с которыми был послан я, кто изучил науки и обучил им других...

Худой земле, которой дождь не приносит пользы, подобен тот, кто даже голову не поднял ради того истинного пути, с которым был послан я, и не воспринял его.

- ❖ «Приобретайте знания, ибо это – богобоязненность, стремление к ним – это поклонение (ибадат), обсуждение их – это славословие (тасбих), расспросы, связанные с ними, – это джихад, обучение им незнающего – это милостыня (садака), передача их достойному – это деяние, которое приближает к Аллаху.

Знания очерчивают границу между дозволенным (халал) и запретным (харам), они – светила на пути в Рай, развлечение при одиночестве, друг на чужбине, твой собеседник, когда ты один, проводник в радости и горе, оружие против врагов и твое украшение среди друзей.

Аллах возвышает некоторых знаниями и делает их предводителями дел добрых, распространяет их наследие, люди берут с них пример, прислушаются к их советам, ангелы стремятся к дружбе с ними и ласкают их крыльями своими, все сухое и сырое, и рыбы в воде, и насекомые, и животные суши, и домашние животные – все просят Аллаха о прощении их (т.е. тех, кого Аллах возвысил знаниями) грехов. Потому что знания оживляют сердца от смерти невежества, освещают мрак. Знания возвышают раба Божьего до уровня праведников.

³ Абид – усердно поклоняющийся Аллаху человек.

Размышления о науках сравнимы с соблюдением поста, чтение книги – с ночным бдением в поклонении. Знания способствуют скреплению родственных уз, посредством них различают благое и дурное. Они – предводитель деяний благих, ибо деяния следуют за знаниями. Ими одаривают благих, а дурные лишаются их».

- ❖ Я просил у Аллаха сил ... а Он дал мне трудности, чтобы сделать меня сильным.
Я просил у Аллаха мудрости... а Он дал мне проблемы для разрешения.
Я просил у Всевышнего богатства... а Он дал мне мозг и мускулы, чтобы я мог работать...
- Я просил у Него любви ... и Аллах дал мне людей, которым я мог помогать в их проблемах.
Я просил благ ... а Аллах дал мне возможности.
Я ничего не получил из того, о чем просил.
Но я получил все, что было мне нужно!!!
- ❖ Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона.
- ❖ Имеющие терпение способны создавать шелк из листьев и мед из розовых лепестков.
- ❖ Слово, удержанное тобою, – раб твой; слово, вырвавшееся у тебя, – хозяин твой.
- ❖ Кто счастья не ценил, тот близится к несчастью.
- ❖ Будет ли тень прямой, если ствол кривой?
- ❖ Ветры дуют не так, как хотят корабли.
- ❖ Один язык у нас, а уха – два, чтоб слышать много, но беречь слова.
- ❖ День радости краток.
- ❖ Желаящий добра подобен делающему добро.
- ❖ Из кувшина можно вылить только то, что в нем есть.
- ❖ Кто боится волков, не разводит овец.
- ❖ Победа над слабым подобна поражению.
- ❖ Позор длиннее жизни.
- ❖ Величайшее несчастье – нуждаться в помощи людей, достойных нашего презрения.
- ❖ Сердце видит раньше головы.
- ❖ Что слаще халвы? Дружба после вражды.
- ❖ Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых.
- ❖ Когда ты видишь двух драконов в сражении, отойди подальше и не пытайся примирить их; они могут помириться между собой и в конце концов станут атаковать тебя.
- ❖ Большого не может быть счастья, чем несчастным приносить счастье.
- ❖ Отрицать ошибки – это двойная ошибка.
- ❖ Счастье, которое ты ищешь, подобно тени, что идет вместе с тобою: ты не поймаешь его, гонясь за ним, побежишь от него – оно гонится за тобою.

- ❖ Немногие знают, как много надо знать для того, чтобы знать, как мало мы знаем.
- ❖ Аппетит приходит с первым куском, а ссора с первым словом.
- ❖ Лучший повелитель - тот, кто умеет повелевать собой.
- ❖ Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания.
- ❖ Хорошо лишь то беспокойство, благодаря которому мы впоследствии обретаем покой.
- ❖ Пока я таю свою тайну, она моя пленница; когда я её выпустил, я ее пленник
- ❖ Армия овец, возглавляемая львом, победит армию львов, возглавляемую овцой.
- ❖ Сплошные солнечные дни порождают пустыню.
- ❖ Что случилось однажды, может никогда больше не случиться. Но то, что случилось два раза, непременно случится и в третий.
- ❖ Узнавай об осах от тех, кого они жалили.
- ❖ В робости жить – ни терять, ни находить.
- ❖ Нельзя поразить одной стрелой две мишени.
- ❖ Одна ложь покрывает сорок правд.
- ❖ Решенная проблема для ума, что сломанный меч на поле брани.
- ❖ Настоящим другом считай того человека, который снимает камни и тернии с пути твоего.

Аль-Кинди

Трактат о количестве книг Аристотеля и о том, что необходимо для усвоения философии

...Составленные Аристотелем книги, коим обучающийся должен следовать шаг за шагом сообразно их порядку и последовательности, дабы стать с их помощью философом по ознакомлению с математическими науками, суть четырех видов.

Первый из этих четырех видов – это книги по логике. Второй вид – книги по физике. Третий вид – книги о том, что существует само по себе, что не нуждается в телах, но что существует вместе с телами, будучи соединено с ними одним из способов соединения. Четвертый вид – это книги о том, что не нуждается в телах и совершенно не соединено с ними...

Далее, им были составлены книги, которые хотя и относятся к рассуждениям о душе, но все же могут быть до конца поняты и служить предметом четкого рассуждения лишь после того, как рассмотрены вещи, совершенно не нуждающиеся в телах. Пользу из чтения этих произведений можно извлечь, лишь ознакомившись с книгами, перечисленными выше. Произведения эти суть книги по этике, т. е. книги, толкующие о нравственных качествах души и об управлении ими.

Цель такого управления – в том, чтобы поступки людей основывались на добродетели и руководствовались ею. А добродетель есть цель для человека с уравновешенной природой в его мирской жизни и помогает ему

обрести блаженство в его последнем пристанище. Книгам этим нет замены, польза их не имеет себе равной, они таковы, что, если бы их не было, то не было бы и (знания) блага. К их числу относится его большая книга по этике, обращенная к его сыну Никомаху и называемая «Никомаховой». Состоит она из одиннадцати рассуждений. К их числу относится также книга, состоящая из меньшего числа разделов и сходная по смыслу с его книгой, обращенной к Никомаху, и книга, написанная им для некоторых его братьев. Кроме этих трех произведений, ему принадлежат многие книги по различным частным предметам, а также трактаты по столь же разнообразным частным вопросам.

Таковы численные данные относительно упомянутых нами книг Аристотеля, кои необходимо усвоить зрелому философу по ознакомлении с математическими науками. В самом деле, если человек лишен знания математических наук, каковыми являются наука о числе, геометрия, звездословие и гармония, то, хоть пользуйся он этими книгами всю свою жизнь, ему никогда не удастся до конца изучить хотя бы одну из рассматриваемых в этих книгах наук. Сколько он не будет стараться, он добьется лишь того, что будет способен пересказывать чужие слова – и то, если обладает хорошей памятью; сути же их он никогда не поймет и не усвоит, если не будет иметь понятие о математических науках...

Что же касается упомянутого нами человеческого знания, то оно стоит ниже божественного знания, и добиться посредством него понимания истинных, непреходящих вещей при отсутствии математических знаний можно лишь в пределах чувственного восприятия, которого не лишены и бессловесные животные. А если иные люди – те, кто не дорос до знания математических наук, – и высказывали кое-что относительно вещей, лишь впоследствии ставших предметом научного познания, то ведь и многие бессловесные животные (говоря «словесный», я имею в виду разумную речь) произносят человеческие слова, не ведая смысла того, что они произносят...

Кто не усвоил этих четырех наук, имеющих особое название математических, или пропедевтических, наук, каковыми являются наука о числе, наука об измерении площадей, звездословие и гармония, у того нет знания количества и качества, тот не обладает знанием субстанции, которая может быть постигнута лишь благодаря знанию о том и другом. А у кого нет знания о количестве, качестве и субстанции, у того, стало быть, нет знания философии...

Теперь, когда мы уже предварительно рассмотрели порядок прохождения пути познания, ведущего человека к высшему совершенству, сообщим кое-что о тех целях, которые преследуют книги Аристотеля, ибо наше сообщение поможет их пониманию. Поистине, кто знает цель, к которой он стремится, тот, двигаясь к ней, напрягает все силы свои и все свои мысли. Решимость такого человека двигаться к намеченной цели и его усердие никогда не ослабевают; он не дает себя сбить с пути и не теряет надежды на то, что обязательно достигнет своей цели, если будет придерживаться нужного направления, если, двигаясь в этом направлении,

проявит должное усердие и если будет уверен в том, что с каждым новым шагом в этом движении он все более и более будет приближаться к своей цели. Рассудок его отгоняет частые помыслы о прекращении этого движения, ибо он уже устремил свои мысли и движение к намеченной цели, и он неминуемо достигнет ее, если будет продолжать свое движение по взятому им направлению. Тот же, кто не ведает, к чему он стремится, кто остается в этом неведении даже тогда, когда его цель уже достигнута им, такой человек, достигнув цели, не обретет от этого предмета своих исканий...

Что касается цели, преследуемой им в седьмой книге, которая называется «Риторика», то она заключается в рассмотрении видов убеждения, т. е. убеждения в произнесенном суждении, в подаваемом совете, в восхвалении и порицании (два последних термина объединяются одним термином «оценка»).

Что касается цели, преследуемой им в его восьмой книге, которая называется «Поэтика», то она заключается в рассмотрении искусства поэтической речи и стихотворных размеров, используемых в каждом виде поэзии, как, например, в панегирике, элегии, сатире и других...

Что касается цели, преследуемой им в его нравственно-гражданских книгах, то в первой из них, обращенной к его сыну Никомаху и называемой именем последнего «Никомахова этика», она заключается в рассмотрении нравственных качеств души и в разъяснении того, как душа должна руководствоваться добродетельными нравственными началами и избегать порока. Управление это он делит здесь на несколько видов, а именно: на управление душой индивида, на частное управление и гражданское управление, говоря при этом подробно о связанных с каждым из них нравственных качествах и страстях. В этой книге он объясняет также, что счастье всегда является добродетелью – добродетелью в душе, в теле и во всем, что имеет источником душу или тело...

Аль-Кинди О первой философии

Из человеческих искусств самым возвышенным и благородным является искусство философии, каковое определяется как познание истинной природы вещей в меру человеческой способности. Ибо та цель, которую философ преследует в своей науке, заключается в постижении истины, а та, которую он преследует в своих действиях, – в согласовании собственных поступков с истиной: действие наше не бесконечно, ибо мы останавливаемся и наше действие прекращается, когда мы добираемся до истины.

Искомую истину мы познаем, только находя причину. Причиной же познания любой вещи и его устойчивости является истина, ибо все, что обладает бытием, обладает и истинностью. Истина необходимо познаваема; следовательно, и вещи, обладающие бытием, познаваемы...

Отдавая людям должное, мы не можем упрекать тех, кто принес нам небольшую, незначительную пользу: как бы ни была велика заслуга тех, кто принес нам большую, истинную, значительную пользу, все же первые, хоть им и не удалось постичь какие-либо истины, суть близкие нам люди и сотоварищи, наделившие нас плодами своей мысли, каковые стали для нас средством и орудием познания многого из того, истину чего им самим постичь не удалось. Упрекать в этом нельзя особенно потому, что и для нас, и для предшествовавших нам видных иноязычных философов ясно, что ни одному из людей еще не удавалось надлежащим образом постичь истину собственными силами, а каждый из них либо вообще не обретал ни единой доли истины, либо из того, что достойно быть названо истиной, обретал лишь самую малую толику. Однако если собрать все эти крупинки, добытые каждым, кто добивался истины, то в итоге получится нечто весьма внушительное по своему объему.

Наряду с теми, кто доставил нам большую долю истины, нам следует сказать великое спасибо и тем, кто доставил ее малую толику, ибо они наделили нас плодами своей мысли и облегчили нам поиски истины, снабдив нас исходными посылками, кои облегчают нам наше движение к истине. И действительно, ведь даже в том случае, если бы мы употребили всю свою жизнь на упорные исследования, не будь наших предшественников, нам никогда не удалось бы накопить эти истинные начала, благодаря которым мы вышли к конечным целям наших поисков истины. Все это накапливалось в течение прошлых, последовательно сменявших друг друга веков и все это требовало упорных исследований, настойчивости и было сопряжено с утомительным трудом.

В течение жизни одного человека, как бы она ни была продолжительна и как бы ни были упорны его поиски, как бы ни была проницательна его мысль и каких бы усилий он ни прилагал, невозможно собрать воедино те упорные поиски, ту проницательность мысли и те усилия, которые имели место в течение времени, намного превышающего продолжительность жизни одного человека.

Что же касается Аристотеля, достославного греческого философа, то им было сказано: «Кроме тех, кто доставил нам какую-то долю истины, нам следует благодарить и их отцов, ибо последние были причиной их существования; они суть их причины, а эти – причины того, что мы обретаем истину». Хорошо сказано!

Нам не следует стыдиться одобрения и обретения истины, откуда бы она ни исходила – пусть даже от далеких от нас племен и от народов несопредельных с нами стран. Для искателя истины нет ничего лучше самой истины, и не следует пренебрегать истиной и свысока смотреть на тех, кто ее высказал или передал: истиной никого нельзя унижить – наоборот, истина облагораживает всякого.

Поскольку мы стремимся пополнять наши знания (а истина постигается именно таким путем)...

Однако у нас есть полное основание воздержаться от сложных пространственных рассуждений вследствие запутанности ряда сложных вопросов, так как мы остерегаемся ложного истолкования со стороны многих, которые в наше время принимают вид рассудительных людей и которым вместе с тем истина весьма чужда, хотя подобные люди и возложили на себя незаслуженно венцы истины. Мы остерегаемся их потому, что по природе своей они слишком ограниченные люди, чтобы идти к истине, и знания их слишком малы, чтобы они заслужили славу людей, чье мнение принимается на веру, поскольку они усердствуют больше всего в достижении общих для всех и в том числе для себя выгод. Мы остерегаемся их потому, что грязная зависть, гнездящаяся в их ... душах, заслоняет своим непроницаемым покрывалом от их рассудка свет истины. Мы остерегаемся их потому, что они считают себя обладателями человеческих добродетелей, приобрести которые они не удосужились и от которых они до сих пор еще весьма и весьма далеки, будучи дерзкими и придиристыми противниками, оберегающими свои поддельные троны, кои они воздвигали себе без всякого на то права. Мы остерегаемся их, наконец, потому, что они притязают на главенство и торгуют верой, будучи сами врагами веры, ибо кто торгует чем-нибудь, тот его продает, а кто продает какую-нибудь вещь, тот уже лишается ее, так что тот, кто торгует верой, лишается ее, и воистину нет веры у того, кто противится приобретению знания об истинной природе вещей и кто называет приобретение такого знания неверием...

И мы говорим: человеческое познание бывает двух видов. Первый вид познания ближе к нам, но дальше от сущности. Это – познание посредством чувств, принадлежащих со времени своего возникновения как нам, так и тому роду, который объемлет нас и многое другое, кроме нас, т. е. «живому», объемлющему всех животных. Наше познание посредством чувств, когда чувство обращено к своему предмету, не имеет длительности во времени. Оно непостоянно в силу недолговечности, текучести и постоянной изменчивости (благодаря тому или иному виду движения) того, к чему мы обращаемся, а также в силу того, что и количество в нем колеблется, становясь большим или меньшим, равным или неравным, и качество изменяется, становясь подобным или неподобным, более сильным или более слабым. Этот предмет знания постоянно исчезает и беспрерывно меняется, и именно его форма утверждается в силе представления, которая передает эту форму памяти. И именно этот предмет знания запечатлевает в душе живого существа свой образ и свою форму. Хотя в природе он и не обладает устойчивостью и хотя он далек и скрыт от нас – все же он весьма близок к чувственно воспринимающему, поскольку последний познает посредством чувства, обращенного к предмету. Все чувственно воспринимаемое всегда обладает материей, ибо оно всегда есть тело и находится в теле.

Другой вид познания ближе к сущности и дальше от нас. Это – разумное познание. То, что познание делится на два вида – на чувственное познание и познание разумное, – весьма справедливо, ибо познаваемые предметы

бывают всеобщими и единичными. Под всеобщим я подразумеваю роды в их отношении к видам и виды в их отношении к единичному, а под единичным – отдельные вещи в их отношении к видам.

Единичные, материальные вещи поддаются чувственному восприятию. Что же касается родов и видов, то они не поддаются чувственному восприятию и не могут служить предметом чувственного познания, но они поддаются восприятию той из сил совершенной, т. е. человеческой, души, которая называется человеческим разумом. Поскольку познание единичных вещей осуществляется посредством чувств, то все чувственно воспринимаемое, запечатлевающее свой образ в душе, принадлежит силе, пользующейся чувством. Что же касается любого видового понятия и того, что стоит над видом, то все это не запечатлевает в душе своего образа (ибо всякий образ является предметом чувственного восприятия), а есть в душе то, при помощи чего образуются суждения и устанавливается их истинность и достоверность, необходимо зависящие от истинности первых разумных, умопостигаемых начал...

Восприятие разумом акцидентально в отношении чувственного восприятия и предмет его в действительности не тождествен с предметом чувственного восприятия. Поэтому все то, что не имеет материи, но воспринимается вместе с материей, может мыслиться как нечто отображающееся в душе; находясь в чувственно воспринимаемом, оно лишь служит предметом разумного, а не образного восприятия...

Постижение истины упомянутыми двумя способами кажется, с одной стороны, легким, а с другой стороны, трудным, ибо кто ради познания умопостигаемых предметов хочет представить их себе в образной форме, хотя они вполне отчетливы в разуме, тот оказывается совершенно неспособным их видеть, подобно тому как глаза летучей мыши не могут в лучах солнца различить вещи, четко и ясно видимые нами. В этом-то и кроется причина недоразумений, бывающих у многих из тех, кто занят рассмотрением метафизических предметов: исследуя таковые, они, как дети, стараются их образно представить себе в душе так же, как они привыкли это делать при чувственном восприятии. Ведь обучение бывает легким тогда, когда оно касается привычных вещей. Об этом свидетельствует, в частности, та живость, с которой обучающиеся воспринимают проповеди, рассказы, стихи или сказки, т. е. все, что рассказывается, благодаря привычке, приобретенной ими в раннем возрасте, слушать разного рода повествования и побасенки. То же самое бывает и при рассмотрении ими природных явлений, ибо они прибегают при этом к пропедевтическому способу рассмотрения, а таковой необходим лишь при исследовании того, что лишено материи; ведь материя испытывает действие и поэтому находится в движении, а природа является первичной причиной всего подвижного и покоящегося.

Таким образом, все природное обладает материей, так что если человеку нельзя прибегать к математическому способу при рассмотрении природных

вещей, поскольку этот способ касается того, что лишено материи, то, следовательно, при рассмотрении природных явлений он окажется в таком же положении, в каком он оказался при рассмотрении метафизических предметов. Так что человек, прибегающий к этому способу при изучении природных явлений, окажется в затруднении и не добьется истины.

Вот почему всякий, кто изучает ту или иную науку, должен прежде всего исследовать то, что служит причиной предметов, исследуемых данной наукой...

... каждый вид рассуждения имеет свой особый способ познания, отличный от способа познания другого вида рассуждения. Вот почему многие из тех, кто занимался вещами, подлежащими разбору, также впадали в заблуждение, поскольку одни из них следовали привычке убеждать, другие – привычке представлять себе все в образной форме, третьи – привычке ссылаться на сообщения других, четвертые – привычке доверять только чувству, пятые – привычке доверять только доказательству, проводя недостаточно четкое различие между предметами познания. Некоторые же из них, познавая свой предмет, хотели использовать все эти способы сразу, либо не имея четкого представления о способах изучения тех или иных предметов, либо питая пристрастие к применению множества способов постижения истины. Мы же под каждым из познаваемых предметов подразумеваем то, то полагается, и не должны требовать в математической науке убеждения, в метафизике – чувственного восприятия, или образного представления, в началах науки о природе – силлогизмов, в риторике – доказательства, в началах доказательства – доказательства. Если мы будем соблюдать эти условия, то нам легко будет познавать предметы, к постижению которых мы стремимся. Если же мы будем нарушать их, то не достигнем в своих поисках преследуемой нами цели и нам трудно будет познавать предметы, к постижению которых мы стремимся...

Аль-Фараби

Указание пути к счастью

Из книги «Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. –
Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1978»

Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек, ибо оно является неким совершенством. Разъяснение этого не нуждается в [излишних] словах, ибо это – предельно известная [вещь]. Всякое совершенство есть цель, к которой стремится человек потому, что оно является неким благом, и это, без сомнения, предпочтительно. Поскольку цели, к которым стремятся как к предпочтительным благам, многочисленны, то счастье является самым полезным из предпочтительных благ. Ясно, что счастье в числе благ является наибольшим благом и в числе предпочтительных [вещей] является самой совершенной целью, к которой стремится человек. Блага, которым отдают предпочтение, избираются либо

для достижения некой другой цели (например, математика, прием лекарств), либо ради них самих. Ясно, что те [блага], которые предпочитаются ради них самих, заслуживают большего предпочтения, чем те, которые предпочитаются ради чего-то другого. Но бывает и так: то, чему отдают предпочтение ради него самого, предпочитается и ради чего-то другого.

Примером этому является знание. Иногда мы предпочитаем его ради него самого, а не с целью достичь чего-то другого, а иногда мы предпочитаем его для того, чтобы благодаря ему достичь богатства или чего-то другого из того, что мы можем достичь путем власти и знания. К предпочтительным благам относятся и такие, которые таковы, что их предпочитают всегда ради них самих и никогда – ради чего-то другого. Эти [блага] наиболее предпочтительны, наиболее совершенны и представляют большее благо, чем те, которые могут предпочитаться ради чего-то другого.

Поскольку мы видим, что, достигнув счастья, мы совершенно не нуждаемся в том, чтобы стремиться к другой цели, постольку из этого явствует, что счастье предпочитается ради себя самого и никогда – ради [чего-то] другого. Отсюда ясно, что счастье является самым предпочтительным, самым большим и самым совершенным из благ.

Наряду с этим мы также видим, что, достигнув счастья, мы не нуждаемся ни в чем другом. А тому, что является таковым, более всего приличествует быть самодостаточным. Это рассуждение свидетельствует о том, что счастье мнится каждым человеком именно таким, каковым оно является в его представлении. Некоторые считают счастьем богатство, другие видят счастье в [чем-то] другом, и каждый убежден, что его представление об абсолютном счастье и есть наиболее предпочтительное и величайшее или совершеннейшее [благо].

Таково положение счастья среди благ, из чего следует, что конечное достижение человеческого счастья требует от того, кто предпочел достижение его для себя, чтобы у него имелись способ и вещи, посредством которых он мог бы приобрести его. Для начала скажем, что обстоятельства, которые имеют место в жизни человека, делятся на такие, которые не влекут за собой похвалу и порицание, и на такие, которые влекут за собой похвалу или порицание. Человек не достигает счастья при обстоятельствах, которые могут повлечь за собой [либо] похвалу, либо порицание. Он достигает счастья при совокупности обстоятельств, которые влекут за собой и похвалу и порицание.

Таких обстоятельств, которые влекут за собой и похвалу и порицание, – три. 1. Это – действия, которые нужны человеку для того, чтобы использовать свои телесные органы, например, для вставания, сидения, езды, видения, слушания. 2. Аффекты души. Например, страсть, наслаждения, радость, гнев, страх, тоска, сострадание, ревность и тому подобное. 3. Здравомыслие. Это третье свойственно человеку либо на протяжении всей его жизни, либо по временам. Каждое из них либо похвально, либо порицаемо в человеке. Он заслуживает порицания за свои поступки, когда

они бывают безобразными, и похвалы, когда они бывают прекрасными. Он заслуживает порицания за аффекты души, когда они бывают не такими, какими им следует быть, и похвалы, когда они бывают такими, какими им следует быть. Он заслуживает порицания, когда он [проявляет] плохое здравомыслие, и похвалы, когда [проявляет] хорошее здравомыслие.

Хорошее здравомыслие заключается в том, чтобы [в человеке] возникло убеждение в истине, либо в том, чтобы он был способен выделить то, что ведет к ней. Плохое здравомыслие заключается в том, что человек не убежден в истинности или ложности того, что он предпочитает познать.

Мы должны выяснить, каким должен быть наш путь, чтобы наши действия были правильными и аффекты наших Душ такими, какими им следует быть, и каким он должен быть для достижения хорошего здравомыслия.

В первую очередь следует знать, что прекрасные действия могут быть присущи человеку случайно и совершаться им не по доброй воле. При таких прекрасных действиях, совершаемых при подобных обстоятельствах, счастья не достигают. Его достигают [при условии], если эти действия основаны на доброй воле и на [свободном] выборе. Счастья также не достигают, если эти действия совершают по доброй воле в отношении [лишь] некоторых вещей и от случая к случаю. Его достигают только тогда, когда [человек] предпочитает прекрасные действия во всем, что он совершает, и на протяжении всей своей жизни. Тем же самым условиям должны отвечать прекрасные аффекты души.

Точно также хорошее здравомыслие человек может приобрести случайно. Человек может получить убеждение в истине преднамеренно и искусственно. Счастье не достигается посредством благоразумия, если оно преднамеренное и искусственное, когда человек сознает, что и как он различает, но это проявляется не во всем и не всегда. При такой мере хорошего здравомыслия человек не достигнет счастья. Счастья достигают только при таком благоразумии, когда человек сознает, что и как он различает на протяжении всей своей жизни.

Несчастье постигает человека, когда его действия, аффекты души и здравомыслие противоположны тем, которые были указаны выше, а именно: если он совершает безобразные действия по доброй воле и [свободному] выбору во всех своих делах на протяжении всей своей жизни (это же касается и плохих аффектов его души) [и если] он обладает плохим здравомыслием во всем, что он различает на протяжении всей своей жизни.

Сейчас следует сказать о том, благодаря чему действия, аффекты души и здравомыслие пребывают в таком состоянии, при котором неизбежно достигают счастья, а также о том, благодаря чему эти три [вещи] бывают в таком состоянии, что за ними следует неизбежно счастье. Затем мы оставим эту [тему] и перейдем к другой.

Каждый человек, говорю я, с начала своего существования от природы наделен способностью, благодаря которой его действия, аффекты души и

здравомыслие бывают такими, как положено и бывают не такими, как положено. Благодаря этой способности человек совершает [как] прекрасные, [так и] безобразные действия. Причина этого заключается в том, что у человека есть потенциальная способность к совершению как безобразных, так и прекрасных действий. Благодаря этой же способности можно получить как хорошее, так и плохое здравомыслие. Точно так же эти способности влияют и на аффекты души. Возможность безобразного в них равна возможности прекрасного.

Затем в человеке образуется другое состояние, при котором эти три [вещи] пребывают только в одном из двух состояний, а именно: либо в хорошем, либо только в плохом, которые следуют. Возможность совершать то, что следует, не равна возможности совершать то, что не следует, однако благодаря этой возможности одно из них преобладает над другим.

Что касается способности, которой от природы наделен человек с начала своего существования, то он не может приобрести ее. Что до другого состояния, то оно образуется только путем приобретения его человеком. Это состояние делится на два вида: благодаря одному из них существует либо только хорошее, либо только плохое здравомыслие, благодаря другому существуют либо только прекрасные, либо только безобразные действия и аффекты.

Тот вид, благодаря которому существует хорошее или плохое здравомыслие, делится на две разновидности: благодаря одной из них существует хорошее здравомыслие, и оно называется силой ума, благодаря второй существует плохое здравомыслие, и оно называется слабоумием и глупостью.

Та разновидность, благодаря которой существуют прекрасные или безобразные действия и аффекты души, называется нравом. Благодаря нраву от человека исходят безобразные и прекрасные действия. Поскольку действия и здравомыслие, благодаря которым человек достигает счастья, зависят от вышеупомянутых условий, а одним из них является то, что они должны быть везде и всегда, постольку неизбежно должно быть и что-то, благодаря чему в данное время происходят эти действия и здравомыслие в данных условиях, чему свойственно одно из двух положений, с тем, чтобы человек благодаря этому мог сделать постоянным хорошее действие и хорошее здравомыслие во всем.

Человек от природы наделен такой способностью, которой свойственны оба положения, вслед за этим получается другое приобретенное состояние, которому свойственно только одно из этих положений, когда имеют место действия и аффекты души. Может быть, только благодаря им неизбежно достигается счастье, когда мы обладаем хорошим нравом и хорошим здравомыслием. Для того, чтобы мы посредством их достигли счастья, сила нашего ума становится нашим свойством, которое не исчезает или исчезает с трудом.

Хороший нрав и сила ума, оба вместе, являются человеческим достоинством в том смысле, что добродетель каждой вещи состоит в превосходстве и совершенстве в ней самой и в ее действиях. Если они оба [хороший нрав и сила ума] имеют место, то мы получаем превосходство и совершенство в нас самих и в наших действиях, и благодаря им обоим мы становимся благородными, благими и добродетельными: наш образ жизни становится добродетельным, а наше поведение – похвальным.

Сейчас мы рассмотрим, благодаря чему хороший нрав становится нашим свойством. Затем перейдем к тому, благодаря чему сила правильного восприятия становится нашим свойством. Под свойствами я подразумеваю такие, которые не исчезают или исчезают с трудом.

Мы говорим, что все нравственные качества как прекрасные, так и безобразные приобретаются. Когда человек не обладает сложившимся нравом, то, соприкасаясь с хорошим или плохим нравом, он может по своей воле перейти к противоположному нраву.

То, благодаря чему человек приобретает определенный нрав или переходит от одного нрава к другому, с которым он соприкасается, – это и есть привычка, а под привычкой я подразумеваю частые, долгие повторения какого-либо одного действия. Поскольку прекрасный нрав также приобретается привычкой, то нам следует сказать как о тех вещах, привыкая к которым мы вырабатываем у себя хороший нрав, так и о тех, привыкая к которым мы получаем дурной нрав.

То, говорю я, благодаря чему мы в силу привычки получаем хороший нрав, – это [не что иное], как действия, свойственные лицам с хорошим нравом. А то, благодаря чему мы получаем плохой нрав, – это [не что иное], как действия, свойственные лицам с плохим нравом. Положение, при котором обретаются нравы, подобно положению, при котором усваиваются искусства. Так, искусство письма достигается, когда человек привыкает совершать действия, свойственные искусному писцу. Точно так же обстоит дело с прочими искусствами. Хорошее письмо исходит от человека только благодаря совершенству писания, а совершенство писания достигается, когда человек совершенствуется и привыкает прекрасно выполнять его. Возможность хорошего письма есть у человека до обретения им совершенства писания – в заложенной в нем от природы потенции; после же обретения совершенства в писании оно [существует] благодаря искусству.

Точно также обстоит дело с прекрасным действием: [оно] возможно у человека до обретения хорошего нрава в заложенной в нем от природы потенции, после же его обретения оно [существует в нем] актуально. Когда человек привыкает к определенным действиям до обретения нравов, то у него вырабатывается нрав, из которого проистекают те же самые действия. Для того чтобы у человека выработался определенный нрав, необходима привычка к совершению соответствующих действий. Доказательство того, что нравы образуются от привычки, ты видишь из происходящего в городах.

Политические деятели делают жителей городов хорошими, приучая их делать добро.

Хорошими действиями являются такие, благодаря которым мы, в силу привычки к ним, получаем хороший нрав. Мы говорим, что совершенство человека совпадает с совершенством его нрава. Действия, благодаря которым человек добивается совершенства своего нрава, подобны тем [действиям], благодаря которым человек добивается совершенства своего тела. Совершенство тела человека – это здоровье: если есть здоровье, то его следует сохранять, а если нет его, то следует его приобрести. И как здоровье достигается только при соблюдении меры: при умеренной еде достигается здоровье, при умеренном труде приобретается сила, точно так же хороший нрав достигается при умеренных действиях. Если нет того, за счет чего достигается здоровье, то нет и здоровья, точно так же, когда действия отклоняются от меры и к этому привыкают, хорошего нрава не получается.

Уклон от меры – это либо избыток, либо недостаток. Еда больше или меньше положенного не сохраняет здоровья. Умеренный труд наделяет тело силой, а чрезмерный или недостаточный отнимает силу или сохраняет слабость.

Точно так же действия, уклоняющиеся от меры в ту или иную сторону, способствуют получению или сохранению плохих нравов и устранению хороших нравов.

Так же как середина в здоровье бывает при правильном сочетании избытка и недостатка, его силы и слабости, его продолжительности и кратковременности, в превышении или уменьшении их обоих, точно таким же образом середина в действиях будет при наличии их избытка и недостатка, силы и слабости, продолжительности и кратковременности. А поскольку середина во всем бывает только при правильном сочетании избытка и недостатка, силы и слабости этого в определенной степени, постольку достигнуть все это можно будет только при установлении какого-то мерила. Нам следует сказать о мере, которой мы определяем действия и достигаем середины.

Я считаю, что мера, которой мы определяем действия, аналогична мере, которой мы определяем то, что приносит пользу здоровью. Мера, которая приносит пользу здоровью, – это состояние тела, к которому мы стремимся как к состоянию здоровья. Середина, которая полезна здоровью, определяется тем, что она сопоставляется с другими состояниями и телами и измеряется условиями в той или иной стране. Точно так же меры действий – это состояния, сопутствующие этим действиям. Середину в действиях можно определить только при сопоставлении и оценке положений, сопутствующих им. Так, врач, желая определить степень, то есть меру в том, что полезно для здоровья, в первую очередь узнает темперамент тела, которое надо вылечить, узнает время, ремесло человека и прочие вещи, входящие в область врачебного искусства и определяющие меру того, что приносит здоровье в соответствии с темпераментом тела и временем выздоровления.

Точно так же, если мы хотим определить меру, которая является серединой в действиях, то мы сначала узнаем время действия, место действия, от кого оно происходит, на кого направлено, от чего происходит действие, чем производится, почему и для чего совершается, точно определяем действия мерой каждого из этих [факторов] и лишь тогда мы получаем середину. Когда действие учитывает все это, оно является умеренным, а когда не учитывает, то является либо чрезмерным, либо недостаточным. Поскольку меры этих вещей по избытку и недостатку не всегда одни и те же, то и умеренные действия не всегда одни и те же.

Сейчас следует рассказать о хороших нравственных качествах, а также упомянуть о нормах поведения, возникающих на их основе и направляющих мысль на изучение того, что является самым лучшим в области морали и какие действия предписываются ею.

Мы говорим, что храбрость это хорошее нравственное качество и достигается оно за счет умеренной смелости, проявленной в опасных делах и воздержании от них. Чрезмерная смелость в этих делах приводит к безрассудству, а недостаток смелости приводит к трусости, а это уже плохое нравственное качество. И когда вырабатываются эти нравственные качества, то из них истекают соответствующие действия.

Щедрость возникает при мере, проявленной в сбережении и в трате денег. Чрезмерная бережливость и недостаточная трата денег приводят к скупости, а это плохое нравственное качество. Чрезмерная трата и недостаточная бережливость приводят к расточительству. Из таких нравственных качеств вытекают соответствующие действия.

Воздержание происходит при умеренном пользовании наслаждениями; едой, женщинами. Избыток в этих наслаждениях приводит к алчности, прожорливости, а недостаток в них приводит к отсутствию чувства удовольствия, а это порицается. Такие нравственные качества вызывают соответствующие действия.

Остроумие, а это хорошее нравственное качество, возникает при умеренном использовании шутки. Человек должен в своей жизни отдыхать, а отдых всегда лишь таков, что чрезмерность в нем бывает приятна или, [по крайней мере], безболезненна. Шутка относится к числу того, что при своем обилии доставляет удовольствие или, [по крайней мере], она безболезненна. Середина в шутке дает остроумие, избыток приводит к шутовству, а недостаток в ней приводит к отсутствию [юмора]. Шутка проявляется в том, что человек говорит, делает или использует. Мера в ней это то, что подобает свободному, веселому, общительному человеку говорить и слушать.

Определение этих вещей подлежит исследованию. Определение всего этого исчерпывающим образом не является предметом этой книги, все это подробно рассматривается в другом месте. Правдивость по отношению к самому себе возникает только тогда, когда человек приписывает самому себе благие качества, добрые поступки, которые у него имеются. Когда же человек приписывает себе благие качества, добрые поступки, которых у него

нет, то в нем вырабатывается ложное самомнение. Когда человек приписывает себе что угодно, но не то, что ему присуще, то это вырабатывает в нем притворство.

Дружественность – это хорошее нравственное качество, которое возникает благодаря умеренности в общении одного человека с другими, ввиду чего он получает удовольствие в разговоре или поступках. Избыток в этом влечет за собой подобострастие, а недостаток – высокомерие. Если при этом он делает другому то, что того огорчает, то это влечет за собой недружелюбие.

На этом примере мы можем выявить, что же в этих действиях соответствует середине, чрезмерности и недостаточности. Сейчас нам следует рассмотреть искусный прием, с помощью которого мы можем приобрести хорошие нравы. Я говорю, что сначала нам следует перечислить различные нравы и перечислить действия, исходящие от различных нравов, а уже после этого следует рассудить и рассмотреть, какой нрав мы имеем и является ли этот нрав, присущий нам сначала, хорошим или плохим. Для ознакомления с этим следует рассудить и рассмотреть, при совершении какого действия мы получаем удовольствие, а при каком испытываем страдание. Ознакомившись с этим, мы рассмотрим, исходит ли это действие от хорошего нрава или от плохого. Если действие исходит от хорошего нрава, то мы говорим, что у нас хороший нрав, а если исходит от плохого, то мы говорим, что у нас плохой нрав. Так мы постигаем присущий нам нрав.

Так же как врач знакомится с состоянием тела посредством вещей, относящихся к состоянию тела, и если телу присуще здоровье, то он прибегает к искусному приему, с тем чтобы сохранить это состояние, а если телу присущ недуг, то он прибегает к искусному приему, с тем чтобы устранить эту болезнь, точно так же, если нам присущ хороший нрав, то мы прибегаем к искусному приему, с тем чтобы сохранить его в нас, а если нам присущ плохой нрав, то мы прибегаем к искусному приему, с тем чтобы устранить его.

Плохой нрав это душевный недуг. Для устранения болезни души нам следует подражать примеру врача в устранении болезни тела. Затем мы рассматриваем присущий нам плохой нрав, возникает ли он со стороны избытка или недостатка. И так же как врач, если телу присуща очень высокая или очень низкая температура, доводит ее до умеренной температуры в соответствии с мерой, определенной в искусстве врачевания, точно так же, когда нам присущи избыток или недостаток в нравах, то мы доводим их до умеренного состояния в соответствии с мерой, определенной в данной книге.

Поскольку достижение середины на первый взгляд очень трудно, то используется прием, направленный на то, чтобы человек приводил свой нрав к норме или насколько возможно приблизил его к норме. Так, достигнуть средней температуры тела очень трудно, для этого используется искусный прием, позволяющий насколько возможно приблизить тело к ней. Точно так же искусный прием, применяемый для достижения умеренного нрава,

заключается в том, что мы рассматриваем выработавшийся у нас нрав, и если ему присуща чрезмерность, то мы приучаем себя к действиям, проистекающим от противоположности, а именно от недостаточности, если он недостаточный, то мы возвращаемся к противоположным действиям, соответствующим чрезмерности. И так мы продолжаем какое-то время. Затем мы размышляем и рассматриваем, какой нрав сложился.

Сложившийся [нрав] пребывает в одном из трех состояний: либо в середине, либо отклоняется от середины, либо склоняется к середине. Если он близок к середине, но не переходит ее, [приближаясь] к другой противоположности, то мы продолжаем совершать те же действия какое-то время, пока не достигаем середины. Если же мы отклонились от середины, [приблизившись] к другой крайности, то мы совершаем действия, присущие первому нраву, и продолжаем делать это какое-то время, затем рассматриваем, как обстоит дело.

В общем, всякий раз, когда мы находим свою душу отклонившейся в какую-то сторону, мы совершаем действие, [присущее] другой крайности, и продолжаем совершать его, с тем чтобы насколько возможно достичь середины или приблизиться к ней. А то, [удалось ли нам] достичь в своих нравах меры, мы узнаем следующим образом: мы рассматриваем легкость действия, свойственную обеим крайностям, – имеет ли она место или нет. Если они одинаковы или близки друг другу по легкости, то мы знаем, что своей душой достигли меры. Испытание легкости [действий, проистекающих из] этих [крайностей], заключается в том, чтобы рассматривать их вместе.

Если мы не испытываем страдания ни от одного из них или наслаждаемся каждым из них, или наслаждаемся одним, не испытывая страдания, либо испытывая весьма небольшое страдание от другого, то мы знаем, что они по легкости одинаковы или близки друг другу.

Поскольку середина находится между двумя крайностями, то в этих крайностях можно найти то, что подобно норме или середине, и следует остерегаться крайности, сходной с серединой. Так, безрассудство сходно с храбростью, расточительство сходно со щедростью, шутовство сходно с остроумием, подобострастие сходно с дружелюбием, самоунижение сходно со скромностью, притворство сходно с искренностью человека. Так как среди этих крайностей есть такие, к которым мы более склонны по природе, то нам следует остерегаться их. Примером этому является недостаток смелости в опасном деле, скупость, к чему мы по природе более склонны. Тем более нам следует остерегаться крайностей, к которым мы более склонны и которые при том похожи на середину. Например, шутовство – это чрезмерность в использовании шутки. И поскольку шутить легко, то мы и начинаем склоняться к шутке.

Теперь нам осталось узнать, какое средство нам следует применить для облегчения перехода от одной крайности к другой или к середине. Одно рассуждения без [знания] этого средства будет, вероятно, недостаточно. Представляется, что совершить плохое [действие] легко, так как оно якобы

влечет за собой удовольствие; если же мы считаем, что действие доставляет нам страдание, то мы обретаем хорошее нравственное качество. Мы полагаем, что удовольствие в любом действии и деле является целью, и мы всеми своими действиями стремимся к этому. Есть удовольствия, следующие за чувственным восприятием, например, те, что следуют за восприятием чувства слуха, зрения, вкуса, осязания или обоняния. А есть удовольствия, следующие за пониманием чего-то, например, те, что относят к господству, власти, победе, знанию и тому подобному.

Мы всегда в большинстве своем исследуем чувственные удовольствия и предполагаем, что они являются целью и совершенством жизни еще до того, как мы начали ими пользоваться с самого начала нашего существования. А есть также и такие [удовольствия], которые являются причиной необходимого действия либо для нас, либо в мире. То, что необходимо для нас, – это питание, от которого зависит наша жизнь; то, что необходимо в мире, – это размножение. Поэтому-то мы и мним, что они [заключены] в цели жизни и что именно в них состоит счастье, тем более, что ощущения для нас более всего известны, понятны и доступны. Но при [ближайшем] рассмотрении и рассуждении становится ясно, что именно они препятствуют [достижению] большей части благ и мешают получению большей части того, благодаря чему достигается счастье. Когда мы видим, что чувственное удовольствие побуждает нас совершить хорошее [действие], то мы склонны к совершению его. Когда человек в силах отказаться от этих удовольствий или уменьшить их в какой-то мере, то это приближает его к похвальным нравам...

Хорошие деяния, за которыми сразу следует страдание, через известное время должны обязательно повлечь за собой удовольствие. И [наоборот] дурные деяния, за которыми сразу следует удовольствие, через известное время должны обязательно повлечь за собой страдание. Мы должны усвоить, какие удовольствия и страдания следуют из каждого действия в отдельности, и различать, с какими из них связано удовольствие, [испытываемое] сразу, и страдание, [испытываемое] по прошествии известного времени. Когда мы склоняемся к дурному действию ради удовольствия, которое по нашему мнению, будет следовать за ним через известное время, тогда мы сравниваем это удовольствие со следующим за ним через известное время страданием и подавляем в себе [желание] этого удовольствия, побуждающее нас к плохому действию. И тогда нам легко [становится] отказаться от плохого действия.

Когда же мы склоняемся к отказу от благого действия из-за страдания, постигающего [нас] сразу, тогда мы его сравниваем с наслаждением, которое влечет это действие через известное время, и заглушаем тем самым страдания, отклоняющие нас от благого действия. И тогда нам становится легко совершить благое действие. Точно так же, если мы склоняемся к дурному действию ради доставляемого им сразу удовольствия, то мы сравниваем его с тем дурным, которое будет проистекать из него через известное время.

Есть люди рассудительные и проявляющие решительность в [совершении] того, что требует рассудок. Таких [людей] мы обычно называем свободными по достоинству, тогда как тех, кто не обладает этими двумя [свойствами], мы обычно называем звероподобными; тех же, кто только рассудителен, но не обладает решительностью, мы называем рабами по природе. Это случилось и с некоторыми из тех, кто подвизается на поприще науки или философствует, они оказались на ступени тех, кто по рабскому положению не уступает первейшему, [самому поработанному] рабу. А [наука] из-за тех, кто подвизается на ее поприще, из-за того, что она оказалась несостоятельной и бесполезной для них, теряет свой престиж и унижается.

Среди них есть те, кто решителен, но не рассудителен. За таких рассуждают другие. В таком случае он либо подчиняется, либо не подчиняется тому, кто рассуждает за него. Если он не подчиняется, то он также звероподобен, а если подчиняется, то он преуспевает в большинстве своих дел и благодаря этому выходит из [разряда] рабов и вступает в разряд свободных.

Наслаждения, следующие из действий, одни более известны, и мы их лучше постигаем, а другие более скрыты. Самые известные – это те, которые [получают] сразу и носят чувственный характер. Точно также обстоит дело со страданиями: те из них, которые [испытывают] сразу и проистекают из чувственного восприятия, наиболее явны для нас, особенно если они при этом установлены религией. А к более скрытым относятся все прочие наслаждения и страдания. Более скрытые из них это те, которые являются естественными и [испытываются] через известное время и к тому же не осознаются. Те же из них, которые [испытываются] сразу и являются естественными, менее скрыты, так же как и те, которые [испытываются] через известное время и не относятся к чувственным.

Что касается свободных людей, то если они хотят посредством наслаждения и страдания облегчить себе благое действие и избежать дурного, то самое скрытое и самое явное для них одинаковы. Наслаждения, побуждающие их к дурному действию, подавляются страданием, независимо от того, относится ли оно к более скрытым или к более явным страданиям, поскольку их рассудительность делает явным то, чему свойственно быть скрытым для большинства [людей].

Что же касается других людей, то они воздерживаются от этих [дурных действий], подавляя свои удовольствия лишь самыми, какие только бывают, явными страданиями. Среди них могут быть и такие, которые, склоняясь к дурному [действию] из-за немедленного наслаждения, довольствуются тем, что это [дурное действие] подавляется наслаждением, о котором полагают, что оно следует за воздержанием от этого действия или за совершением противоположного ему действия. Именно таким образом следует воспитывать отроков. Тех же, кому и этого недостаточно, дополнительно [предупреждают] о страдании, следующем за дурным действием, и

представляют [это] страдание как можно более явным. Именно этим, то есть последним способом следует обращаться со звероподобными и теми, для кого недостаточен первый способ.

Самые явные наслаждения и страдания – те, которые касаются чувств. Те же, которые человек испытывает не через ощущения, то это такие, как страх, печаль, досада и тому подобное. Среди звероподобных есть такие, для которых достаточно только одних таких страданий; есть и такие, которым этого недостаточно, и им причиняется страдание через ощущения. Самым чувствительным из страданий, наносимых человеку через его ощущения, является то, что относится к чувству обоняния и чувству вкуса, затем идет то, что относится к другим чувствам. Таким путем человек может облегчить себе путь к совершению добра и воздержанию от причинения зла самому себе и другим.

Сказанного здесь достаточно. Исследование этого вопроса надлежит лицу, занимающемуся политикой. Он и исследует это. Нам следует сказать о хорошем здравомыслии. Сначала мы расскажем о хорошем здравомыслии, а затем – о способе, которым мы достигаем хорошего здравомыслия. Хорошее здравомыслие, говорю я, это то, благодаря чему мы получаем и достигаем познания всех вещей, которые человеку надлежит узнать. Здравомыслие двух видов: первому виду свойственно только знание, но не свойственно действие. Например, мы знаем, что мир сотворен, что Аллах – один, или мы знаем о причинах многих чувственно воспринимаемых предметов. Свойством второго является и знание и действие. Например, мы знаем, что любовь родителей – хорошее [качество], предательство – плохое [качество], справедливость – хорошее [качество], или, например, что медицина способствует достижению здоровья. Тот [вид], которому свойственно знание и действие, имеет завершенное действие. Если знание этих вещей не сопровождается действием, то оно несостоятельно, бесцельно. Тот же [вид здравомыслия], которому свойственно знание, но не действие, имеет завершение только в знании. Каждый из этих двух видов охватывает какие-то искусства.

Тот [вид], которому свойственно только знание, овладевает им только благодаря искусствам, способствующим приобретению познания, но не осуществлению его в действии. А тот [вид], которому свойственно знание и действие, овладевает так же другими искусствами. Эти искусства также двух видов. Благодаря первому виду мы получаем только знакомство с наукой. Благодаря другому виду мы узнаем, что можно делать и способны ли мы сделать это.

Искусства, благодаря которым мы получаем знание того, что [следует] делать, и способность совершить это, двух видов. К первому виду относятся те, которыми человек пользуется в городах: например, медицина, торговля, земледелие и тому подобные искусства. Ко второму виду относятся те, которыми человек пользуется в своем поведении. Он – самый лучший. Благодаря ему выявляются добрые дела и праведные действия и благодаря

ему проявляется способность совершить их. Каждое из этих трех искусств преследует определенную человеческую цель, то есть оно обладает присущей ему целью.

Человеческая цель трех [видов]: приятная, полезная и прекрасная. Полезная цель либо приятна, либо прекрасна. Искусства (стр. 20), имеющиеся в городах, обладают полезной целью. А те [искусства], которые характеризуют поведение, и те, в которых проявляется способность ведения торговли, имеют целью прекрасное в том смысле, что с их помощью приобретают знание и достоверное познание истины. Знание истины и достоверное знание – это, безусловно, прекрасно. Цель всех искусств либо прекрасная, либо полезная.

Следовательно, искусства подразделяются на два вида: цель одного вида – получение прекрасного, а цель другого – получение полезного. Искусство, целью которого является только достижение прекрасного, называется философией или, в абсолютном смысле, мудростью. В искусствах же, целью которых является полезное, нет ничего, что заслуживало бы названия мудрости в абсолютном смысле. Некоторые из этих искусств иногда называют этим именем, уподобляя его философии. Поскольку прекрасное [бывает] двух видов, а именно только знание и действие, то искусство философии также делится на два вида: благодаря одному виду достигают познания существующих предметов, на которые не распространяется человеческое действие. Это называется теоретической философией. Благодаря второму виду получают познание предметов, свойство которых таково, что на них распространяется действие человека. Именно в нем и заключена способность совершения прекрасного. Это называется практической и гражданской философией...

Гражданская философия распадается на два вида. Благодаря одному получают познание хороших действий и нравов, от которых исходят эти хорошие действия и способность [установления] причин их. Благодаря ему прекрасные вещи становятся нашим свойством. Этот [вид] называется этическим искусством. Другой [вид] охватывает знание положений, благодаря которым жители городов достигают прекрасного и способности получения и сохранения этого прекрасного. Этот вид называется политической философией.

Такова совокупность разделов искусства философии. Поскольку мы достигаем счастья только тогда, когда нам присуще прекрасное, а прекрасное присуще нам только благодаря искусству философии, то из этого необходимо следует, что именно благодаря философии мы достигаем счастья. А ее-то мы постигаем при хорошем здравомыслии...

Ибн Сина (980 – 1037)

Абу-Али ибн Сина (Авиценна) родился в местечке Афшане, близ Бухары. Великий философ провел жизнь, полную тревог и скитаний. Одно время Ибн-Сина находился при дворе правителя Хорезма. Позже, гонимый

нашествием султана Махмуда Газневидского, он перебрался в Джуржан, где им была начата работа над знаменитым «Канонем врачебной науки». Ибн-Сина – автор трех энциклопедических трудов: «Книги исцеления», «Книги спасения» и «Книги знания». Умер он в Хамадане.

В своих многочисленных трактатах и книгах (число их, по мнению специалистов, достигает 276) Ибн-Сина затрагивал все отрасли знаний его времени: физику, метафизику, психологию, логику, этику, политику, астрономию, математику, медицину и т. д. Специальному рассмотрению музыкальной теории посвящены пять его сочинений: раздел «Свод науки о музыке» в «Книге исцеления», раздел «Сокращенное изложение науки о музыке» в «Книге спасения», часть раздела «Математика» в «Книге знания», не дошедший до нас трактат «Введение в музыкальное искусство» и известная лишь по упоминанию автора в «Книге исцеления» работа под названием «Книга об атрибутах».

В настоящем издании публикуется перевод «Жизнеописания» – взято из книги: Сагадеев А.В. «Ибн-Сина (Авиценна)», 2-е изд. М.: «Мысль», 1985.

Жизнеописание

Отец мой был родом из Балха [1]. Во времена эмира Нуха ибн-Мансура [2] он переехал оттуда в Бухару и, поступив на государственную службу, принял на себя тогда же ведение дел в селении Хурмайсан близ Бухары, которое принадлежало в том округе к числу главнейших. Неподалеку от него расположено селение Афшана, где отец взял в жены мою матушку и, поселившись там, остался жить. Там и родился я, а потом – мой брат. Позже мы переселились в Бухару. Здесь ко мне были приглашены учитель Корана и учитель (адаба)[3] словесности; когда мне исполнилось десять лет, Коран и многое из словесности я усвоил уже настолько, что вызывал удивление.

Отец был среди тех, кто внял призыву египтян присоединиться к их учению, и стал считаться исмаилитом [4]. Он – а с ним и мой брат – слушал их рассуждения о душе и разуме, как об этом говорят и как это они сами понимают. Иногда, бывало, они обсуждают эти вопросы между собой, а я прислушиваюсь к ним, понимаю, о чем говорят, но душой не принимаю, и они начинают меня убеждать. Заводили они также разговоры о философии, геометрии и индийском счете. Потом отец стал меня посылать к одному торговцу-зеленщику, знавшему индийский счет, и я учился у него.

Затем в Бухару приехал Абу-Абдаллах ан-Натили. Поскольку он утверждал, что разбирается в философии, отец поселил его у нас в доме, и он принялся за мое обучение. Еще до его приезда я занимался фикхом, посещая Исмаила аз-Захида, и стоило мне освоиться с принятыми у факихов способами составления вопросов и возражений, как из меня вышел самый бойкий полемист. Вскоре под руководством ан-Натили я приступил к изучению «Эйсагоге» [5]. Когда он рассказал мне об определении рода – мол, это то, что сказывается при ответе на вопрос «что это?» о некотором множестве вещей, различающихся по виду, – я изумил его, разобрав это

определение так, как ему никогда не приходилось слышать. Он поражался: какой бы вопрос им ни поднимался, у меня складывалось о нем представление более ясное, чем у него самого. И он наказал отцу: я должен заняться не чем другим, как только наукой. В итоге мне удалось с ним усвоить лишь те начала логики, что лежат на самой поверхности; о тонкостях же ее у него не было ни малейшего понятия. Позднее я начал изучать книги самостоятельно, читал комментарии и в конце концов овладел логикой в совершенстве. Что касается книги Евклида [6], то с ан-Натили я прошел пять-шесть теорем из ее первой части, а все остальное решал уже сам. После этого я перешел к «Альмагесту» [7]. Когда покончил с его вводными разделами и дошел до геометрических теорем, ан-Натили сказал мне: «Разбери их сам, да реши – потом покажешь мне, и я объясню тебе, где верно и где неверно». Муж сей не вздумал и притронуться к книге, так что разбираться в ней мне пришлось самому. А сколько теорем он понял только тогда, когда изложил их и растолковал ему я. Затем ан-Натили распрощался со мной и уехал в Гургандж. Я приступил к самостоятельному изучению книг – текстов и комментариев – по физике и метафизике, и передо мной стали постепенно открываться врата науки.

Вскоре во мне пробудилась склонность к медицине, и я взялся за изучение посвященных ей сочинений. Врачебная наука отнюдь не относится к разряду трудных, а потому я преуспел в ней за самый короткий срок настолько, что учиться у меня медицине начали почтенные врачи. Пока я пользовал больных, мне открылись такие дающиеся опытом способы лечения, которые нигде не были описаны. Наряду с этим я занимался фикхом и участвовал в связанных с ним диспутах. И было мне в ту пору от роду шестнадцать лет.

Вслед за тем я на полтора года целиком погрузился в науку и учебу, возобновив занятия по логике и всем отраслям философии. За это время не выпало и ночи, чтоб я выспался, и не было случая, чтоб я в течение дня занимался чем-нибудь другим. Я клал перед собой стопкой листы бумаги и, разбирая доказательства, каждый раз записывал, какие у оных силлогистические посылки, каков их порядок, какие выводы из них могут следовать, и при этом старался не упустить из виду условий, коим должны отвечать посылки, и так до тех пор, пока наконец вопрос не становился мне ясен. Если с тем или иным вопросом у меня не ладилось и мне не давался в нем средний термин силлогизма, я отправлялся в соборную мечеть и молился, взывая о помощи к Создателю вселенной, пока мне не отмыкалось то, что было замкнутым, и не облегчалось то, что было многотрудным.

Возвратившись домой, я ставил перед собой светильник и вновь принимался читать и делать записи. Всякий раз, как одолевала дрема или чувствовалась усталость, я обращался к кубку с вином – пил, чтоб ко мне вернулись силы, – и затем возобновлял занятия, а всякий раз, как мною овладевал сон, те же самые вопросы являлись в сновидении, и немало их мне прояснилось во сне. И так продолжалось до той поры, пока я окончательно не

окреп во всех науках и стал разбираться в них в меру человеческих возможностей. Все, что было познано мною тогда, таково, будто я познал это только теперь, – по сей день к тому не прибавилось ровно ничего.

Со временем, овладев логикой, физикой и математикой, я добрался до божественной науки [8]. Прочитал книгу «Метафизика» [9], а что в ней – не понял. Замысел автора сей книги оказался для меня столь неясен, что она была вот уже сорок раз [10] как перечитана и запомнилась мне наизусть, а я все равно не мог уразуметь ни самой ее, ни ее назначения. Отчаявшись, я сказал себе: вот книга, к постижению которой нет никакого пути. Но однажды захожу я как-то после полудня в книжный ряд, и является взору моему торговый посредник, а в руках у него книжка, кою он громко призывает у него купить. Показывает книжку и мне, но я отказываюсь от нее – отказываюсь с досадой человека, разуверившегося в пользе той науки. А он мне говорит: «Покупай же – владелец книги в деньгах нуждается, и цена ее невелика – уступлю за три дирхема». Покупаю, и оказывается, что это сочинение Абу-Насра ал-Фараби о целях книги «Метафизика». Вернувшись домой, я тотчас принялся за чтение, и предо мною разом раскрылись цели этой книги – ведь она еще прежде мне запомнилась наизусть, Возрадовавшись, на завтра я щедро одарил бедных во благодарение всевышнего Аллаха

Однажды Нуха ибн-Мансура, тогдашнего правителя Бухары, постигла болезнь, озадачившая врачей. Поскольку я в ту пору был известен среди них как человек много знающий и начитанный, они завели при эмире разговор обо мне и предложили вызвать меня. Я явился, вместе с ними принял участие в его лечении и служением ему удостоился отличия. Как-то раз попросил я у него разрешения войти в библиотеку, почитать хранившиеся там книги и ознакомиться с их содержанием. Разрешение мне было дано. И вот впускают меня в здание со множеством комнат, в каждой из которых – лари со сложенными в стопки книгами: в одной комнате – книги по арабскому языку и поэзии, в другой – по правоведению, и так в каждой – книги по одной из наук. Ознакомившись с перечнем сочинений древних ученых, я прошу то, что мне нужно, и вижу такие произведения, о коих многие не слышали даже по названиям и которые не приходилось и мне видеть ни прежде, ни потом. Прочитав эти книги, я усвоил то, что в них было полезного, и узнал, каких степеней достиг тот или иной ученый в своей науке.

К тому времени, когда мне минуло восемнадцать лет, со всеми этими науками у меня было уже покончено. В отношении знания я обнаруживал тогда больше твердость памяти, а теперь оно у меня более зрелое, в остальном это то же самое знание – с тех пор у меня ничего нового не обновилось [11].

Жил со мною по соседству некто по имени Абу-ль-Хасан Просодист, который попросил меня составить сводное сочинение об этих науках, и я написал ему «Совокупность», назвав сию книгу его именем и включив в нее все науки, кроме математики. А был мне тогда двадцать один год.

Жил со мною по соседству и некто Абу-Бакр ал-Бараки, по месту рождения – хорезмиец, по складу ума – законник, славный знаток правоведения, толкования Корана и аскетизма, человек, питавший к оним наукам необычайную склонность. Этот человек попросил меня составить комментарии к книгам, и написал я ему книгу «Итог и суть», в двадцати примерно томах. Для него же мною была составлена книга по этике под названием «Благочестие и грех». Обе эти книги имеются только у него, так как для снятия копии ни ту ни другую он никому не одалживал.

Некоторое время спустя скончался мой отец, и мною стали распоряжаться обстоятельства. Я взялся за кой-какие дела по государственной службе, но необходимость вынудила меня покинуть Бухару [12] и перебраться в Гургандж, где визирем был любитель этих наук Абу-ль-Хасан ас-Сухайли. Меня представили тамошнему эмиру Али Ибн-Мамуну – а был я тогда в одежде правоведа, с повязкой, охватывающей подбородок, – и назначили мне месячное жалованье, вполне соответствующее таким, как я.

Затем необходимость вынудила меня перебраться в Нису, оттуда – в Бавард, оттуда – в Тус, оттуда – в Саманкан, оттуда – в Джаджарм, что на границе Хорасана, а оттуда – в Джурджан. Моей целью было – попасть к эмиру Кабусу. Но случилось так, что эмира схватили и заточили в какую-то крепость, где он и умер [13]. Тогда я отправился в Дихистан, перенес там тяжелую болезнь и оттуда вернулся в Джурджан. Здесь ко мне присоединился Абу-Убайд ал-Джузджани. По поводу своих злоключений я сочинил касыду, в которой был такой бейт:

Мне город мал любой, с тех пор как стал велик,
Я вздрожал ценой – исчез мой покупатель [14].

Ибн Сина

О душе

(Фрагмент из «Книги спасения»)

Из книги: «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. / Сост.: С.Н. Григорян, А.В. Сагадеев. – М.: Изд-во «Социально-экономической литературы», 1961.

Раздел о разумной душе

Что же касается разумной, человеческой души, то она делится на практическую силу и умозрительную силу. Каждая из этих сил называется разумом по общности имени.

Практическая сила является началом движения человеческого тела, побуждающим его совершать единичные осмысленные, соответствующие тем или иным намерениям действия. Она имеет известную связь с животной вожделеющей силой, с животной воображающей силой и силой догадки и сама обладает двойственной природой. Ее связь с животной вожделеющей силой заключается в том, что в ней возникают свойственные человеку состояния, благодаря которым он расположен быстро действовать и претерпевать действие, как это, например, бывает со стыдом,

застенчивостью, смехом, плачем и тому подобным. Ее связь с животной воображающей силой и силой догадки заключается в том, что она использует их, будучи занята рассмотрением порядка в возникающих и уничтожающихся вещах, а также изучением человеческих искусств. Ее двойственная природа заключается в том, что между практическим разумом и умозрительным разумом рождаются мнения, которые связаны с действиями и становятся распространенными и широко известными, как, например, то, что ложь и притеснение постыдны, и тому подобные исходные посылки, кои в книгах по логике отчетливо отграничиваются от первых начал разума.

Эта практическая сила необходимо господствует над остальными силами тела сообразно с предписаниями другой силы, о которой речь будет идти ниже, дабы она совершенно не подвергалась действиям этих сил, а чтобы, напротив, эти силы подвергались ее действиям и подавлялись, чтобы тело не вызывало в практической силе возникающие под воздействием природных вещей страдательные состояния, которые называются дурными нравственными качествами; необходимо, чтобы она вообще не подвергалась действиям и не была подчиненной, а чтобы, напротив, она господствовала над другими телесными силами и имела добродетельные нравственные качества.

Не исключено, что нравственные качества будут приписываться также и телесным силам; однако если последние возобладают, то они будут иметь некое деятельное состояние, а практический разум — страдательное. Таким образом, одно и то же будет источником нравственных качеств как для практического разума, так и для телесных сил. Но если телесные силы будут побеждены, то у них будет некоторое страдательное состояние, между тем как у практического разума будет деятельное состояние; так что мы будем иметь два состояния и два нравственных качества или же будет одно нравственное качество, но оно будет иметь двойное отношение. Имеющиеся у нас нравственные качества приписываются практической силе потому, что человеческая душа, как это выяснится ниже, есть единая субстанция, имеющая отношение к двум сторонам: одна сторона — это то, что выше нее, другая — то, что ниже нее. Для каждой из этих сторон человеческая душа имеет известную силу, посредством которой устанавливается связь между ней и этой стороной. Так что практическая сила имеется у души для связи с тем, что ниже нее, то есть с телом, и для управления им. Умозрительная же сила имеется у души для связи с тем, что выше нее и от чего она принимает умопостижимое. Итак, у нашей души имеется как бы два лица: одно лицо, обращенное к телу; необходимо, чтобы это лицо совершенно не поддавалось тому или иному воздействию, обусловленному природой тела, и другое лицо, обращенное к высшим началам; необходимо, чтобы это лицо получало от них и испытывало их воздействие. Вот то, что касается практической силы.

Раздел о путях приобретения знаний разумной душой

Знай же: приобретение знаний бывает разной степени, независимо от того, черпает ли их познающий у кого-то другого или у самого себя.

Некоторые приобретающие знание люди находятся ближе других к представлению, ибо их способность, предшествующая упомянутой нами способности, оказывается более сильной. Если такие люди могут совершенствоваться сами по себе, то эта сильная способность называется проницательностью. У некоторых людей эта способность может быть настолько сильна, что для соединения с деятельным разумом им не требуется прилагать особенно больших усилий в приведении (своей способности) в актуальное состояние и в обучении. Первая способность такого человека настолько сильна, что о нем можно было бы также сказать, что он обладает второй способностью: кажется, будто он все познает сам по себе. Это высшая степень такой способности. В данном состоянии материальный разум должен быть назван непогрешимым разумом. Он принадлежит к роду обладающего разумом, но он столь возвышен, что быть наделенным им дано не каждому человеку. Вполне вероятно, что некоторые из действий, приписываемых непогрешимому духу из-за их сильной и возвышенной природы, изливаются в воображение, которое представляет их себе в виде чувственно воспринимаемых образов и слышимых слов.

Доказательством же тому служит то очевидное положение, что предметы разумного восприятия приобретаются лишь в том случае, если получен средний термин силлогизма. А этот средний термин можно получить двумя способами: иногда благодаря проницательности, представляющей собой такое действие разума, посредством которого средний термин постигается сразу самим разумом. Эта сила проницательности заключается в сообразительности. Иногда же средний термин приобретается благодаря обучению, а начала обучения сами приобретаются благодаря проницательности, ибо всякое знание может быть сведено в конечном счете к постигаемым благодаря проницательности началам, которые те, кто приобрел их впервые, сообщили обучающимся. Но человек может благодаря своей собственной проницательности обнаружить истину, и силлогизм может быть построен в его голове без помощи какого бы то ни было наставника. Причем это происходит по-разному как в отношении количества, так и в отношении качества: в отношении количества — потому, что некоторые люди обладают большим числом средних терминов, найденных ими благодаря своей проницательности; в отношении качества — потому, что у некоторых людей благодаря проницательности познание занимает меньше времени, чем у других. Поскольку эти различия не ограничены и всегда бывают разной степени таким образом, что на низшей ступени оказываются те, кто совершенно лишен проницательности, то, значит, и высшую ступень необходимо занимают люди, обладающие проницательностью во всех или большинстве вопросов, или же те, у кого благодаря проницательности познание занимает наикратчайшее время.

Таким образом, среди людей может оказаться человек, чья душа имеет такую чистоту и так тесно связана с началами разума, что он будет воспламеняться наитием от деятельного разума, имеющего связь со всем.

Таким именно образом формы всего, что содержится в деятельном разуме, отображаются в душе этого человека сразу или почти сразу, и он принимает их, опираясь не на установившиеся убеждения, а на определенную систему, объемлющую все средние термины. Ибо установившиеся убеждения относительно того, что познается через его причины, не удостоверяются разумом. А эта способность есть определенный вид пророчества, даже высшая форма пророческой способности, и она более всего достойна названия непогрешимой способности. Это высшая человеческая способность.

Раздел о том, что разумная сила не мыслит посредством телесного органа

Мы утверждаем: если бы разумная сила воспринимала посредством телесного органа, так что свойственное ей действие осуществлялось бы лишь благодаря использованию этого телесного органа, то из этого необходимо вытекало бы, что она не воспринимает ни самой себя, ни этого органа, ни того, что она воспринимает. Ибо нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ею самой. Равным образом нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ее органом или между нею и тем, что она воспринимает. Она не воспринимала бы ни самой себя, ни того, что могло бы быть названо ее органом, ни того, что она воспринимает. Из этого следует, что она воспринимает через себя, а не через какой-то орган. Далее, восприятие разумной силой своего органа происходило бы либо благодаря той или иной форме последнего — и в этом случае данная форма была бы одновременно и в разумной силе и в ее органе, — либо благодаря некоторой другой форме, качественно отличной от формы ее органа — и тогда эта форма была бы также и в разумной силе и в ее органе. Если это происходило бы благодаря форме ее органа, то эта форма находилась бы всегда как в органе, так и в самой разумной силе. А из этого следует, что она всегда должна была бы воспринимать свой орган, ибо она могла бы воспринимать другие вещи только тогда, когда их формы принимались бы этим органом. Но если бы это происходило благодаря некоторой другой форме, различие между вещами, имеющими общее определение, возникало бы либо благодаря различию в их материи, либо благодаря различию между всеобщим и единичным, между отвлеченным и тем, что находится в материи. Но различия между материями не существовало бы, ибо материя этих вещей одна. Равным образом не существовало бы никакого различия и между отвлеченным и находящимся в материи, ибо как то, так и другое находились бы в материи. Точно так же не было бы никакого различия между тем, что относится к виду, и тем, что относится к роду, ибо одна форма приобретала бы единичность лишь через единичную материю и через акциденции, зависимые от материи, в коей она находилась бы, а пребывание в материи не являлось бы чем-то таким, что было бы свойственно одной форме и не свойственно другой.

Равным образом невозможно, чтобы восприятие разумной силой ее органа происходило благодаря некоторой умопостигаемой форме, отличной

по виду от формы органа. Это было бы даже еще большей нелепостью, ибо, если умопостигаемая форма находилась бы в воспринимающей субстанции, то она давала бы этой субстанции знание о том, формой чего она является, так, что форма того, к чему эта форма относится, оказалась бы составной частью самой умопостигаемой формы. Но эта умопостигаемая форма не является формой данного органа (или формой чего-то такого, что имеет к нему сущностное отношение), поскольку сам орган есть субстанция, в то время как мы отвлекаем и рассматриваем лишь форму его сущности и субстанция сама по себе не может иметь к нему отношение. Это важный довод в доказательство невозможности того, чтобы воспринимающее воспринимало орган, посредством которого оно воспринимает. Вот почему чувство воспринимает внешний предмет, но не воспринимает ни самого себя, ни своего органа, ни своего воспринимающего действия. Точно так же и представление не представляет ни себя самого, ни своего действия, ни своего органа. Если бы оно даже и представляло свой орган, то оно могло бы совершенно свободно делать это, как ему заблагорассудится, так, что образ его органа не относился бы к какому-то одному предмету, пока ощущение не передало бы ему — если это было бы только возможно — форму его органа. В этом случае оно воображало бы лишь представляемую форму, взятую именно из данного одного предмета чувственного восприятия, а не из другого, так, что если бы его орган не был данным единичным органом, то оно вовсе не могло бы его вообразить.

**Еще одно доказательство,
касающееся того же предмета**

А вот еще один ясный и убедительный довод в пользу этого. Силы, воспринимающие благодаря запечатлеванию форм в определенном органе, при продолжительном действии ослабевают, ибо постоянное движение вызывает в органах усталость и разрушает их состав. Острые впечатления, с большой силой воздействующие на органы восприятия, ослабляют, а иногда и разрушают их — так, что, восприняв их, эти органы уже не могут воспринимать более слабые впечатления, поскольку сильное действие глубоко проникающих впечатлений приводит их в страдательное состояние. Именно так обстоит дело с чувством: глубоко проникающие раздражения большой силы, повторяясь, вызывают в органах слабость, а подчас и расстройство; так действует ослепительный свет на зрение или оглушительный гром на слух. Эти чувства, испытав очень сильное раздражение, уже не могут воспринимать слабые раздражения: так, всякий, кто видит яркий свет, одновременно или даже после этого уже не может воспринимать слабое свечение; точно так же всякий, кто слышит громоподобный звук, одновременно или даже после этого не может воспринимать слабый звук; равным образом всякий, кто пробует что-нибудь очень сладкое, после этого уже не может ощутить на вкус что-нибудь менее сладкое. Но с разумной силой дело обстоит как раз наоборот: продолжительность мышления и образование разумной силой четких

понятий придают ей еще большую мощь и способность к последующему восприятию чего-то менее четкого. Если же она время от времени устает и утомляется, то это происходит потому, что разум прибегает к помощи воображения, которое использует орган, поддающийся усталости, и которое поэтому иногда отказывается служить разуму. Если бы разумная сила уставала по какой-нибудь другой причине, то это случилось бы постоянно. В действительности же разум большей частью сохраняет свою работоспособность.

Третье доказательство

Далее, по завершении телесного роста, что происходит к сорока годам или около этого, силы всех частей тела начинают слабеть, в то время как разумная сила после этого большей частью как раз и крепнет. Если бы эта сила была одной из телесных сил, то со временем она должна была бы слабеть, но в действительности это бывает лишь в тех случаях, когда она сталкивается с некоторыми особыми препятствиями, а такое бывает далеко не всегда. Стало быть, она не принадлежит к числу телесных сил.

Унсур аль-Маали Кайковус «Кабус-намэ»

Из книги «Кабус-намэ / пер. Е. Бертельса. – М.: Изд-во
восточной лит-ры, 1958. – 136 с.»

Отдельные цитаты из всей книги:

Самое ценное и дорогое, что нашел я в жизни, собрано в этой книге наставлений и назиданий, написанной для тебя...

Живи усердием, а не усилиями.

Пусть ни один знатный человек не стыдится обучать своего сына ремеслу.

Совет, данный кому-либо в присутствии других людей, воспринимается как упрек.

Если есть у тебя разум, учись чему-нибудь, ибо разум без умения – тело без платья или человек без лица: образование – лицо разума.

Если оскудеешь имуществом, старайся разбогатеть разумом, ибо богатство разумом лучше, чем богатство добром. Ведь разумом можно добыть богатство, а богатством разума не накопишь. Невежда живо обнищает, а разум ни вор не может унести, ни вода, ни огонь не могут загубить...

Старайся, хотя у тебя и есть род и знатность происхождения, все же приобрести и личную знатность, ибо личная знатность лучше унаследованной; как сказано, почет – за ум и за образованность, не за род да происхождение. Величие в разуме и знаниях, не в роде и происхождении. Не довольствуйся той славой, которую тебе дали родители, это ведь только внешний знак, доброе же то, что ты добудешь себе умением, когда ты от имени «Зейд» и «Джафар» («дядя» и «дяденька») перейдешь к прозвищу

«мастер» [устод], «литератор» [адиб] и мудрец. Ведь если у человека, кроме наследственного благородства, нет благородства иного, он никому в обществе не годится. Если же ты у кого-нибудь найдешь эти благородства, хватайся за него и не выпускай из рук, ибо он нужен всем.

Пока можешь, не покладая рук твори добрые дела. Людям себя показывай как человека добродетельного и, показав себя таким, не будь иным на деле. Не говори языком одно, когда на сердце у тебя другое, дабы не стать торговцем, который показывает пшеницу, а продает ячмень. И во всех делах будь сам справедлив, ибо кто сам справедлив, тому и судья не нужен.

Сократ сказал: нет сокровищницы лучше знания, и нет врага хуже дурного человека, и нет почета величавее, чем знание, и нет украшения лучше стыда. И потому, сынок, старайся научиться мудрости. В каком бы положении ты ни был, веди себя так, чтобы не прошло у тебя и часа без приобретения мудрости; ведь мудрости надо учиться и у невежд. Ибо если ты согласишься на неуча оком сердца и устремишь на него зрение разума, то будешь знать: то, что в нем тебе не нравится, то и не надо делать.

Как говорил Искандар, я выгоду получаю не только от друзей, но даже и от врагов. Если у меня был какой-либо дурной поступок, друзья по снисхождению стремятся его скрыть, чтобы я не знал, а враг по причине вражды говорит, чтобы мне это стало известно. Тогда я это дурное дело от себя удаляю и, следовательно, выгоду эту получаю от врага, не от друга. И ты тоже учись этой мудрости и у невежды, не только у мудреца.

Поступай с людьми хорошо, ибо люди должны глядеть в зеркало; если вид его [лица] хорош, то надлежит, чтобы и поведение было подобно виду его, ибо безобразие красивому не идет. Но если взглянешь в зеркало и увидишь, что лицо твое безобразно, все равно надлежит творить добро, ибо, если ты будешь делать зло, ко злу прибавишь зло, а это очень нехорошо и безобразно – два безобразия вместе.

Глава пятая

О почитании отца и матери

Знай, о сын, что так как творец наш, да возвысится он, захотел, чтобы мир оставался устроенным, он создал продолжение рода и сделал животную страсть причиной его. Следовательно, как на основании разумных соображений сыну обязательно уважать и почитать [причину] бытия своего, так же обязательно ему и уважать род свой и почитать его, род же его — это отец и мать. Смотри же, не говори: какие у отца с матерью права на меня, их цель была страсть, не меня они имели в виду. Хотя целью и была страсть, но страсть-то выкупается нежностью их, тем, что ради тебя они и на смерть готовы пойти.

Наименьшая причина уважения к отцу и матери уже хотя бы то, что они оба – посредники между тобой и творцом твоим. Поскольку ты уважаешь творца своего, соответственно тому нужно уважать и посредников.

Тот сын, которым постоянно руководит разум, никогда не будет пренебрегать правами отца и матери и любовью к ним. И господь наш, да прославится он, говорит в преславном слове своем: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и повелителю вашему». Этот стих толковали на несколько ладов, и в одном предании я читал так, что повелитель — это отец и мать, ибо [слово] амр по-арабски [имеет] два [значения]: дело или приказ; повелитель — тот, у кого и приказ и власть. А отцу и матери дана власть вскормить и приказ научить добру.

Смотри, о сын, не терзай сердца родителей, не презирай их сердечные муки, ибо творец за сердечные муки их сильно наказывает и [в преславном Коране] говорит: «И не говори им тьфу и не отталкивай их, а говори им почтительное слово».

Передают, что у повелителя правоверных Али, да возрадуется Аллах, спросили: «Каковы права отца и матери над сыном и сколько их?». Он ответил: «Это правило поведения господь всевышний показал при смерти родителей пророка. Ибо если бы они дожили до времени пророчества его, пророку было бы обязательно считать их выше всех [смиряться и унижаться перед ними и вести себя как подобает сыну]. Тогда слабым оказалось бы то слово, которое он, да благословит Аллах его и род его, сказал: «Я господин сынов Адама и нет в том гордыни».

Итак, если ты не будешь рассматривать право родителей с точки зрения веры, смотри с точки зрения разума и человечности. Отец и мать твои — причина добра и основа возвращения тебя самого. Если ты допустишь оплошность в отношении их, то это покажется так, словно ты недостойн никакого добра. Ибо тот, кто не ценит основного блага, не знает цены и благу производному. Делать неблагодарным добро — темнота. Ты же не ищи темноты и поступай с отцом и матерью так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали твои собственные дети. Ведь тот, кто родится от тебя, будет желать того же, что желал тот, от кого ты родился.

Человек — словно плод, а отец и мать — как дерево. Чем больше ты будешь заботиться о дереве, чем лучше и прекраснее будешь уважать и любить отца и мать, тем доходчивее будут их молитвы и благословения над тобой и ты будешь ближе к благоволению божью и благоволению их.

Смотри, не желай смерти родителей ради наследства, ибо и без смерти их достанется тебе то, что тебе назначено в удел. Ведь уделы распределены на всех, и каждому достанется то, что назначено ему. Ты не терзайся особенно из-за удела, он от стараний не умножится. Ведь сказано, живи усердием, а не усилиями.

Если хочешь из-за удела быть довольным господом всевышним, не смотри на тех, у кого положение лучше, смотри на тех, положение которых хуже твоего, чтобы всегда быть довольным господом всевышним.

А если оскудеешь имуществом, старайся разбогатеть разумом, ибо богатство разумом лучше, чем богатство добром. Ведь разумом можно добыть богатство, а богатством разума не накопишь. Невежда живо

обнищает, а разум ни вор не может унести, ни вода, ни огонь не могут загубить.

Итак, если есть у тебя разум, учись чему-нибудь, ибо разум без умения – тело без платья или человек без лица, ведь сказали: образование – лицо разума.

Глава восьмая

С упоминанием советов Нушинравана Справедливого

(Нушинраван – один из персидских царей, чьи идеи приводит Кайковус в «Кабус-намэ»)

Сначала он сказал: «Пока день и ночь приходят и уходят, превратности судеб не дивись».

И сказал: «Почему людям раскаиваться в деле, в котором они уже один раз раскаялись?».

Сказал: «Почему спит спокойно тот, кто знаком с царем?».

Сказал: «Почему считает себя живым тот, жизнь которого сложилась не по его желанию?».

Потом сказал: «Того, кто без вины [с твоей стороны] скажет о тебе дурное, скорее прости, чем того, кто тебе об этом донесет».

Потом сказал: «Тому, кто выслушивает направленные к нему соблазны, не будет столько докуки, как тому, кто слушает без пользы».

Потом сказал: «По сравнению с человеком, потерпевшим большие убытки, несущим еще большие убытки, считай того, у кого зрение глаза с ущербом».

Потом сказал: «Всякого раба, которого покупают и продают, считай более свободным, чем того, кто раб своей глотки».

Потом сказал: «Как бы человек ни был учен, но если наградой [за] это ему не будет разум, знания его — беда для него».

Потом сказал: «Кого время не обучило, на обучение того никому не надо тратить усилий, ибо усилия эти пропадут понапрасну».

Потом сказал: «Убереечь все от невежды легче, чем его самого от него же самого».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы люди о тебе хорошо говорили, говори сам хорошо о людях».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы твои труды для людей не пропали напрасно, смотри, чтобы труды людей для тебя напрасно не пропадали».

Потом сказал: «Если не хочешь иметь мало друзей, не питай вражды».

Потом сказал: «Если не хочешь быть крайне опечаленным, не будь завистливым».

И еще сказал: «Если хочешь избежать обиды, не гони то, что не идет».

Потом сказал: «Если ты хочешь провести жизнь легко, приноравливай свое поведение к делу».

Потом сказал: «Если ты не хочешь, чтобы тебя считали безумцем, не ищи того, что нельзя найти».

Потом сказал: «Если не хочешь обмануться, не считай несделанное дело сделанным».

И еще сказал: «Если ты не хочешь, чтобы твои тайны разгласили, не разглашай чужих тайн».

Потом сказал: «Если не хочешь, чтобы у тебя за спиной смеялись, будь милостив к подчиненным».

И еще сказал: «Если хочешь избежать длительного раскаяния, не поступай по желаниям сердца».

Потом сказал: «Если хочешь быть проникательным, разгляди свое лицо в зеркале чужих».

Потом сказал: «Если хочешь не знать страха, не чини зла». Потом сказал: «Если хочешь, чтобы тебя ценили по заслугам, сам цени других людей».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы душа следовала твоим словам, следуй своим словам сам».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы люди тебя одобряли, умному человеку своей тайны не открывай».

Потом сказал: «Если хочешь возвыситься над людьми, будь хлебосолен».

Потом сказал: «Почему ты не назовешь врагом человека, который видит свою доблесть в причинении обиды людям?».

Потом сказал: «Почему ты зовешь другом того, кто враждует с твоими друзьями?».

Потом сказал: «С людьми бесталанными не дружи, бесталанные люди ни в друзья не годятся, ни во враги».

Потом сказал: «Берегись невежды, который себя считает ученым».

Потом сказал: «Будь справедлив сам, чтобы не нуждаться в справедливом суде».

Потом сказал: «Хоть истина и горька, а слушать ее надо».

Потом сказал: «Если не хочешь, чтобы твою тайну узнал враг, не доверяй ее другу».

Потом сказал: «Не замечай мелочи и не говори громких слов».

Потом сказал: «Людей, лишенных достоинств, не считай живыми».

Потом сказал: «Если хочешь без труда стать богатым, будь нетребователен».

Потом сказал: «Не покупай понапрасну, чтобы не пришлось продавать понапрасну».

Потом сказал: «Лучше смерть, чем нужда в помощи равных себе».

Потом сказал: «Лучше умереть от голода, чем насыщаться хлебом, добытым в унижении».

Потом сказал: «Во всяком предположении, которое у тебя возникает, на недостойных доверия не полагайся, а от достойных доверия доверия не отнимай».

Потом сказал: «Нуждаться в том, кто ниже тебя, — великое бедствие, ибо лучше умереть в воде, чем просить пощады у лягушки».

Потом сказал: «Развратник, но скромный, довольствующийся только этим миром, — лучше, чем набожный человек, заносчивый и ищущий того мира».

Потом сказал: «Нет глупее тех людей, которые на человека, та ничтожества добравшегося до величия, по-прежнему смотрят как на ничтожного».

Потом сказал: «Нет хуже того стыда, как настаивать на чем-нибудь, чего не знаешь, и потом оказаться лжецом».

Потом сказал: «Нет человека, более обманувшегося, чем тот, кто найденное отдает за ненайденное».

Потом сказал: «Нет в мире подлее того человека, к которому у кого-нибудь есть нужда, если он может ее выполнить и все же не выполняет».

Потом сказал: «Если хочешь считаться справедливым, старайся, насколько можешь, чтобы подданным твоим жилось хорошо».

Потом сказал: «Если хочешь считаться благородным, не допускай к себе алчности и не давай ей места в сердце».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы на тебя не пало порицание простых людей, хвали их дела».

Потом сказал: «Если хочешь быть любимцем всех сердец и не вызывать ни у кого неприязни, говори так, как другим этого хочется».

Потом сказал: «Если хочешь быть лучшим и наиболее достойным похвалы у всех людей, не одобряй для других того, чего не одобряешь для себя».

Потом сказал: «Если хочешь быть лучшим из людей, ничего для них не жалея».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы язык твой был длинным, пусть руки твои будут короткими».

Вот это и есть речи и советы Нушинравана Справедливого. Когда прочтешь их, о сын, не относись с презрением, ибо от этих слов исходит аромат мудрости, а также и аромат царства. Ибо ведь это речи мудрецов и в то же время речи царей. Все их уясни себе и теперь же заучи, пока молод, ибо, когда состаришься, не будешь заниматься слушанием, так как старики знают то, чего молодость не знает, а Аллах лучше ведает правильный путь.

Глава двадцать седьмая

О воспитании детей и распорядке его

Знай, о дорогой мой, если даст тебе Бог сына, то прежде всего дай ему хорошее имя, ибо это — одно из отцовских прав. А затем поручи его разумным и ласковым кормилицам, а когда наступит время обрезания — сверши обряд и, по мере возможности своей, устрой празднество. Потом заставь его учить Коран, дабы он стал хафизом. Когда подрастет он, обучи его владению оружием, чтобы он научился ездить верхом и владеть оружием

и знал, как нужно действовать разного рода оружием. А когда закончит он изучение военного дела, нужно, чтобы ты обучил сына плавать.

Рассказ. Когда было мне десять лет, был у меня хаджиб, называли его Ба-Манзар-хаджиб, он хорошо знал верховое искусство, и был у нас абиссинский слуга по имени Рейхан, он тоже хорошо знал это искусство.

Отец мой, да помилует его Аллах, вручил меня этим двум, чтобы они научили меня верховой езде, владению копьем, бросанию дротика, игре в чоуган, [искусству] бить табтабом, забрасыванию аркана и всему, что относится к рыцарским мужественным делам. Потом Ба-Манзар-хаджиб и слуга Рейхан пошли к моему отцу и сказали: «Сын господина изучил все, что мы знали. Пусть господин повелит, чтобы он завтра на охоте показал господину, чему он научился». Эмир ответил: «Ладно».

На другой день я отправился и показал отцу все, что знал. Эмир повелел дать им халаты и затем сказал: «То, чему вы учили моего сына, он хорошо знает, но лучшее искусство он не изучил». Они спросили: «А что же это за искусство?» – «Все те искусства и мастерства, что он знает, все это такого рода, что в случае нужды, если не сможет он [сам] это сделать, другой сможет сделать это за него. Тому искусству, которым ему нужно владеть самолично и которое никто другой за него сделать не сможет, вы его не обучили». Они спросили: «Что же это за искусство?». Эмир ответил: «Плавание, ибо это за него, кроме него самого, никто не сможет сделать». И привез он из Абисгуна искусных моряков и поручил меня им, чтобы они научили меня плавать. Против воли, неохотно выучился я, но хорошо. Случайно в тот год, когда поехал я в хаддж, у ворот Мосула напали на нас [разбойники]. Караван ограбили, арабов было много, и наших [сил] на них не хватало. Короче говоря, попал я в Мосул голым. Не знал, что делать, сел в ладью на Тигре и поехал в Багдад. А там дела пошли хорошо, и сподобил меня Господь Всевышний [удостоиться] хадджа. А говорю я это всё за тем, что на Тигре, не доезжая Абкары, есть опасные места, глубокий водоворот, так что надо опытного морехода, чтобы там пройти, ибо, если не знает он поворотов, как надо проходить, ладья погибнет. Нас в ладье было несколько человек. Прибыли мы в то место. Корабельщик был не мастер своего дела, не знал, как нужно идти. По ошибке он повел ладью на самую середину того дурного места, и она затонула. Нас было около двадцати пяти человек. Я и еще один старик из Басры и один из моих гулямов по имени Кави выплыли, а все остальные погибли. Умножил я подаяния в память моего отца и призывал на него милосердие божие. Понял я, что этот старец предвидел такой день и потому так на учил меня плавать, а я-то не догадывался.

Потому нужно, чтобы всем искусствам и преимуществам, которые следует изучить, ты обучил своего сына, дабы выполнить отцовские права и осуществить отцовскую любовь. Ведь нельзя считать себя в безопасности от превратностей мира и нельзя знать, что с человеком стрясется. Всякое искусство и всякое умение когда-нибудь да пригодится. Потому-то нельзя допустить оплошности в изучении искусств и приобретении знаний.

А во время учения, если учителя его побьют, ты не жалея и позволяя, ведь дитя изучает науки и художества и искусства из-под палки, не по своей охоте. Но, если нагрубит он и ты на него разгневаешься, своей рукой не бей, пристражай учителями и им прикажи наказать, чтобы не появилось у него в сердце злобы к тебе. Но будь с ним строг, чтобы он тебя не презирал и всегда тебя страшился. Денег и золота и всяких желаний, какие у него будут, для него не жалея, насколько можешь, чтобы ради денег не желал он твоей смерти в расчете на наследство и не покрывал себя позором. Знай, что право сына получить знания и воспитание. Если сын плохой, ты на это не смотри, а выполняй отцовские права, и в обучении и воспитании оплошности не допускай, если бы даже не было у него совсем разума. Если ты его не воспитаешь, воспитает время. Как говорят: кого не воспитали родители его, того воспитают ночи да дни.

Соблюдай же отцовские обязанности, чтобы он жил так, как ему ниспослано. Когда люди возникают из небытия, природа и нрав их им уже даны, только от мягкости и слабости и бессилия не могут они их проявить. По мере того как человек растет, тело и дух его становятся сильнее, а дела очевиднее, и добрые и злые. И когда созреют они, разовьются окончательно и обычаи их, выявятся все добродетели и пороки. А ты воспитание, образование и обучение сделай своим наследством и оставь ему, чтобы удовлетворить его права, ибо нет для детей знати наследства лучше воспитания. А для сыновей простого люда нет наследства лучше, чем ремесло, хоть ремесло и не дело для знатных. Искусство – одно дело, ремесло – другое. Но, по правде, по-моему, ремесло – величайшее искусство, и пусть сыновья знатных людей знают сотни ремесел, если они только ими не зарабатывают, то это не укор, а достоинство.

Когда-нибудь все пригодится.

Рассказ. Знай, что когда Гуштасп лишился своего трона (а это рассказ длинный, но суть вся в том, что попал он в Рум), поехал он в Константинию, а ничего у него с собой не было из мирских богатств. Показалось ему позорным просить подаяния. А случайно вышло так, что в детстве во дворце своем видел он кузнецов, которые делали железные вещи – мечи, ножи, стремена и удила – поблизости [от него]. Верно было ему предначертано звездами это ремесло, постоянно вертелся он возле кузнецов, и смотрел, и ремесло это видел, и научился ему. В тот день, что попал он в беду в Руме, сказал он румским кузнецам: «Я это ремесло знаю». Взяли его в поденщики, и, пока он там жил, кормился он этим ремеслом, и ни в ком у него нужды не было, и получал он от него пропитание, пока не попал на родину. Потом он приказал войску: пусть ни один знатный человек не стыдится обучать своего сына ремеслу, ибо часто бывает, что сила и мужество бесполезны, тогда-то и нужно знать какое-нибудь ремесло или дело. И всякое знание, которое получишь, когда-нибудь понадобится. И с тех пор среди иранцев вошло в обычай, что не было знатного человека, который бы не обучал своего сына ремеслу, хотя нужды в этом не было и делали это только по обычаю.

Потому, чему можешь, учись, ибо получишь от этого пользу. Но, когда сын вырастет, присматривайся к нему. Если он склонен к добрым нравам и хозяйству и ты поймешь, что он [может] заняться хозяйством, и женитьбой, и умножением благ, подумай о том, чтобы найти ему жену, чтобы исполнить и эту обязанность. Но, если только можешь, когда женишь сына или выдаешь замуж дочь, не соединяйся со своей родней. Жену ищи у чужих. Соединяешься ли с родней или нет, они все равно — мясо и кровь твоя. Бери из другого племени, тогда и твое племя будет тебе родней и чужое тоже, силы удвоятся, и получишь помощь с двух сторон.

Если же ты знаешь, что он не склонен к хозяйству и доброй жизни, дочь хороших хозяев и мусульман в беду не повергай, ибо оба они будут тяготиться друг другом. Дай ему, когда он вырастет, жить так, как он сам захочет. После твоей смерти он ведь всё равно станет таким, каким ему быть ниспослано.

Раздел. Если дитя твоё будет дочерью, поручи её кормилицам добродетельным и заботливым, а когда подрастет — дай воспитательнице, чтобы она изучила намаз, пост и все условия шариата, принадлежащие к обязательным, но писать ее не учи. А когда она вырастет, старайся как можно скорее выдать ее замуж, ибо дочери лучше не иметь, а если она есть, лучше ей быть замужем или в могиле. Пока она у тебя в доме, будь с ней всегда ласков, ибо девушки — пленницы родителей. Если у юноши нет отца, он сам может найти себе дело и сам может себя содержать, как бы там ни было, а девушка — беспомощна. То, что имеешь, прежде всего трать на дочь, позаботься о ней и взвали ее кому-нибудь на шею, чтобы избавиться от забот о ней. Если дочь — девушка, то и зятя ищи неженатого, чтобы жена привязалась сердцем к мужу, да и он старался ее хорошо держать и обе стороны ладили.

Рассказ. Так слышал я, что Шахрбану была маленькая девочка. Взяли Шахрбану в полон, свезли от персов к арабам. Подошел к ней повелитель право верных Омар, да возрадуется ему Аллах, повелел продать ее. Когда ее отвели на продажу, подошел повелитель правоверных Али, да возрадуется ему Аллах, и передал такое известие от посланника, да помилует его Аллах и да подаст ему мир: «Нет продажи для потомков царей». Когда он передал это известие, продажу Шахрбану прервали и отдали ее в дом Салмана Фариси, чтобы выдать замуж. Когда доложили ей о замужестве, Шахрбану сказала: «Пока не увижу мужа, не пойду за него замуж». Посадили ее на вышку и провели мимо нее знатных арабов и йеменцев, чтобы она пошла замуж за того, которого выберет. Салман сидел около нее и пояснял, что это за люди, что это, мол, такой-то, а тот — этакий. И всех она порицала, пока не прошел Омар. Шахрбану спросила: «Кто это?». Салман ответил: «Омар». Шахрбану сказала: «Человек он большой, но старый». Когда прошел Али, Шахрбану спросила: «Это кто?». Салман ответил: «Али, да возрадуется ему Аллах». Шахрбану сказала: «Человек он величавый, но завтра, в том мире, я не смогу посмотреть в глаза светлой Фатиме, я стыжусь и потому не хочу». Когда

прошел Хасан ибн-Али, узнав, кто это, она сказала: «Он мне подходит, но у него много жен, не хочу». Когда прошел Хусейн ибн-Али, да возрадуется ему Аллах, она спросила, узнала и сказала: «Он достоин меня, он должен быть моим мужем. Девушке нужен неженатый мужчина, я не выходила замуж, он не женился».

Но зятя выбирай красивого и дочь безобразному человеку не отдавай, ибо девушка к безобразному мужу не привяжется, а на тебя и на мужа падет позор. Нужно, чтобы зять был красивый, и правоверный, и честный, и хозяйственный. Ты должен знать, откуда и чем он добывает деньги на содержание твоей дочери. Но нужно, чтобы твой зять был ниже тебя и по богатству и по знатности, чтобы он тобой гордился, а не ты им, и чтобы дочь твоя жила покойно. Вот как обстоит то небольшое, что сказал я, большего не требуй. Не торгуй дочерью, чтобы и зять не лишился своего благородства и проявил человеколюбие. Ты трать то, что у тебя есть, и посади ему на шею дочь и избавь себя от этого великого бедствия, да и друзьям советуй то же. А Аллах знает лучше.

Ибн Рушд (Аверроэс)

Опровержение опровержения

Из книги: «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. / Составители С.Н. Григорян и А.В. Сагадеев. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1961»

Примечание составителя хрестоматии: в данном фрагменте ибн Рушд опровергает деление наук о природе, данных Аль-Газали. Идеи последнего Аверроэс приводит вначале, а затем следуют его собственные критические размышления.

Абу-Хамид говорит:

«Что касается так называемой Науки о природе, то она представляет собой множество наук; мы перечислим ее части, дабы знали, что шарият не требует, чтобы в ней что-либо оспаривалось или отрицалось, за исключением упоминаемых нами случаев. Она делится на главные разделы и на подразделы. Главных разделов восемь. Первый раздел – о делимости, движении и изменении, кои присущи телу как таковому, и о таких отношениях и следствиях движения, как время, место и пустота; все это содержится в книге «Чтения о природе». Второй раздел – о расположении частей элементов мира, то есть небес и четырех элементов, кои находятся в подлунном мире, об их природе и причине, почему каждый из них занимает определенное место; все это содержится в книге «О небе и о мире». Третий раздел – об условиях возникновения, уничтожения, самопроизвольного и полового размножения, роста, старения, превращения, а также о том, как сохраняются виды, несмотря на то что особи уничтожаются вследствие двух небесных движений (к западу и к востоку); все это содержится в книге «О

возникновении и уничтожении». Четвертый раздел – о том, что бывает с четырьмя элементами при смешении, вследствие которого возникают такие небесные явления, как облака, дожди, гром, молнии, ореолы вокруг луны, радуга, удары грома, ветры и землетрясения. Пятый раздел – о минеральных субстанциях. Шестой раздел – о свойствах растений. Седьмой раздел – о животных; им посвящена книга «О природе животных». Восьмой раздел – о животной душе и о воспринимающих силах; в этом разделе утверждается, что душа человека не умирает со смертью тела, что она есть духовная субстанция, которая не может уничтожиться.

Что касается подразделов, то их семь. Первый содержит врачебную науку; ее цель – познать начала человеческого тела, свойственные ему состояния здоровья и болезни, их причины и признаки, дабы изгонять болезни и сохранять здоровье. Второй подраздел – это астрология; наблюдая расположение и сочетание звезд, звездословы строят предположения о состоянии мира и государства и (о следствиях, кои вытекают из определенных) дат рождения и годов. Третий подраздел – это физиогномика, которая по внешнему облику (человека) судит о (его) характере. Четвертый подраздел – это толкование снов; из сновидений заключают о том, что видела душа из мира сокровенного, ибо воображающая сила представляет все инообразно. Пятый подраздел – это наука чародейства, состоящего в сочетании небесных сил с силами некоторых земных тел, дабы из их сочетания получить силу, творящую чудеса в земном мире. Шестой подраздел – это наука заклинаний, состоящая в смешивании сил земных субстанций, дабы из их смешения возникли чудесные вещи. Седьмой подраздел – это алхимия; цель ее – изменять свойства минеральных субстанций таким образом, чтобы посредством тех или иных уловок получить золото и серебро. Нет никаких оснований утверждать, что какая-нибудь из этих наук противоречит шариату; во всех этих науках мы расходимся с философами в четырех положениях».

Я говорю:

Что касается перечисления восьми родов наук о природе, то оно, по учению Аристотеля, правильно. Но что касается наук, перечисленных Абу-Хамидом в качестве их подразделов, то они не таковы, как он их представил. Врачебная наука не входит в число наук о природе, так как она есть практическое искусство, которое лишь берет свои начала из науки о природе: ведь наука о природе есть умозрительная наука, а врачебная наука есть практическое искусство. Когда мы говорим о чем-то, что служит предметом как практической, так и умозрительной науки, то мы можем рассматривать такой предмет с двух сторон; так, например, физиолог рассматривает здоровье и болезнь как роды природных явлений, в то время как врач, рассматривая их, ставит себе целью узнать, как сохранить одно и подавить другое, то есть как сохранить здоровье и подавить болезнь. Астрология также не принадлежит к числу наук о природе; она предвещает только будущие события и принадлежит к тому же виду (занятий), что гадание и

предсказывание. К тому же самому виду (занятий) относится и физиогномика, только предмет ее – скрытые явления в настоящем, а не в будущем. Толкование снов также есть предсказывающая наука; подобного рода наука не принадлежит ни к умозрительным, ни к практическим наукам, хотя и считается, что она имеет практическую пользу. Что же касается чародейских наук, то они несостоятельны, ибо если мы примем, что положения (небесных) сфер оказывают воздействие на искусственные вещи, то это действие остается только в самой вещи и не переходит от нее на другие вещи, находящиеся вне ее. Что касается наук о заклинаниях, то они принадлежат к тому, что вызывает удивление, но не являются умозрительными искусствами. Весьма сомнительно, существует ли алхимия (как действительная наука); если да, то ее искусственные произведения не могут быть тождественны с произведениями природы; в лучшем случае искусство может только подражать природе, но оно никогда не достигнет действительности самой природы. Что касается вопроса о том, может ли она производить что-либо такое, что было бы похоже на естественные произведения, рассматриваемые как род, то у нас нет достаточных данных для того, чтобы ответить на него положительно или отрицательно; а эти данные можно получить лишь после продолжительных опытов.

Аль-Газали

Яркие высказывания имама Мухаммада ал-Газали

- Везёт тому, чьи грехи умирают вместе с его смертью.
- Лучшее, благороднейшее знание – это знание о Боге и Его делах. Ведь от этого знания зависит совершенство человека, его счастье и добродетель.
- Очищение сердца в ярком свете знания – вот сфера воздействия послушания, поклонения и действия всех сил человеческой души.
- Глупейший из людей тот, кто слишком уверен в своём превосходстве и слишком доволен собой. А умнейший из людей тот, кто больше других критикует и обвиняет самого себя.
- Если увидишь человека, с подозрением относящегося к Богу, знай, что у него грязная и мерзкая душа. Верующий – тот, кто с чистым и открытым сердцем относится ко всем.
- Если не остановишь свою душу, желающую сделать что-то допустимое, но не обязательное, то она может осмелеть и захотеть сделать что-то запрещённое.
- Самое ценное знание – это понимание хитростей, уловок души и ухищрений дьявола. Обретение такого знания – индивидуальная обязанность, которая предписана всем мусульманам. Но люди пренебрегают ею и всё больше склоняются к наукам, которые вводят их в искушение и ставят их под власть дьявола.
- Счастье всегда и во всём зависит от того, насколько человек способен контролировать свою душу и управлять ею. А все несчастья – от власти душевных страстей над человеком.

– Человек, не познавший хитрости шайтана и болезни, порождаемые душевными страстями, может сколько угодно совершать обряды поклонения Богу, однако все эти усилия пойдут впустую и только утомят его. Он так и пройдёт свой путь в этом мире, не получив ничего, а загробная жизнь станет для него настоящей гибелью.

– Ошибается тот, кто видит противоречие в светских и религиозных (шариатских) науках и считает, что их невозможно соединить друг с другом. Это следствие отсутствия проницательности, для излечения которого нужно обратиться за помощью к Богу.

– Если ничего не делать, то нельзя и рассчитывать на вознаграждение.

– Печалей и озабоченностей столько же, сколько старания и воли.

– Хорошее обращение с женщинами определяется не тем, что ты их не обижаешь, а тем, что терпишь от них издевательства и мучения и выносишь их непонимание и крики.

– Лекарства различаются от болезни к болезни. Зачастую лекарство, излечивающее одну болезнь, оказывается вредным при другом заболевании.

– Отношение между человеком и его жизнью можно показать на следующем примере. Некто летом продавал лёд, и кроме льда, не имел другого источника дохода. «Проявите милосердие к тому, чей источник дохода тает на глазах», – взывал он к людям.

– Искренность и чистосердечность означает исполнение всех дел исключительно во имя Бога, при этом тот, кто так поступает, не должен испытывать опьянение от похвал других людей, но не должен и обращать внимание на их порицание и хулу.

– Знай, что двуличие возникает тогда, когда начинаешь возвеличивать другое сотворённое существо этого мира и склоняться перед ним.

Аль-Газали Трактат «Письмо к сыну»

Один из учеников имама Мухаммада ал-Газали, который в течение долгих лет учился у него, однажды подумал: «Я изучил разнообразные науки, и теперь настало время для того, чтобы понять, какая из этих наук будет особенно полезна для меня завтра, в День Страшного Суда. Какая из них уйдёт со мной могилу и останется там со мной в качестве спутника и собеседника?». Этот ученик написал письмо шейху и попросил у него наставлений по этому вопросу, пояснив свое желание так: «Хотя на мой вопрос отвечают такие сочинения шейха, как “Возрождение наук о вере” и другие, мне бы хотелось, чтобы шейх буквально на нескольких листах написал свои пожелания и наставления, которые я мог бы держать при себе до конца жизни и – да будет на то воля Аллаха! – жить по ним и придерживаться их в своих делах».

В ответ на это письмо имам ал-Газали написал и отправил просителю трактат, перевод которого мы предлагаем вниманию наших читателей.

Мои советы – от Пророка (с)

Во имя Бога, Милостивого, Милосердного!

Возлюбленный сын! Да дарует тебе Всевышний Господь долгую жизнь! Да благословит он тебя идти по пути тех, кого Он любит! Знай, что многие поучения и советы были взяты у нашего Пророка (с). Если и ты получил от него наставления, то зачем теперь тебе мои советы? А если ты не воспринял какой-либо из его советов, разошедшихся по всему миру, то зачем же ты столько оставался при мне и учился у меня?

Бесполезные дела

Сын мой! Одним из признаков того, что Всевышний отвернётся от своего раба и не проявит к нему милости, является то, что этот раб занимается такими делами, которые бесполезны для него в этом мире и в делах религии. Если человек проведёт хотя бы час своей жизни в делах, ради которых он не создан, он может и должен испытывать сколь угодно сильное раскаяние и печаль по этому поводу, и никакая печаль не будет слишком велика.

Каждый, кто переступил порог сорокалетия и при этом количество его добрых дел не превышает количество его злодеяний и злостных поступков, должен готовиться к адскому огню. И этого совета должно быть достаточно для учёного человека.

Знание довлеет над знающим

Легко давать советы, но нелегко их принимать.

Добрый совет обычно горек для тех, кто следует за страстями своей души и ищет мирских наслаждений, тогда как «запретное» – сладко и притягательно. Это особенно касается таких, как ты, то есть людей, которые изучают науки и стараются развить превосходства и достоинства своей души, получить мудрость, думая, что только в знании лежит путь к спасению и что никаких дел уже не нужно.

Да будет славен Господь! Учёный человек должен понимать, что только знание без всяких практических дел принесёт ему вред посмертно, ибо в отношении него, знающего, будет выноситься более суровый и жёсткий приговор.

Ибо Пророк (с) сказал: «Самое большое наказание в День Страшного Суда уготовано учёному, которого Господь не удостоил возможности получить пользу от своих знаний» [101].

Один из наших предшественников увидел во сне Джунайда ал-Багдади и спросил его, что он делает после смерти. На что Джунайда ответил: «Все мои слова, все мои изыскания и пояснения здесь были уничтожены и уже ничего не значат. Единственное, что оказалось здесь для меня полезным, это несколько *ракатов* [102] молитвы, прочитанной мной среди ночи».

Одних знаний недостаточно

Сын мой! Не пренебрегай добрыми делами. Будь уверен, что одного знания недостаточно для человека, ибо только знание не способно помочь ему.

Это можно показать, опираясь на следующее высказывание. Допустим, человек, вооружённый десятком индийских мечей, обладающий храбростью и привычкой к военным действиям окажется в глухом, диком месте, где на него внезапно нападёт лев. Как ты думаешь, достаточно ли только иметь всё это оружие, чтобы спастись от верной гибели? Или всё же нужно его применить в схватке со львом, чтобы не погибнуть от его когтей? Очевидно, что просто иметь оружие недостаточно, а необходимо его применить. Именно это и обеспечит спасение. Так же обстоит дело и со знанием. Даже если человек изучит сто тысяч научных вопросов, даже если он всё выучит, но при этом не будет поступать в соответствии с тем, что узнал, все эти знания не принесут ему никакой пользы. А польза от них будет только тогда, когда он начнет поступать в соответствии со своими знаниями.

Только делом можно заслужить признание

Сын мой! Даже если будешь учиться сто лет и соберёшь у себя тысячи книг, всё равно ты удостоишься милости Аллаха только в том случае, если будешь поступать в соответствии с тем, что выучил за все эти годы. Ибо Господь говорит:

«Человек получит только то, к чему он стремился».

«...Тот, кто надеется на встречу со своим Господом, пусть совершает праведные деяния...».

«Пусть они мало смеются и много плачут в воздаяние за то, что они приобретали!».

«Воистину, для тех, которые уверовали и творили добрые дела, местом пребывания будут райские сады».

А что ты скажешь о *хадисе* от нашего Пророка (с), который сказал: «Ислам основан на пяти опорах:

первая – вера во Всевышнего Аллаха и в то, что Мухаммад – Его Посланник;

вторая – исполнение намаза; третья – подавать милостыню – закят бедным мусульманам раз в год;

четвёртая – соблюдать ежедневный пост в месяц рамадан;

пятая – совершить хадж раз в жизни при условии, что для этого есть материальные возможности?»

Вера возникает в результате произнесения слов языком, одобрения сердцем и совершения конкретных дел частями тела человека. Согласно Корану и Сунне, дела имеют бóльшую ценность для веры, чем слова.

Раб Божий в силу своей мудрости, добродетельности и милости Божьей попадает в рай, но это обусловлено тем, что он своим послушанием и поклонением становится достойным милости Божьей. Ведь милость Аллаха даётся только благодетельным людям.

Хасан ал-Басри (р) сказал: «В День Страшного Суда Господь скажет рабам своим: “О Мои рабы! Войдите в рай по Моей милости и разделите её [милость] в соответствии со своими богоугодными делами!”».

Воздержание от желаний

Сын мой! Знай же, что, пока ты чего-то не сделаешь, не получишь за это вознаграждения.

Рассказывают, что один иудей в течение семидесяти лет поклонялся Богу, и Господь захотел показать его усердие и высокую набожность ангелам. Господь послал к этому человеку ангела, чтобы он передал такое послание: «Эти постоянные молитвы не делают тебя достойным вхождения в рай». Когда ангел передал иудею это послание, этот набожный человек сказал: «Мы были сотворены для поклонения Богу как Его рабы, и наш долг – поклоняться Ему». Когда ангел вернулся, Господь сказал: «Что ответил Мой раб?». Ангел доложил: «Господи! Ты лучше знаешь, что он сказал». Господь ответил: «Так как он не отворачивается от поклонения Мне, как Мой раб, недостойно и Нам, несмотря на всю мудрость, отворачиваться от него. Ангелы Мои, будьте свидетелями, что Я простил его!».

Хазрат Омар сказал: «Сами посчитайтесь с собой, прежде чем сочтут ваши счета [после смерти]. Сами оцените свои дела, прежде чем ваши дела будут оценены».

А Али (а) сказал: «Каждый, кто думает, что может без всяких усилий достигнуть желаемого, так и останется со своим не исполненным желанием. Тот же, кто полагает, что может достигнуть цели, приложив усилия, ни в чем не будет нуждаться».

Приведём слова Хасана ал-Басри (р): «Грех хотеть попасть в рай и не делать никаких добрых дел».

И ещё от него же: «Свидетельством истинности веры является не отказ от дел, а способность не обманываться делами».

Пророк ислама (с) сказал: «Умён тот, кто постоянно соизмеряет свои душевные желания и готовится к загробной жизни. Невежествен и слаб тот, кто следует за своими душевными страстями и полностью им подчиняется, но при этом много желает от Бога [не прилагая усилий к достижению желаемого]» [107] .

Намерение и цель получения знаний

Сын мой! Сколько бессонных ночей ты провёл за чтением книг и повторением полученных тобой научных знаний! Сколько часов сладкого сна ты потерял за этими занятиями! Но какую цель ты преследовал, какова была твоя внутренняя направленность сознания? Знай, что если ты хотел таким образом достигнуть мирских целей, получить серьёзный пост, занять важную должность, возвыситься над близкими тебе людьми, то я могу сказать одно: «Горе тебе, мой мальчик!».

Если же ты стремился оживить и восстановить шариат хазрата Мухаммада (с), очистить и облагородить свой нрав и природу и подавить свою страстную душу, то я говорю тебе: «Праведный, ты поступил наилучшим образом!».

Держать ответ за свои поступки

Сын мой! Живи на этом свете, сколько тебе хочется, но когда-то и ты умрёшь.

Люби всё, что хочешь, это не имеет значения, ибо однажды тебе придётся расстаться с тем, что любишь.

Делай всё, что хочешь, ибо однажды тебе придётся ответить за все свои поступки.

Дело без знания

Сын мой! Знание без дела – безумие, а дело без знания невозможно.

Знай же, что знание, которое сегодня не сможет удержать тебя от греха и подвигнуть на поклонение Тому, кому следует поклоняться, в день Страшного Суда не сможет удержать тебя от попадания в адский огонь.

Если сегодня не будешь действовать в соответствии со своим [религиозным] знанием и не захочешь восполнить то, чего не сделал в прошлом, в день Страшного Суда ты станешь одним из тех, которые говорят:

«...Пошли нас обратно, и мы будем поступать праведно...».

А в ответ услышишь: «О, глупец! Ты ведь и пришёл оттуда [из материального мира]!».

Думай о своём конце и загробной жизни

Сын мой! Сосредоточь все свои усилия на душе и духе, а смерть пусть останется в теле. Ведь кладбище – твоё пристанище, а жители могил каждое мгновение ждут тебя и хотят знать, когда ты присоединишься к ним. Так что будь внимателен. Не дай Бог явиться тебе к ним без дорожного запаса и с пустыми руками.

Праведный Абу Бакр Сиддик говорил: «Это тело или клетка для птиц, или загон для скота». Всмотрись же в самого себя и подумай хорошенько, к какой группе ты принадлежишь. Если ты относишься к небесным птицам, то, услышав призыв «Возвращайтесь к Господу своему!», ты полетишь к высочайшим райским вершинам. А если ты относишься к тому, что было названо «скотом», то тогда к тебе будут относиться слова Всевышнего: «...Они подобны скотине, но являются ещё более заблудшими. Именно они являются беспечными невеждами». Если ты таков, то не сомневайся, что ты из своего жилища прямиком попадешь в адский огонь.

Не спи слишком много

Сын мой! Если бы было достаточно только знания и не было необходимости в делах, бессмысленным оказался бы и это призыв Господа: «Есть ли кто-либо, кто чего-либо хочет? Есть ли желающий прощения? Есть ли кто-либо, кто хочет покаяться?».

Согласно одному повествованию, как-то раз у Пророка (с) сидела группа соратников. Они говорили перед ним об 'Абд Аллаха бин Умаре. И тогда Пророк (с) сказал: «Он хороший человек, но хорошо было бы, если бы он ещё и читал ночной намаз».

Посланник Всевышнего (с) однажды сказал одному из своих асхабов: «Не спи слишком много ночью, ибо излишний сон может сделать тебя нищим в День Страшного Суда».

Завет Лукмана

Среди заветов мудрого Лукмана (а) его сыну есть такой: «Сын мой, не допускай того, чтобы петух оказался более бдительным и ловким, чем ты. Да не будет такого, чтобы он прокричал наступление рассвета, а ты бы ещё был в постели».

Смирение и поклонение

Сын мой! Вся наука сводится к тому, чтобы понять, в чём состоит суть смирения и поклонения.

Знай же, что смирение и послушание – это следование священному шариату словами и делами, соблюдая то, к чему он призывает, и то, от чего он предостерегает. Всё, что ты делаешь и от чего отказываешься, должно соответствовать Божественному шариату. Так, если ты станешь поститься в праздничный день или встанешь на намаз в одежде, незаконно отобранной у кого-то, это будет нарушение шариата. Хотя пост и намаз – это поклонение Господу, исполняя их в указанных выше условиях, ты совершишь грех, так как твои действия не будут соответствовать правилам шариата.

Согласование с шариатом

Сын мой! Достоинно будет, если твои слова и дела будут соответствовать непорочному исламскому шариату, ибо знания и дела без этого введут тебя в заблуждение. Кроме того, не попадайся на наживку бессмысленных и далёких от смысла и разума лжесуфиев, ибо этот путь [суфизма] можно пройти только с помощью больших усилий, а не посредством предубеждений, бессмысленных речей и всякого другого вымысла.

Четыре условия следования по пути Господа

Сын мой! Знай же, что каждому, идущему по этому пути, надлежит выполнить четыре условия. Они таковы:

- 1) истинные убеждения, свободные от *бида* – недозволенных новых норм;
- 2) принятие твёрдых и ненарушимых обетов, от которых нельзя отказываться и которые нельзя преступать;
- 3) соблюдение своих обязанностей перед другими, дабы никто не мог предъявить тебе претензий;
- 4) получение знаний об исламском законе для исполнения повелений Бога.

После этого нужно получить знания о загробной жизни, что обеспечит спасение.

В чём заключается знание

Сын мой! Хатам Асам был одним из сподвижников Хакика ал-Балхи. Однажды Шакик спросил его: «Ты провёл в беседах и общении со мной тридцать лет. И до чего ты дошёл?». Тот ответил: «Польза, которую я получил от знаний, сводится к восьми пунктам. Мне этого достаточно, ибо надеюсь, что в них будет моё спасение».

«Каковы же они?» – спросил Шакик. Хатам ответил, что они состоят в следующем:

1. Я посмотрел на людей и увидел, что у каждого есть любимое существо, к которому каждый испытывает нежные чувства. Некоторые из этих возлюбленных существ сопровождают их почти до болезни, имеющей смертельный исход. Некоторые – до могилы. А затем все они возвращаются, оставив его в одиночестве в тёмной могиле. И никто из них не остаётся там с ним. Я подумал и пришёл к выводу, что лучшим другом человека является тот, кто остаётся с ним в могиле. И я не нашел ничего, кроме добрых дел, что могло бы отвечать этому требованию. Именно поэтому объектом моей любви стали благие дела, ибо они станут для меня светильником в могиле и собеседниками в одиночестве.

2. Я видел людей, которые следуют за своими страстными желаниями, стремятся претворить в жизнь свои желания. И тогда я подумал об аяте, в котором Господь говорит: «Тому же, кто боялся предстать перед своим Господом и удерживал себя от страстей, воистину, прибежище будет в раю, пристанищем будет рай» [114].

Я уверен, что Коран – это истина. Поэтому я выступил против душевных страстей и не стал исполнять желания, навеянные ими. Я приготовился бороться с ними и сделал это. И тогда душа моя успокоилась в подчинении Всевышнему, стала покорной и послушной.

3. Я видел людей, которые проявили усердие в собирании материальных благ этого мира. Они со всей силой привязывались к тому, что собрали. И тогда я подумал о следующем аяте, в котором Всевышний говорит: «То, что есть у вас, иссякнет, а то, что есть у Аллаха, останется навсегда...».

Я раздал вдовам во имя Бога всё накопленное в этом мире, чтобы их благодарность стала для меня земным запасом.

4. Видел, что многие люди источником своего достоинства и чести считают большое количество близких и родственников, и это стало для них обманом. Некоторые же видят свою честь и достоинство в накоплении богатств и рождении как можно большего количества детей. Кто-то гордится тем, что присвоил имущество других, причиняя им несправедливость и даже пойдя на кровопролитие. А некоторые полагают, что достоинство и величие состоит в расходовании богатства и в расточительстве. И здесь я подумал о завете Господа:

«...Самый почитаемый перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный...».

И тогда я избрал благочестие и набожность. Я верю, что Коран – это истина, тогда как мнения людей – ложны и преходящи, а не вечны.

5. Я увидел, что некоторые попрекают других, злословят о других. Корни этого я разглядел в зависти к имуществу, посту и знаниям других. И тогда я подумал о словах Всевышнего:

«...Мы распределили между ними их средства к существованию в мирской жизни и возвысили одних из них над другими по степеням, чтобы одни из них брали в услужение себе других...».

И тогда я понял, что хлеб насущный уготован нам Господом. И поэтому я стал поклоняться Ему, не стал никому завидовать, удовлетворившись тем, что Господь дал мне в удел.

6. Я видел людей, которые враждовали друг с другом по причине мирских целей, которые они преследовали. И тогда я подумал о следующем аяате:

«Воистину, сатана является вашим врагом, и относитесь к нему как к врагу. Он зовет свою партию к тому, чтобы они стали обитателями пламени».

И тогда я понял, что не стоит враждовать с кем-либо, кроме дьявола.

7. Я увидел, что все очень серьёзно и упорно добывают пропитание для себя и своей семьи, прикладывают к этому много усилий, совершают на этом пути запретные и сомнительные поступки и даже унижаются перед другими и роняют своё человеческое достоинство. И тогда я подумал о следующем аяате:

«Нет на земле ни единого живого существа, которое Аллах не обеспечил бы пропитанием».

И тогда я понял, что Господь взял на себя заботу о моем пропитании. И я стал молиться Ему ещё больше, оставив всякую алчность в отношении других.

8. Я увидел, что каждый доверяет и полагается на какое-то существо или вещь этого мира. Кто-то уповает на золотые и серебряные деньги, кто-то на имение и должность, кто-то на свою профессию и ремесло, а кто-то – на таких же людей, как они сами. И тогда я вдумался в аят, в котором Господь говорит: «Для того, кто уповает на Аллаха, достаточно Его [как покровителя]. Воистину, Аллах доводит до конца свое веление. Аллах predetermined меру для каждой вещи».

И я стал уповать на Бога, ибо мне достаточно Его, и Он лучший мой Покровитель.

Выслушав всё это, Шакик ал-Балхи сказал Хатаму: «Да ниспошлёт Господь тебе удачу!».

Уважение к муршиду

Сын мой! Из рассказа о Хатаме и Шакике ал-Балхи ты понял, что нет необходимости получать слишком много знаний. А сейчас я покажу тебе, что необходимо делать тому, кто идёт по пути постижения истины.

Идущему по пути истины необходимо иметь *шейха-муршида* (наставника, воспитателя), который бы правильно направлял его, исправлял нехорошее в его характере и воспитывал в нём достойный, благочестивый нрав. Знай, что дело воспитания напоминает работу земледельца, который очищает поле от колючек и сорняков, чтобы посевы его взошли лучше и дали хороший урожай.

Для идущего по духовному пути необходимо иметь шейха или наставника, который бы воспитывал и наставлял его на путь Бога. Ведь Господь послал своим рабам Посланника (с), чтобы он вел их по прямому

пути. Когда Посланник (с) скончался, пришли его преемники, которые также должны были вести людей к Богу.

Знай, что воспитатель или шейх, достойный того, чтобы занять место Пророка ислама (с), должен быть учёным, но при этом не каждый действительно мог занять место Пророка (с).

Кратко перечислю некоторые качества настоящего 'алима – исламского учёного, чтобы каждый напрасно не считал себя достойным этого места. Качества его таковы:

– Он должен отказаться от любви к мирским благам и отвернуться от них.

– Он должен быть последователем просвещённого и знающего наставника – шейха, и эта цепочка, учитель – ученик, должна доходить до самого Пророка (с).

– Такой человек должен проявлять аскетизм в своих делах: мало есть, мало говорить, мало спать, проводить много времени в молитве, щедро раздавать милостыню и много поститься.

– Этот человек под предводительством сведущего шейха должен выработать в себе такие нравственные достоинства как терпение, привычка к намазу, благодарность, упование, уверенность, непритязательность, сердечное спокойствие, выносливость, скромность, знание, честность, стыдливость, верность, покой, неторопливость. И тогда он станет одним из лучей света, исходящего от Пророка (с), достойным того, чтобы вести за собой учеников. Но таких людей, как и красных яхонтов, очень мало.

Если человеку повезёт, он сможет найти себе такого наставника и будет принят им. Став учеником шейха, он должен будет всем своим существом проникнуться к нему уважением, которое должно проявляться как внешне, так и внутренне.

Внешнее уважение означает, что ученик не должен спорить и конфликтовать с учителем по любому поводу, даже если увидит, что шейх в чём-то ошибся. Он не должен в присутствии шейха раскладывать свой молитвенный коврик, кроме как для совершения намаза. А по окончании намаза должен тут же собрать коврик. Ученик не должен при своём учителе слишком много читать *намаз-суннат*. Он должен в меру своих способностей и возможностей исполнять всё, что приказывает ему шейх.

Внутреннее уважение означает, что ученик, слыша наставления шейха и внешне их принимая, в глубине души также не должен их отвергать ни словом, ни делом, чтобы в нём не возник конфликт. Если он не сможет так поступать, то должен оставить шейха до того времени, пока не сможет согласовать в себе внешнее и внутреннее.

Суфизм – это выдержка

Сын мой! «Знай, что у суфизма есть две отличительные особенности:

- 1) выдержка на пути Бога;
- 2) благочестивое отношение к людям.

Всякий, кто твёрдо идёт по Божественному пути, добр и терпелив к людям, является настоящим суфием.

«Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Аллаха».

Выдержка означает, что он прибыль своей души жертвует Богу, то есть отдаёт предпочтение повелениям Бога перед своими душевными желаниями.

Благочестивое обращение с людьми означает, что он отдаёт предпочтение интересам народа перед своими личными. Всё это, конечно, должно осуществляться в той мере, в какой интересы и желания людей не вступают в противоречие с шариатом.

Упование, искренность и чистосердечие

Сын мой! Ты спросил меня, что означает быть рабом Божьим. У этого понятия есть три основных опоры:

- 1) соблюдение указаний шариата;
- 2) удовлетворённость судьбой и уделом, данным тебе Всевышним;
- 3) отречение от душевных страстей, чтобы Бог был тобой доволен.

Ты спросил, что означает упование. Упование – это абсолютная вера в обетования Бога. Иными словам, ты должен быть уверен в том, что всё, что Господь предназначал для тебя, исполнится, даже если все твари этого мира будут протестовать против этого и постараются помешать. Также ты должен быть уверен, что никогда не постигнет тебя то, что тебе не предназначено, даже если весь мир постарается, чтобы с тобой это произошло.

Ты спросил, что такое искренность и чистосердечие. Искренность – это состояние, когда все твои движения и неподвижность совершаются во имя Бога и только для Бога, когда твоё сердце не радуется восхвалениям со стороны людей и не обращает внимания на их порицание.

Знай, что лицемерие и двуличие проистекают из излишнего почитания людей и внимания к их мнению. Чтобы излечиться от зависимости от мнения других, попытайся смотреть на все земные твари, как на существа, подчинённые Богу. Подумай, что все они, в сущности, не отличаются от неживой материи, ибо не обладают никакой силой и властью и не могут создать для тебя каких-то трудностей и не способны облегчить твою жизнь. Если будешь думать так, то сможешь спастись от двуличия. Знай, что пока ты будешь считать людей носителями силы и воли, так и не сможешь избавиться от двуличия и лицемерия.

Воздержание от четырёх вещей

Сын мой! Советую тебе обратить внимание на восемь вещей. Прими мой совет, чтобы в День Страшного Суда твои знания не стали тебе врагом. Четыре вещи следует совершать, а от четырёх других следует воздерживаться.

Первое, от чего следует воздерживаться – это спор. Насколько можешь, ни с кем ни о чём не спорь, ибо спор и пререкания несут в себе многочисленные беды и большой ущерб, который превышает любую возможную пользу. Ссора – это источник таких плохих качеств, как

лицемерие, зависть, высокомерие, злость, враждебность, гордость перед другими и т. д. Спорить и дискутировать можно тогда, когда в твоих отношениях с кем-то возникла проблема и ты должен доказать свои права и не допустить их нарушение.

Есть два признака, по которым ты сможешь определить, таково ли на самом деле твоё намерение:

1) для тебя не будет иметь смысла, станет ли ясна истина, если её разъяснишь ты или кто-то другой (то есть для тебя будет иметь значение только сама истина как таковая);

2) тебе будет больше по душе дискутировать наедине с этим человеком, а не перед всеми.

Перед тем, как продолжить пересказ письменного разговора имама ал-Газали с его учеником, в качестве дополнительного материала приведём некоторые его высказывания на обозначенную выше тему.

Ал-Газали говорил: «Послушай меня, я хочу сказать тебе важное.

Знай, что когда спрашивают о проблемах – это всё равно, что рассказывать о болезни сердца на приёме у врача. Ждать ответа – значит ждать излечения своей болезни. Знай, что и невежды, люди с больной душой, и улемы подвигаются на поприще врачей. А совершенный учёный не способен хорошо кого-либо излечить. Он не справится с любым недугом, так как он не столько лечит больных, сколько даёт им надежду на излечение.

Знай, что болезнь невежества и незнания бывает четырёх видов, из которых излечим только один, а остальные неизлечимы. Неизлечимые её виды таковы:

1) Некоторые задают вопросы и выступают с возражениями исключительно из злобы, ревности и зависти. Чем лучше и понятнее ему ответишь, тем больше распалится его злоба, зависть и неудовлетворённость. Единственный выход в такой ситуации – не пытаться никогда ему отвечать. Ибо сказано: «Есть надежда на исправление любой враждебности, кроме той, что вызвана завистью». Так что оставь такого человека наедине с его недугом, ибо Господь сказал: «Отвернись же от того, кто отвернулся от Нашего Напоминания и не пожелал ничего, кроме мирской жизни».

2) Ещё один вид неизлечимого невежества – глупость. Как сказал Иисус (а): «Я могу воскрешать из мёртвых, но не могу излечивать глупцов». Глупец – это тот, кто слишком мало времени потратил на приобретение знаний, мало изучал светские и религиозные науки, но при этом возносится со своей глупостью перед лицом большого учёного, который всю свою жизнь потратил на изучение этих наук. Такой глупец противоречит учёному и придирается к его словам. Он многого не знает и думает, что всё, что сложно и неразрешимо для него, столь же сложно и для учёного. Настолько погрузившись в невежество и незнание, он задаёт вопросы, которые проистекают из его глупости, а потому предпочтительнее никогда не тратить время на то, чтобы отвечать на его невежественные вопросы.

3) Третий неизлечимый вид невежества наблюдается у учащихся, которые многое не понимают в речах своих учителей и считают, что это всего лишь их собственное недопонимание. Они задают вопросы только для того, чтобы получить пользу от занятий, но при этом неспособны понять истины, сделать это им не позволяет их слабый ум. Лучше не отвлекаться на то, чтобы заниматься с такими учениками и отвечать на их вопросы, так как Пророк (с) сказал: «Нас, пророков, Господь направил, чтобы мы говорили с людьми в меру их понимания».

4) Единственный вид невежества, который подлежит излечению, представлен человеком, который постигает науки, умён, сообразителен, ищет истину, задаёт вопросы и высказывает возражения не из зависти или для испытания и унижения других, а для дела. Незнание такого человека можно исцелить. В общении с ним нужно не только отвечать на вопросы, но и обязательно наставлять его в учении».

Итак, продолжим разговор о переписке учителя и ученика.

Ал-Газали писал, что второе, от чего следует воздерживаться – это давать совет. Исключение составляют только те случаи, когда ты сам что-то сделал, а потом советуешь другим поступить также или этого не делать.

Неуместные советы могут принести много бед и неприятностей. Хорошо подумай о том, что Всевышний сказал Иисусу (а): «О, сын Марьям! Сначала увещевай себя, а затем других. В противном случае, устыдись своего Создателя!».

Если ты не сумел избежать этого недостатка и стал поучать, наставляя людей, постарайся воздержаться от двух вещей:

1. Старайся избегать напыщенности и высокопарности в своих выражениях, пояснениях, намёках и речах, ибо Господь ненавидит тех, кто так говорит.

2. Знай, что каждый, кто излишне предаётся высокопарным речам, показывает, что у него испорченная душа и несведущее сердце.

Что означает предупреждение, о чём следует предупреждать и что следует напоминать?

– Напоминай рабам Божьим о мучениях в загробной жизни, о недопустимости проявлять небрежность в поклонении Создателю.

– Побуждай рабов Божьих думать об их бесцельно проходящей жизни.

– Напоминай им о том, что им предстоит преодолеть высокие перевалы на своём пути. Ведь если они покинут этот мир без веры, в каком состоянии окажутся, когда их душу возьмут в загробный мир? Смогут ли они правильно ответить *Накиру* и *Мункиру*?

– Увещевай рабов Божьих больше думать о том, в каком положении они окажутся в День Страшного Суда. Приложили ли они усилия для того, чтобы в целостности и сохранности преодолеть мост *Сират*, либо – не дай Бог! – они упадут с него в адский огонь?

– Побуждай рабов Божьих всегда думать о загробной жизни, о конце своего жизненного пути. Пусть они вспоминают об этом, когда возникает

необходимость в исправлении неверных поступков, и не успокаиваются на достигнутом.

Именно об этом идёт речь, когда мы говорим о «предостережении и напоминании».

Что касается проповеди, под этим понятием подразумевается передача знаний и просвещение людей по вопросам, о которых мы говорили выше, предостережение их от небрежности в исполнении обрядов и правил поклонения, пробуждение их от духовного сна, указание на их недостатки и на то, какие последствия эти недостатки могут для них иметь. Огонь раскаяния и печали по поводу своих несовершенств и недостатков должен настолько распалить слушающих проповедь, что они разрыдаются по этому поводу и захотят в меру своих сил и способностей исправить всё, что в них неправильно, дабы хоть как-то возместить упущенное в прошлом, бесцельно прожитые годы жизни, то есть время, проведённое в непослушании Господу. И тогда они могут вновь встать на путь, который поведёт их к Богу. Достаточно привести один пример, чтобы стало понятно, что мы имеем в виду.

Если увидишь, что наводнение разрушает дом, в котором живут хозяин дома и его семья, если захочешь сообщить им об опасности наводнения, чтобы спасти их, прибегнешь ли ты тогда к утонченным и изысканным книжным выражениям и к приёмам высокого ораторского искусства? Понятно, что нет. Вот так ведёт себя проповедник, наставляющий людей и дающий им назидания. Он должен воздерживаться от излишней церемонности и словесной изошрённости в своих речах.

Проповедуя, выступая перед людьми, никогда не старайся сделать так, чтобы люди кричали. Никогда не пытайся привести людей в состояние особого веселья, радости, думая, что тогда твоё собрание сочтут успешным, а тебя – искусным проповедником. Поступая так, ты показываешь, что думаешь об этом мире и зависишь от него, а это ведёт к лицемерию и двуличию, которое есть следствие неведения.

Старайся все свои силы, всю свою энергию и волю направить на призыв людей к вере.

Отвлекай их внимание от мирских дел и обращай его на загробную жизнь. Не давай им впадать в грех, а наставляй их на путь поклонения и послушания Богу. Веди их от алчности к аскетизму, от гордыни к богобоязненности и набожности. Старайся сделать так, чтобы они возлюбили загробную жизнь и испытывали отвращение к страсти ко всему мирскому. Учи их науке о поклонении, рабству Божьему и аскетизму.

Как правило, люди по большей части в силу своей природы сходят с пути Божественного закона и вступают на путь, который не удовлетворяет Всевышнего. Часто люди привыкают к низменным проявлениям. Так что посевай в их душах семена страха перед Божьими карами, предостерегая их от неприятного конца, который ожидает их, если они не откажутся от своего грешного поведения. И тогда, возможно, что-то изменится в них самих, а

вслед за этим произойдут изменения в их внешних проявлениях и делах. И тогда в них проявится неукротимое желание слушаться Бога, идти по одобренному Им пути, поклоняться Ему. Только тогда они откажутся от грехов.

Так нужно вести проповедь и наставление. Если же наставления будут осуществляться каким-то иным способом, это только принесёт мучения как проповеднику, так и его слушателям. Проповедник, который так читает проповедь и наставляет людей (то есть не соблюдает указанных выше условий), – это дьявол, который сбивает людей с истинного пути. Он вводит их в заблуждение и гибель. Люди должны бежать от такого проповедника, а не слушать его. Ведь такого удара по вере, который наносит этот деятель, не делает даже дьявол. Каждый человек, обладающий властью и достаточными полномочиями, должен сгонять такого оратора с минбара и не давать ему выступать перед мусульманами. Нужно пресекать его злостные выходки. Если так поступить с подобным лже-проповедником – это будет соответствовать принципу призыва к одобренному и предостережению от запретного.

Третье, от чего следует отказаться – это близкое общение с эмирами, султанами и царями. Старайся как можно реже с ними встречаться. Присутствие на их собраниях, общение с ними несут в себе неисчислимые беды и огромный ущерб. Если когда-нибудь не получится избежать встречи с ними, не впадай в славословия и восхваления в их адрес, Всевышний Господь гневается, когда восхваляют развратного угнетателя и деспота. Всякий, кто молится за продление лет жизни таких деспотов, очевидно, хочет, чтобы на земле совершались грехи и, таким образом, проявлялась непокорность Богу.

И, наконец, четвёртое. Никогда не принимай от эмиров и султанов никаких подарков и подношений, даже если ты будешь уверен, что эти подарки – *халаль*, разрешены Аллахом. Ведь жадность до их денег ведёт к порче религии и веры. Это приводит к лести, заставляет закрывать глаза на многие их негодные дела и не позволяет высказывать о них правду; заставляет воздерживаться от критических замечаний в их адрес и соглашаться с творимой ими несправедливостью. А от всего этого проистекает только порча и гибель веры.

Если станешь принимать подношения от сильных мира сего, пользоваться их мирским богатством, то наименьшим из возможных зол для тебя станет то, что ты возлюбишь их. А ведь полюбив кого-то, неизбежно начинаешь желать ему долгих лет жизни. Стремление продлить жизнь угнетению означает пожелание того, чтобы рабы Божьи ещё дольше подвергались несправедливому обращению. В этом заключена основа для разрушения мира.

Что может быть опаснее и вреднее для веры человека и его загробной жизни, чем пожелание несправедливости и угнетения в отношении рабов Божьих?! Смотри, не попадись на хитроумные уловки дьяволов, не

поддавайся на обманчивые слова некоторых людей, которые будут тебя увещевать взять золотые и серебряные монеты у правителей и затем раздать эти деньги бедным и нуждающимся. Они станут приводить такие аргументы, будто правители всё равно потратят эти деньги на свои развратные дела, а потому было бы лучше, чтобы ты взял у них то, что они предлагают, и отдал всё это бедным. Знай же, что проклятый дьявол такими искупительными речами погубил не одного человека, послушавшего его.

Четыре вещи, которые следует соблюдать

А теперь поговорим о четырёх вещах, исполнение которых достойно и необходимо:

1. Веди себя по отношению к Богу так, как тебе хотелось бы, чтобы с тобой вёл себя твой раб или слуга, не вызывая у тебя раздражения, недовольства и гнева. Если есть что-то, чего бы тебе не хотелось видеть в поведении твоего слуги в отношении тебя, не позволяй и самому себе вести себя так по отношению к Богу. Ведь Бог – истинный Господь и Хозяин всего сущего.

2. Веди себя с людьми так, как тебе хотелось бы, что они поступали с тобой. Вера человека обретает совершенство только тогда, когда он желает другим того же, чего и себе, и ведёт себя соответственно.

3. Если пойдёшь за знаниями, выбери такую науку, которая просветит и исправит твоё сердце и очистит твою душу. Нужно жить так, как будто тебе осталось жить не больше недели. А потому неразумно заниматься фикхом, 'усулем, каламом и так далее, если понимаешь, что эти знания не удовлетворят твоих потребностей.

4. Следи за своим сердцем, познавай свойства своей души, воздерживайся от привязанности ко всему мирскому и очищай душу от негодных черт характера.

Старайся обрести любовь Бога, поклоняйся Ему. Обретай благие качества. Помни, что жизнь человеческая может оборваться в любой момент, после чего наступает смерть.

Господь смотрит на сердца и намерения

Послушай ещё, что я хочу тебе сказать, и подумай над сказанным, дабы в этих словах было твоё спасение. Если тебе сообщат, что на следующей неделе к тебе придёт важное должностное лицо, в оставшееся время не пытайся улучшить и исправить то, что он обязательно увидит и что его может обрадовать (одежда, тело, порядок в жилище и т. д.). Подумай о том, что я сказал, ибо я знаю, что ты умный человек, а умным людям достаточно намёка, чтобы понять, о чём идёт речь. Пророк ислама (с) сказал: «Господь не смотрит на внешний образ ваших дел; Он смотрит на ваши сердца и намерения».

Знай же, что познание состояния сердца – это индивидуальная непреложная обязанность, а все остальные знания – коллективная (но при условии, что человек сможет правильно и точно исполнить все обязанности, возложенные на него Всевышним).

Не копи имущества и богатств больше, чем тебе нужно на один год. Пророк (с) посчитал всё необходимое для одной из своих супруг и сказал: «Господи! Дай семье Мухаммада достаточно пропитания!».

Правильные молитвы

В этом трактате я перечислил всё, о чём ты просил и что ты должен исполнить. Так исполняй же эти наставления и не оставляй нас в своих молитвах!

Ты просил меня сообщить тебе правильные молитвы. Отвечаю:

– Тебе лучше использовать те правильные молитвы, которые имеются в сборниках хадисов. Всегда, особенно после намаза, читай такую молитву: «Господи! Прошу Тебя дополнить дарованные мне блага, продлить непорочность, объять меня Своей милостью, даровать мне здравие и дать мне широкую и лёгкую жизнь!».

Вот ещё одна молитва, которая может тебе пригодиться: «Господи! Будь с нами, а не против нас. Сделай наше будущее и наш конец благостным и счастливым, обрати нашу судьбу и наши желания к Своей милости. Да прольётся на наши грехи поток Твоего прощения и помилования, одари нас исправлением наших грехов и недостатков. Пусть набожность, старание в вере станет тем, что мы возьмём с собой из этой жизни. Сделай так, чтобы мы верили только в Тебя и уповали только на Тебя».

Да благословит Аллах предводителя нашего Мухаммада, его род и его соратников!

Слава Богу – Господу миров!

Что такое гордость

Знай, что достаточно осуждающего слова Господа о гордости. Он сказал: «О люди! Бойтесь вашего Господа и страшитесь того Дня, когда родитель никак не защитит своего ребёнка, а ребёнок – своего родителя. Обещание Аллаха истинно, и пусть не обольщает вас мирская жизнь, и пусть соблазнитель [сатана] не обольщает вас относительно Аллаха» [127].

И ещё один аят: «...Но вы соблазняли самих себя, выжидали, сомневались и обольщались надеждами до тех пор, пока не явилось повеление Аллаха. Соблазнитель обманул вас относительно Аллаха» [128].

Пророк (с) говорит: «Умный тот, кто всё время рассчитывает свои душевные порывы и готовится к жизни после смерти.

Но слаб и невежествен тот, кто следует своим душевным страстям и подчиняется им, кто предъявляет к Богу излишние желания, [не основанные на усилиях ради их осуществления]» [129].

Гордыня – это самодовольство и самонадеянность, уверенность в том, что совпадает с собственными желаниями и нравом. Возникает она вследствие сомнений и хитрости дьявола, который сбивает человека с истинного пути.

Если кто-то в своём порочном мышлении подпадает под такое влияние, он, несомненно, станет заблуждающимся. Большинство людей полагают, что

им уже обеспечено благополучие и благодать в будущем, но это тоже ошибка и гордыня.

Гордецы разделены на различные группы и группировки, но степень гордости у них разная. В целом гордецов можно разбить на четыре подгруппы:

- 1) улемы;
- 2) аскеты-отшельники;
- 3) суфии;
- 4) богатые люди.

Улемы

Учёных, обуянных гордыней, можно разделить на несколько групп.

1. Учёные, которые хорошо изучили светские и традиционно передаваемые науки (науки о предании), много учились и размышляли над их содержанием. Но при этом они в незначительной степени являются людьми науки, поскольку проявляют большую небрежность. Они не достаточно удерживают членов своей группы от грехов и плохо побуждают их к послушанию и поклонению Богу. Такие учёные обмануты своим знанием, думают, что им уже уготовано особое место при Боге. Они полагают, что самим фактом учёбы и получения знаний они уже удостоились этого места, и что Господь не подвергнет наказанию таких выдающихся людей, как они. Более того, они уверены, что Господь примет их ходатайство за других, а их самих не подвергнет взысканиям за грехи, учитывая ту степень уважения, которую они перед Ним снискали.

Представители данной группы действительно большие гордецы, ибо, обладая они проницательностью и прозорливостью, поняли бы, что наука бывает двух видов:

– наука обхождения; – наука познания. Наука обхождения – это понимание того, что Бог сделал дозволенным и недозволенным, что значит «достохвальный» или «порицаемый» характер и так далее. Она служит исключительно для практического применения в сфере прикладной деятельности. Если же её не использовать на практике, то она не имеет никакой ценности. Это относится к любому знанию, которое у тебя есть: если его нельзя применить в той сфере, для которой оно предназначено, оно не имеет ценности и ничего не значит. Например, кто-то заболел такой болезнью, для излечения которой необходим искусный и знающий врач. Больной пускается в поиски и под конец находит такого опытного лекаря, который рекомендует ему лечение. Больной по указаниям врача выписывает себе рецепт, покупает лекарство, возвращается домой и сообщает другим больным то, чему он научился у знаменитого эскулапа, но сам настолько увлекается этим занятием, что совсем забывает о том, что и ему неплохо было бы сначала вылечиться с помощью полученного лекарства. Сможет ли он избавиться от своей болезни, если будет так поступать? Логично ли ему ожидать излечения в такой ситуации? Так же поступает и факих, который изучил науку о поклонении и послушании Богу, но не исполняет её

предписаний. Он знает о том, что такое грех, но не пытается его избежать. Он изучил науку о морали, но не работает над тем, чтобы очистить свою душу от греха, то есть не пользуется полученными знаниями на практике. Понятно, что это возгордившийся человек, впавший в соблазн своей страстной души.

Аллах предостерегает людей: «Преуспел тот, кто очистил её [душу]». В данном аяте Господь не говорит, что спасётся тот, кто изучит науку об очищении души или напишет на эту тему книги. Человек, который претендует на знание *науки познания* (например, знание о Боге, Его атрибутах и именах), но на практике небрежен и не исполняет повеления и ограничения, установленные Богом, также может считаться гордецом, более того, его гордыня будет сильнее, чем других. Он похож на человека, желающего услужить царю, знающего черты его характера, но не ведающего, что царю нравится и что вызывает его гнев, или наоборот, знающего, но, даже желая услужить царю, делающего всё то, что тому не нравится, а в исполнении того, что тому приятно, проявляя полное небрежение. Это заблудший и обманувшийся человек. Если он отложит в сторону все свои знания и сосредоточится только на том, что царю нравится или не нравится, то прямым путём достигнет поставленной перед собой цели. Причина недостаточной набожности и богобоязненности учёных, познавших Бога и Его атрибуты, но ничего не сделавших для того, чтобы добиться Его удовлетворения и любви (чтобы как можно дальше держаться от того, что Его раздражает и приводит в гнев), заключается в том, что они только выучили имена Бога, но не постигли их значение. Именно поэтому Господь говорит: «...Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием...». Ибн Масуд говорит: «Боязнь Бога – это высшее знание, а гордыня и попытка обмануть Бога – это наибольшее невежество».

2. Учёные, которые склонны к знанию и практике. Они тщательно соблюдают правила поклонения и послушания Богу и оставляют свои грехи, но не делают серьёзных шагов по исправлению своих внутренних недостатков, как то гордость, двуличие и зависть.

Эти люди внешне выглядят очень религиозными и набожными, но они мало заботятся о своей душевной организации. Они забыли слова Пророка (с), который сказал: «Господь не смотрит на ваш внешний вид и на ваше имя. Он смотрит на ваши сердца и ваши дела». А эти люди обращают внимание только на внешние дела, забыв о сердце, о душе и о внутренних намерениях и побуждениях. А ведь именно сердце и душа – основа вечного блаженства и спасения. Только сердцем своим человек обретает спасение. Очевидно, что эта группа людей тоже пребывает в гордыне и заблуждении.

3. Учёные, которые хорошо осведомлены о таких качествах, как гордыня, зависть и о том, что они порицаемы и отвергаемы с точки зрения шариата, но при этом настолько самодовольны и самоуверенны, что полагают, что их подобные качества ни в коей мере не коснутся. Они думают, что их место и достоинство при Боге выше того, чтобы их подвергли испытанием такими качествами. По их мнению, эти свойства могут быть

только у простых людей, у народных масс, а у них никакой гордыни и высокомерия просто быть не может. Если же, например, гордыня будет у них замечена, они скажут, что это не гордыня, а требование уважения к религиозному и научному достоинству.

Но эти гордецы забыли, что их враг – дьявол, от которого их предостерегал Господь, испытывает радость и наслаждение от их витиеватых объяснений и оправданий. Но при этом враг человечества высмеивает лжеумудрецов. Ведь они забыли всё, что говорили о скромности и сдержанности источников исламского предания – хадисов. Понять, что такое достоинство, можно на примере хазрата Омара: в простой, обыкновенной одежде он приехал в Шам, а его за это упрекнули. И тогда он ответил попрекавшим его непритязательным видом: «Вместе с исламом Господь дал великое достоинство нашему народу, а потому мы никогда не ищем высокого человеческого положения ни в чём, кроме нашей веры – ислама!».

4. Учёные, которые изучили науку и практику и следуют полученным знаниям, стараясь самосовершенствоваться, очищаясь от таких порицаемых черт характера, как лицемерие, гордость, заносчивость и т. д., но всё ещё горды. Они пребывают в заблуждении. В извилистых закоулках, в потайных местах их душ всё ещё находят себе прибежище мелкие и незаметные, но вполне значимые дьявольские козни. Они сами об этом не догадываются, относятся к этому с небрежением, это и вводит их в заблуждение. Их можно сравнить с крестьянином, который занимается прополкой и очисткой своего надела от сорняков и других ненужных растений. Он выдергивает те сорняки, которые находятся на поверхности и хорошо видны, но не пытается искать корневища сорняков, которые ещё не пробились сквозь толщу земли. Он думает, что очистил всё своё поле, но это не так. Напрасно пахарь полагает, что все его проблемы с очисткой поля решились. Вскоре оно снова покроется сорной травой. Таково же состояние учёных из этой группы.

Человек делает всё необходимое и полагает, что действует под воздействием желания совершить что-то во имя веры и Бога, а на самом деле им движет другой побудительный мотив, а именно, – желание прославиться, стать известным, обрести звонкое имя среди людей.

Иногда такой деятель пишет религиозную книгу, думая, что в ней он собрал знания, которые помогут людям. Но в глубине души он хочет стать знаменитым и признанным автором хорошей религиозной книги. Иногда сочинитель на протяжении жизни желает получать похвалу от других. Иногда он передаёт что-то привлекательное для читателя, но при этом не указывает, кто был автором того или иного интересного высказывания, то есть, фактически, поступает, как вор. Иногда, впрочем, он вносит незначительные изменения в позаимствованный текст. Это похоже на поведение вора, который, своровав рубашку, перешивает её в абу, чтобы никто не догадался, что рубашка ворованная.

Эти тайные движения души и сердца могут распознать только опытные и дотошные люди. А уберечься от таких соблазнов может только сильный и

волевой человек. Нам, простым слабым людям, это даётся с большим трудом. Наименьшее, что человек может сделать в этом отношении, – это осознать свои недостатки, проникнуться ненавистью к ним и сделать решительные шаги по их искоренению. Если Господь проявит благоволение к человеку, Он обязательно просветит его разум относительно обуревающих его недостатков. Тот, кто радуется своим достоинствам и ненавидит свои недостатки, – не потерянный человек, на его исправление можно рассчитывать. Так что прибегнем к помощи Бога, дабы не впасть в заблуждение и гордыню!

Всё сказанное выше касается людей, которые изучили основные, содержательные науки, но проявили небрежение и слабость в том, чтобы действовать согласно им. А теперь поговорим о гордыне тех, которые ограничились совершенно бесполезной для них наукой, возгордились ею и отказались от получения более значимых знаний. Их гордыня обусловлена отсутствием у них потребности в этой науке как таковой, или тем, что они ограничились только этой отраслью знаний и пренебрегли другими науками.

Люди, ограничившиеся одной из науки возгордившиеся ею

В первую группу входят люди, которые получили образование по курсу одной из сокращённых наук, в частности, по вопросам издания *фетв* относительно общественных интересов, торговых сделок, материальных вопросов и т. д. Свои знания они назвали таким громкими терминами, как «фикх». Но, получив ограниченные и ущербные знания, они во многих случаях нанесли ущерб своим внешним и внутренним качествам и пребывают в заблуждении относительно смертельных опасностей для своих сердец. Гордыня и заблуждение в них возникают в результате как науки, так и практических дел. Что касается практики, то мы уже говорили об этом, приводя пример больного человека, познания им необходимого для излечения лекарства, но не использованного, чтобы пойти на поправку. Эти несчастные «знатоки фикха», которых ведут к гибели гордыня, зависть и другие смертельно опасные качества, не занимаются вопросом исправления своего состояния, не пытаются излечиться от нравственных недугов, которые их постигли. Они просто сосредотачиваются на вопросах покупки и продажи урожая, аренды, ритуального очищения и т.д., то есть занимаются очень узкими и специальными вопросами, которые в их собственной жизни им, вероятно, никогда и никаким образом не пригодятся. Однако они полагают, что тем самым исполняют свой религиозный долг, не догадываясь, что заниматься исполнением коллективной обязанности, не исполнив индивидуальную, – это грех, и даже в том случае, если такой человек не преследует никакой другой цели, кроме самой лучшей и благой.

Что касается «научной» гордыни представителей данной группы, то она обусловлена тем, что они ограничились изучением наук о *фетвах*, которые они и считают религией в полном смысле этого слова. Они оставили Писание Господа и Сунну Пророка (с), а специалистов по хадисам они могут упрекнуть в том, что те всего лишь передатчики преданий. Таким образом,

можно утверждать, что эти люди полностью отстранились от науки об очищении души и самовоспитании.

Так в чём же причина их гордости? Они слышали от Высшего Законодателя о важности изучения фикха, но не поняли, что под фикхом подразумевается познание Бога, Его атрибутов и качеств, того, что Бог предписывает человеку делать и что возбраняет, что должно наполнить сердце богобоязненностью и сделать человека набожным: «...Почему бы не отправить из каждой группы по отряду, чтобы они могли изучить религию и увещевать людей, когда они вернутся к ним? Быть может, они будут остерегаться [зла]» [134]. Это предостережение Корана, как видим, призывает людей к более широкому познанию религии, которое не должно ограничиваться только вопросами фетв.

Некоторые из этих людей ограничились изучением *фикха халаф* – сопоставительного фикха исламских толков, обращая внимание исключительно на то, чтобы вступить в спор с представителями другого мазхаба и одержать победу в словесном поединке. Не будет преувеличением сказать, что эти люди подвержены более страшной гордыне, чем все остальные.

Во вторую группу входят те, кто посвятил свои занятия изучению калам, полагая, что знание не приносит пользы никому без твёрдого основания веры. По их мнению, вера может быть полной только тогда, когда человек обретает веру на основании их убеждений.

Среди этих людей есть как заблуждающиеся, так и правые в своих воззрениях. Гордыня тех, кто прав, состоит в том, что они отдают приоритет диспутам и умозаключениям во всех делах, полагая, что так можно приблизиться к Богу. По их мнению, человек только тогда может обрести полную веру, когда он активно ищет её и прикладывает к этому усилия разума. Если же человек уверовал в Бога и Его Пророка (с) без опоры на осмысление, он не может считаться по-настоящему верующим, а вера его неполна и ущербна. Эти учёные не обращают внимания на первое столетие Ислама, которое, по сути, было лучшим его временем. Никто из сподвижников Пророка (с) не занимался богословием, сам Пророк (с) читал им Коран. Гордость «заблудших» в том, что они и сами не знают, что они «заблудшие».

Третью группу гордых и заблудших исламских учёных составляют те, кто активно занимается проповеднической деятельностью и наставлением других. С точки зрения чина и положения выше всего из них стоят те, кто ведут беседы с людьми о свойствах души и о таких атрибутах сердца, как страх, надежда и т. д. Эти учёные ещё большие гордецы, чем все другие. Ведь они проявляют удивительное себялюбие, гордятся собой и думают, что им удалось достичь столь высоких степеней в науке о любви к Богу, что Бог любит их; что они знают о невнимании к этим вопросам других – исключительно потому, что сами они свободны от этого порока.

Люди, так рассуждающие, полагают, что они уповают на Господа, тогда как на самом деле они являются всего лишь теологами, старающимися приобрести общественное положение и богатство. Они считают себя искренними тружениками во имя Бога, но являются двуличными лицемерами. Они наставляют других в богобоязненности, считая, что самим не нужно блюсти. Они поучают других помнить о Боге и постоянно поминать Его, но сами забыли Бога. Они побуждают других проявлять искренность в своих делах, а сами искренности не имеют. Они претендуют на то, чтобы любить Бога, но если это так, от чего, дорогого своему сердцу, они отказались во имя Бога? Они делают вид, что пребывают в аскетизме, но до сего времени от чего они отказались, имея для этого силы и возможности? Их гордость происходит от того, что в них очень мало осталось от исконных принципов и понятий, таких как богобоязненность и любовь к Богу. Стоило им описать высокие уровни этих понятий, как они возомнили себя обладателями этих качеств, которыми на деле не обладают.

Каждый, кто путает описание истин с обладанием истинами, является гордым и заблудшим человеком.

Представители четвёртой группы отклоняются от исполнения предписанного и от соблюдения запрета на недозволенное. Всё, чем они занимаются, – это произнесение всяких нелепых речей, исполненных не согласующихся с шариатом понятий – с целью привлечения к себе внимания и благосклонности других. Это дьяволы в мире людей. Сами они заблудшие, да и других сбивают с истинного пути.

Некоторые представители этого слоя учёных ограничились запоминанием высказываний аскетов и повторением их слов в порицание этого мира. Они полагают, что достаточно запомнить слова, чтобы спастись.

В следующую группу входят люди, которые большую часть своей жизни и своих трудов посвятили науке о хадисах. Записывая услышанные от старцев-передатчиков хадисы, они, таким образом, занимались собиранием многочисленных высказываний и прослеживанием цепи их передачи, даже иногда достаточно странной. Иногда они так увлекались своим занятием, что отправлялись в далёкие земли. Там встречались с людьми, помнящими тот или иной хадис. Однако они преследовали всего одну цель – заявить, что видели такого-то старца, который передал такое-то высказывание. Их гордость и заблуждение заключаются в том, что они напоминают навьюченных ослов. Их занятие было ограничено и дефектно, так как они до конца не понимали значения Сунны, полагая, что передавать высказывания – вполне достаточно.

Собиратель хадисов преследует высшие цели, связанные с обеспечением своего счастливого пребывания в посмертном мире. Но человеку, который действительно идёт по пути духовного совершенствования, достаточно узнать один хадис, чтобы построить всю свою жизнь на основании этого высказывания и тем самым обеспечить себе вечное блаженство.

Некоторые люди занимаются вопросами грамматики, лексики, красноречия и т. п., от чего испытывают большую гордость, полагая, что только в силу этого получают вечное прощение. Они думают, что обретение такой науки позволило им войти в круг больших учёных своей *уммы*. Это их заблуждение. Гораздо важнее знать Писание и Сунну, чтобы хорошо разбираться в них и, таким образом, укреплять свою веру.

Для понимания Писания необходимо хорошо владеть языком, изучив все его тонкости. Именно на такие занятия представители данной группы потратили практически всю свою жизнь. Изучая письма, исправляя буквы, они ошибочно полагали, что разбираться в науках возможно только посредством письменности, чем и должны заниматься серьёзные учёные.

Если бы такие люди действительно обладали разумом, они давно бы поняли, что достаточно было бы в разумной мере научиться писать и читать, а затем заниматься изучением непосредственно интересующих их наук. Проводить же всю жизнь в изучении собственно письма нет никакого смысла. Желательно изучить науки о языке в той мере, в какой они помогают понять шариат и поступать в соответствии с его установлениями. Но большим заблуждением было бы изучать их на протяжении всего своего времени и не получить главного результата – навыка и умения действовать по шариату.

Неведение 'абидов

'Абиды (или богомольцы) зачастую впадают в заблуждение: некоторые – из-за того, что совершают намаз и гордятся этим, другие – из-за того, что умеют декламировать Коран, чем тоже гордятся. Кто-то гордится совершением хаджа, кто-то – *джихадом* (своей борьбой во имя Бога). А некоторые гордятся своим аскетизмом. Можно сказать, что только очень немногие богомольцы настолько внимательны и умны, что умудряются не впасть в такую *фитну* как нарушение заповедей Божьих.

Одна группа богомольцев усердно предаётся совершению *навафиль* – дополнительных религиозных обязанностей, а об основных обязанностях забывает. Они настолько поглощены второстепенными обязанностями, что зачастую основных не выполняют вовсе. Они похожи на тех людей, которые очень мнительны в исполнении вуду. Можно привести следующий пример. Один мнительный человек тщательно совершает омовение. Он повторяет его несколько раз и тратит на это много времени, а под конец пропускает главное – время намаза и фактически не исполняет то, ради чего и начал омовение. Другим отрицательным примером могут послужить люди, которые проявляют большую мнительность в намерении совершить намаз, в произнесении слов, составляющих «ал-Фатиху» («Открывающую») – первую суру Корана.

Вторую группу возгордившихся 'абидов составляют те, чья гордость обусловлена чтением Корана. Например, за один день они могут прочитать весь Коран. Но может случиться так, что языком они будут произносить коранический текст, тогда как сердце их не будет воспринимать слова

Священного Корана, а останется в долине душевных страстей. Такой человек не размышляет о высочайшем смысле того, что он читает, его душа не пробуждается под воздействием духовной проповеди и наставления. Такие люди горды тем, что полагают, будто Коран был ниспослан только для того, чтобы его читали и декламировали. Они повторяют слова аятов, но при этом так и остаются в неведении.

Если попробовать сравнить их с кем-либо, то на ум приходит история про одного раба, хозяин которого написал ему письмо, в котором повелел что-то сделать и чего-то не делать. Но этот неразумный раб всё своё внимание сосредотачивает на том, чтобы просто повторять слова этого письма, и не пытается понять, что ему написано, а уж тем более выполнить приказания хозяина. И, таким образом, он постоянно находится в состоянии неповиновения своему господину.

Коран декламируется для того, чтобы можно было его запомнить, а запоминать его нужно для того, чтобы усвоить. Понять же Коран необходимо, чтобы поступать на практике в соответствии с его предписаниями. Только поняв его, можно в полной мере воспользоваться заложенными в нём смыслами.

Другие богомольцы испытывают большую гордость по поводу поста, который они соблюдают. Некоторые представители этой группы вообще не выходят из поста и не разговляются, а постятся постоянно. Но при этом они никогда не удерживают свой язык от злословия и не удерживают свои мысли от лицемерия, двуличия и иных отрицательных качеств. Но, несмотря на всё это, они очень хорошо о себе думают.

Некоторые богомольцы гордятся тем, что они совершили хадж. Отправляясь в хадж, они покидали свой дом и свою страну, но никогда не задумывались о том, что неплохо было бы оплатить свои долги, получить отпущение грехов за все несправедливости, которые они совершили в отношении других. Они не пытались взять с собой «путевой запас» благословения, ничего для этого не предпринимали. Но зато они совершенно уверены в том, что идут по пути блага, и так же, как представители предыдущей группы, очень довольны собой.

Пятая группа 'абидов избрала себе особую стезю: наставлять других в том, что дозволено и предостерегать их от недозволенного. Но про самих себя забыли.

Предметом гордости следующих богомольцев являются города Мекка и Медина, в которых они проживают. Из-за привилегированного, по их мнению, положения, они совершенно не следят за состоянием своей души и сердца, не стараются очиститься внутренне и внешне. Получается, что внешне они в одном месте, а внутренне – в другом. А удовлетворение им приносит то, что кто-то замечает, что они коренные жители Мекки или Медины.

Есть и такие богомольцы, которые избрали путь имущественного аскетизма.

Они обходятся минимальным количеством одежды и еды, живут в мечети, не претендуя на собственный дом, и полагают, что таким поведением сумели достигнуть высших аскетических степеней. Но на самом деле, они только стремятся к почитанию и высокому положению.

Представители этой группы оставили самое простое из двух, тем самым впад в самое опасное заблуждение, которое подстерегает их на этом пути. Они горды и пребывают в заблуждении, ибо полагают, что в этом материальном мире избрали аскетический путь, тогда как на самом деле не смогли понять смысл этой жизни. Они не знают, что наивысшие наслаждения этого мира состоят в жажде власти и честолюбии, в глубине души именно это они и любят.

Ещё одну группу гордых и заблудших богомольцев составляют те, которые больше всего привыкли исполнять второстепенные (от которых они получают больше удовольствия), а не основные религиозные обязанности. Кто-то из них может с неопишным восторгом предаваться предутренней или ночной молитве, что улучшает его настроение и даёт ему наслаждение. При исполнении обязательного намаза он такого восторга не испытывает, небрежно относится к нему. Он забыл слова Пророка (с): «Господь сказал: «Ни один из рабов Моих так не приближается ко Мне, как тот, кто исполняет правила поклонения, которые Я сделал обязательными» [136].

Самообман суфиев

Одна из групп возгордившихся и заблудших суфиев живёт в наше время, если, конечно, Господь их сохранил. Они занимаются самообманом с помощью особой одежды, особого внешнего вида, специфических выражений и слов. Они постарались внешне уподобиться истинным суфиям. Подражают им в совершении намаза, сидении на молитвенном коврике и даже в том, как они держат голову. Им кажется, что если так подражать настоящим суфиям, то можно ими стать. Решив так, они уже не утруждают себя всякими аскетическими практиками, наблюдением за своей душой и очищением сердца, а довольствуются тем, что внешне похожи на настоящих суфиев, остальное их не волнует.

Другие суфии утверждают, что они обрели сокровенное знание, которое сводится к многократному повторению бессмысленных слов. Они с презрением смотрят на факихов, проповедников Корана и улемов, а простых людей стараются не замечать. Про богомольцев такие суфии говорят, что те «устали от работы, перетрудились», про улемов – что из-за хадисов они не способны достичь сближения и соединения с Богом. Эти суфии утверждают, что только они (и никто другой) идут по пути единения с Богом и что это им удалось достигнуть этого. На самом деле, они перед Богом – лицемерные грешники.

Некоторые из суфиев впали в вольнодумство и разнузданность. Они считают для себя возможным отказаться от шариата, соединять разрешённое с запретным и не соблюдать религиозные установления. Дело дошло до того,

что некоторые из них заявляют: «Бог не нуждается в наших делах, так зачем же нам себя утруждать?!».

Или: «Нет никакой ценности во внешних поступках, ибо Господь смотрит на то, что у человека на сердце, а наши сердца достигли степени познания Его. Конечно, наше тело пребывает в этом материальном мире, но наши сердца стоят перед лицом Истины, где и успокоились!». Все их ложные речи, соблазны и искушения – не что иное, как проявления дьявольского лукавства в отношении этих людей, так как они занялись духовными упражнениями и усилиями, не получив достаточных знаний об этом, без руководства со стороны людей веры и науки.

Другие суфии сумели достичь больших высот в своём деле настолько, что некоторые из них заявляют, что достигли степеней аскетизма, упования и так далее (хотя на них нет никаких знаков этого, ведь они не испытали сопряжённых с этим трудностей). Некоторые из них утверждают, что они настолько уповают на Бога, что без всякого дорожного запаса отправляются в пустыню. Этим они хотят подтвердить истинность своих утверждений, не понимая, что такие заявления и подобное поведение – не что иное, как – недозволенное нововведение, которого не содержится в предании, переданном от праведных предков, облечённых благодатью, от настоящих религиозных мистиков, гностиков, от людей, которые истинно предавались Господу и уповали на Него. Даже эти праведные предки, всем сердцем уповавшие на Бога, всё же брали с собой в дорогу запас продовольствия.

Ещё одну группу составляют люди, которые хорошо обращаются с другими и проявляют скромность в отношении людей, но в глубине души высокомерны, а ведут себя так только из двуличия и желания добиться известности.

Есть группа людей, посвящающая своё время моральному совершенствованию и очищению души от недостатков и пороков. Они погружаются в эти вопросы, глубоко их изучают, начинают вести беседы о недостатках души и о том, как распознать её хитрости. Но проблема в том, что человек, посвятивший всю свою жизнь исследованиям недостатков души, похож на того, кто всю жизнь изучает порядок проведения хаджа, все его мероприятия и полагающиеся во время них действия, но сам так никогда и не соберётся в хадж и не совершит того, о чём столько читал. Другими словами, он занимается тем, что не приносит и не принесёт ему никакой пользы.

На пути соединения с Богом имеются многочисленные ловушки гордыни и самообмана. Нет числа людям, которые попались в эти ловушки и не смогли выпутаться из них. Об этом можно написать целые тома.

Гордыня богатых

Некоторые из богатых людей проявляют большой энтузиазм в том, что касается строительства мечетей, медресе и других сооружений, которые видны всем и привлекают всеобщее внимание. Они заставляют выбивать их имена на фронтоне построенных на их деньги зданий, чтобы увековечить себя в этих сооружениях и чтобы память о них сохранилась и после их

смерти. Им кажется, что за счёт этого они удостоятся прощения у Господа, но не ведают, что в двух отношениях занимают самообманом и впадают в гордыню.

Возможно, они построили эти здания на недозволенные деньги, которые получили за счёт несправедливости, грабежа, взяточничества и другими грешными путями. Из-за этого навлекают на себя гнев Божий, который постигнет их скорее, чем удовлетворение их поступком. Они полагают, что сами они исполнены искренностью и бескорыстием. Но если попросить кого-нибудь из них пожертвовать без огласки хотя бы один динар или не писать свое имя на здании, которое построено на его деньги, ему это окажется очень тяжело. Им следует как можно быстрее прийти в себя, покаяться и вернуть незаконно присвоенное имущество его владельцам.

Другие же из богатых людей могут располагать законно нажитым имуществом и на свои деньги строить мечети и так далее. Но и они не избежали заблуждения, которое выражается в двух моментах:

1) двуличие и желание получить хвалебные отзывы других.

Возможно, где-то неподалеку от таких богатых людей живут бедные люди, помощь которым является более насущным делом, нежели строительство больших зданий. Но они не помогают своим бедным соседям. Напротив, желая прославить своё имя, получить известность среди людей и заслужить их благодарность, они ведут строительство больших сооружений и тратят на это своё имущество, пусть и честно нажитое.

2) возможность потратить свои средства на отделку и украшение мечетей.

Это приводит к тому, что люди, пришедшие в мечеть на намаз, внутренне больше обращают внимание на эти архитектурные красоты, а потому выполняют намаз без должной сосредоточенности и без смирения. Грех этот ляжет на того, кто так красиво отделал мечеть.

Ещё одна группа богатых людей представлена такими деятелями, которые раздают деньги нищим, но делают это не просто так, а на пышных и шумных собраниях и других мероприятиях. Раздать материальную помощь, тихо и не привлекая к себе внимания, они не могут и не хотят. Иногда, возможно, они постараются организовать раздачу милостыни в связи с хаджем. А ведь рядом с ними живут голодные и обездоленные, на которых эти обеспеченные люди даже не обращают внимания.

Некто пришёл к выдающемуся исламскому гностику Башару бин Харису Хафи и сказал: «Я собрался в хадж дай мне наставление». Башар спросил: «Сколько денег ты подготовил для хаджа?». Тот ответил: «Две тысячи дирхамов». Башар спросил: «А с какой целью ты едешь в хадж: для того, чтобы взять с собой в дорогу благословение, желая увидеть Каабу или для того, чтобы Бог был тобой доволен?». Тот ответил: «Хочу, чтобы Бог был мной доволен». Тогда Башар спросил: «А если ты сможешь, никуда не выезжая, снискать удовлетворение Господа, пожертвовав эти две тысячи дирхамов на добрые дела, если ты будешь уверен, что сможешь таким

образом удовлетворить Господа, сделаешь ли ты это?». Гость сказал: «Да, сделаю». Услышав такой ответ, Башар сказал ему: «Тогда пойди и раздай свои деньги десяти группам людей: должнику, которые не выплатил свой долг и испытывает трудности в этом; нищему и раздетому, у которого тяжёлая жизнь; семьянину, который не справляется с расходами на свою большую семью и детей; опекуну сироты, который будет рад принять твои деньги. Если сможешь, если твоё сердце тебе позволит, отдай все эти деньги одному человеку, и знай, что обрадовать мусульманина, помочь каждому нуждающемуся, помочь решить проблему каждого человека, помочь каждому немощному: всё это лучше, чем сто раз совершить хадж. Иди и поступи так, как я тебе сказал. А в противном случае, не скрывай то, что у тебя на сердце, скажи об истинной причине того, зачем ты отправляешься в хадж». Человек, пришедший за советом, ответил: «Башар! Я всё же решил поехать, и моё решение сильнее меня». Тогда Башар засмеялся и сказал ему: «Страстная душа человека всегда стремится потратить деньги, полученные от незаконной, сомнительной торговли, на какое-нибудь дело, которое с виду представляется правильным и благим. Но Господь поклялся именем Своим, что такие дела примет только от богобоязненных и честных людей».

В четвёртую группу входят обеспеченные люди, обуреваемые жадностью и скупостью. Они не тратят своё состояние, а ограничиваются телесными видами поклонения Богу, такими, как намаз, пост, ночные молитвы, чтение всего Корана, то есть делают то, что не предполагает расходование денег. Это заблудшие и возгордившиеся люди, ибо их душой овладела скупость. Перед тем, как заниматься дополнительными видами поклонения, им хорошо бы было потратить своё богатство, чтобы освободиться от скупости. Иными словами, эти богачи занялись такими благими делами, в которых не нуждаются. Именно поэтому, когда Башару сказали, что один богач много постится и многократно исполняет намаз, он ответил: «Это не богатый, а самый бедный и несчастный человек. Он оставил самого себя и занялся состоянием другого человека. Его дело – раздавать подаяние нищим и голодным, заботится о несчастных и обездоленных. Это было бы для него более необходимо и полезно, чем подвергать себя голоду. Помогать нищим – для него лучше, чем утруждать себя, голодать и читать намаз для удовлетворения своей страстной души и при этом собирать у себя деньги и другое материальное имущество».

Некоторые богатые люди настолько скупы, что из всего своего состояния выплачивают только закят, да и то только тем бедным людям, которые оказали им какую-нибудь услугу, пришли к ним и чем-то им услужили.

Всё то, о чём было сказано выше, портит бодрые намерения и уничтожает весь эффект от праведных дел.

Те же, кто так поступают, – возгордившиеся и заблудшие люди.

Заблуждение от неисполнения услышанного наставления

Некоторые простые люди, владельцы состояний и бедняки впадают в заблуждение и гордыню тогда, когда присутствуют на собраниях зикра. Они думают, что если они пришли на проповедь, то самого этого факта достаточно. Они взяли себе в привычку ходить на такие собрания и полагают, что только слушать проповедь и наставления, не пытаясь их исполнять, само по себе обеспечит им награду. Они возгордились и впали в заблуждение, так как не понимают, что всё значение собраний, где читаются проповеди как раз и состоит в том, чтобы побуждать людей к исполнению добрых дел. Если же в результате проповеди у человека не возникнет такого желания, то и пользы от этих собраний никакой не будет. Хорошо такое побуждение, которое наставляет человека на добрые дела. Если же оно не способно побудить человека к совершению таких дел, то и пользы от него нет.

Такие люди могут так сильно попасть под влияние проповеди, что иногда плачут, как женщины. Но у них нет воли и серьёзных намерений исполнить то, о чём им говорится. Они могут что-то услышать и испугаться, но реакция их на грозные предостережения сведётся к традиционным формулам: «Не пропусти Аллах!», «Слава Аллаху!» или «Сохрани нас, Господи!». Им кажется, что если они произнесут эти слова, то на них снизойдёт благодать. Да, они действительно впали в самообман и заблуждение. Они похожи на голодного, которому описывают изысканные кушанья, но разве словесное описание может удовлетворить его голод?

Нет никакой пользы в проповедях и наставлениях, которые не могут изменить хотя бы одно твоё плохое качество и сделать тебя лучше. Это только станет ещё одним доказательством твоей вины перед Господом. Если же ты думаешь, что такие проповеди станут для тебя средством [спасения], то ты так и останешься при своём заблуждении.

Спасение от гордыни и самообмана

Ты можешь сказать, что перечисленные каналы проникновения в человека гордыни и обмана есть у всех, никто не может их избежать, а потому разговор об этом приводит человека в отчаяние и лишает его всякой надежды. Ведь никому не дано избежать тонких и скрытых проявлений этой болезни человеческой души.

На это я отвечаю так. Человек впадает в отчаяние тогда, когда отказывается прилагать усилия в отношении чего-либо, тогда дело, которое он должен сделать, кажется ему невероятно большим, а путь тяжёлым и тернистым. Но если он приложит силы и проявит волю, всё покажется ему простым и лёгким.

Если он действительно стремится к своей цели, найдёт нужные пути, проявит внимание и прозорливость и сможет найти самые малые тропы, ведущие к цели.

Если он примет волевое решение достать птицу, зависшую в полёте в небесах, он обязательно это сделает, хотя она очень далеко от него.

Если он захочет найти золотую или серебряную жилу в горах, он сделает это и добудет золото и серебро.

Если захочет измерить звезды, их длину и ширину, он прибегнет к точнейшим геометрическим вычислениям и сделает это, хотя сам он находится далеко от них, на земле.

Просто нужно разработать методы вычислений и соответствующие способы. И люди делают всё это, прилагая усилия для совершения своих мирских дел. Если же для человека важно, какая у него будет загробная жизнь, если он действительно станет думать об этом, то он займётся единственным делом – исправлением своего сердца. Это вполне возможно и достижимо. Ведь смогли же этого добиться наши благочестивые предки! А потому этого сможет добиться каждый, кто обладает сильной волей, прилагаемой в правильном направлении [137].

Да благословит Аллах Пророка нашего Мухаммада, его род и всех его соратников!

Слава Аллаху, Господу миров!

Ибн Хальдун
Введение
(Фрагменты)

Из книги: «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. / Составители С.Н. Григорян и А.В. Сагадеев. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1961»

[Глава о том, что городская жизнь есть высший подъем общественной жизни и предел ее существования; она возвещает об упадке общественной жизни]

Мы уже объяснили тебе в предыдущих главах, что господство и власть являются целью родового сообщества, а городская жизнь — целью сельских жителей и что все явления в обществе, такие, как сельская и городская жизнь, власть и подданные, ограничены определенным возрастом точно так же, как отдельный человек. В умозрительных, а также и в традиционных науках разъясняется, что для человека сорок лет являются пределом роста его сил и что его сущность, после того как он достиг сорока лет, некоторое время продолжает оставаться неизменной, затем человек ослабевает.

Знай, что с городским укладом жизни дело обстоит точно так же; он есть высший предел, к которому больше нельзя добавить. Это значит, что роскошь и изнеженность, установившиеся среди жителей, приводят их в соответствие с их природой к различным видам городской жизни и усвоению ее обычаев.

Цель городской жизни состоит, как ты знаешь, в том, чтобы создавать разные виды благосостояния и повышать его, прилагать усилия для совершенствования различных ремесел, благодаря которым мы получаем пищу, одежду, постройки, ковры, посуду и прочие вещи; для тщательного

изготовления каждой из этих вещей существуют разнообразные ремесла, в коих жители сельской местности, где не обращают внимания на это, не нуждаются. Когда употребление этих вещей затем широко распространяется, люди думают только об удовольствиях и усваивают много обычаев жизни в роскоши, и их души теряют праведность в религиозных делах и в мирской жизни: в религиозных делах потому, что они не могут отказаться от своего образа жизни, а в мирской жизни — из-за многочисленных потребностей и (расходов на) необходимые средства, которые соответствуют их образу жизни, но для уплаты которых недостаточно их доходов. Это объясняется тем, что вследствие упрочения городской жизни расходы жителей большого города возрастают, причем уровень городской жизни зависит от численности населения города: чем более многочисленно население, тем совершеннее городская жизнь. Мы уже раньше говорили, что на рынках большого города товары дороги и высоки цены на все необходимые предметы. Далее, дороговизне способствует взимание налогов, ибо общественная жизнь только тогда становится совершенной, когда государство достигает предела своего расцвета: в это время государства, желая покрыть большие расходы, облагают (население) налогами, как мы говорили раньше. Незаконные поборы также способствуют дороговизне, ибо все торговцы включают в цену своих товаров все, что они расходуют, в том числе и расходы на средства своего существования, так что поборы входят в стоимость и цену товаров. В силу этого возрастают расходы горожан, превышая обычный размер, и с этим ничего нельзя поделать, ибо над ними властвуют привычки. Все их доходы расходуются; они впадают один за другим в нищету и нужду, и бедность одолевает их. Способных покупать становится меньше, рынки не имеют сбыта, и положение города ухудшается. Все это — следствие излишеств городской жизни, и это приводит весь город, его рынки и его население к упадку.

Что касается (нравственного) падения отдельных горожан, то оно происходит из-за их усилий ради удовлетворения своих нужд и привычек и оттого, что они восприняли при этом различные дурные нравы, а также от вреда, который наносит их душе достижение (их целей), ибо она воспринимает все новые виды (дурных нравов). Поэтому они поступают безнравственно, дурно, непристойно и коварно при приобретении средств к жизни тем или иным путем. Их души все больше погрязают в гибельных хитросплетениях, и ведут эти люди торговлю, прибегая обычно ко лжи и мошенничеству, обману, воровству, ложным клятвам и ростовщичеству. Далее, удовольствия и наслаждения, кои суть порождения богатства, приучают их к распущенности во всем; они открыто нарушают правила нравственности, отбрасывая скромность, не стесняясь ни родичей, ни женщин, по отношению к которым обычаи сельской жизни требуют сдержанности в речах. Они особенно искусны во лжи и обмане, при помощи которых они защищаются от насилия, кое могло бы их сдержать, и от

взысканий, коих они могут ожидать за эти мерзости, пока это не становится для многих из них привычкой, за исключением тех, кого охраняет Аллах.

Море города волнуется из-за низких и недостойных людей, и с ними состязаются в пороках многие из членов династии и их детей, воспитанием которых пренебрегают и на которых действует окружающее, хотя они и знатного происхождения и родились в хорошей семье. Причина этого в том, что люди сходны между собою в плохом, а отличают их друг от друга только хорошие качества и избегание пороков, ибо благородное происхождение не идет впрок тому, в ком в какой-то мере утвердился порок, а добродетели сошли на нет. Поэтому мы видим, что многие из хороших семей, люди знатные, благородного происхождения и даже члены династии, поселяются среди черни и выбирают для своего прокормления недостойные занятия, так как нравы их испортились и они восприняли много дурного и безнравственного. Если дурное потом распространяется в городе или в народе, Аллах возвещает об их упадке и их гибели. Таков смысл его слов: «Если мы хотим уничтожить какое-нибудь поселение, мы заставляем тех, кто живет там в благополучии, вести безнравственную жизнь. Тогда приговор над ними становится справедливым, и мы уничтожаем их совершенно».

Это происходит оттого, что доходы горожан к этому времени не покрывают их потребностей из-за многих привычек и желаний их души. Таким образом, условия их жизни ухудшаются, а если условия жизни отдельных лиц ухудшаются, жизнь в городе расстраивается и город приходит в упадок. Таков смысл слов одного благочестивого человека, который сказал, что если в городе сажается много апельсиновых деревьев, то это свидетельствует о его упадке. Многие не сажают апельсиновых деревьев у своих домов, ибо видят в этом плохое предзнаменование. Но не это имелось в виду и не то, что в апельсиновом дереве заключается плохая примета. Дело скорее в другом. Сады и фонтаны суть порождение городского уклада жизни. Апельсиновые и лимонные деревья, кипарисы и т. п., кои не имеют вкуса и не полезны, выращиваются вследствие неумеренности городской жизни, ибо сажают их в садах только из-за красивого вида. Их сажают лишь после того, как уже имеются различные виды роскоши, а это бывает тогда, когда нужно опасаться упадка и разрушения города, как мы говорили. Нечто подобное говорят о лавре, ибо он также служит только для украшения садов, поскольку его выращивают из-за его белых и красных бутонов...

Мы уже говорили, что нравы людей под влиянием городской жизни и богатства становятся пагубными. Человек является человеком только благодаря своей способности выбирать для себя полезное, защищать себя от вредного и направлять свои силы на полезные занятия. Изнеженный горожанин не в состоянии сам заботиться о своих нуждах — либо из-за неспособности и нежелания, либо из-за высокомерия, приобретенного от воспитания в условиях покоя и богатой жизни; и то и другое порицаемо. Равным образом он не в состоянии защититься от вредного, ибо им потеряно из-за богатой жизни и неверного воспитания такое качество, как способность

к самостоятельным действиям. Поэтому он зависим от тех, кто его защищает. Далее, часто он теряет свою веру, ибо ее испортили (дурные) привычки и подчинение им, и душа восприняла эти качества, как мы это установили, за самыми редкими исключениями. Если же человек испорчен во всех отношениях, то погибла его человеческая сущность и он совершенно меняется. По этой причине войску правителя более полезны те, кто ближе к сельской жизни и ее суровости, чем те, кто воспитан в (условиях) городской жизни. Так обстоит дело в каждом государстве. Таким образом, ясно, что городской уклад способствует застою и в жизни общества и в делах династии.

[Глава о человеческой мысли]

(Знай), что всеславный и всевышний Аллах выделил человека из всех животных, одарив его мыслью, которую он сделал началом его совершенства и венцом его благородства и превосходства над (всеми). Восприятие того, что находится вне воспринимающего, из всего сущего свойственно лишь животным. Они воспринимают то, что находится вне их, посредством внешних чувств, коими наделил их Аллах: слуха, зрения, обоняния, вкуса и осязания. А человек, сверх того, обладает способностью воспринимать то, что находится вне его, посредством мышления, следующего за его чувственным восприятием, и это благодаря силам, расположенным внутри мозга.

При помощи этих сил человек отвлекает формы чувственно воспринимаемого и от них отвлекает в уме другие формы; мышление — это и есть преобразование разумом чувственно воспринимаемых форм посредством отвлечения и сочетания...

Мышление бывает нескольких видов: первый — это постижение человеком естественного или установленного людьми порядка внешних явлений для того, чтобы он мог управлять своими действиями. Этот вид мышления включает в себя большую часть человеческих представлений. Называется он «различающей способностью», и благодаря ему человек в состоянии добывать необходимые ему средства к жизни и отличать полезное для его жизни от вредного.

Второй вид — это мышление, благодаря которому человек следует существующим воззрениям и правилам человеческого общежития. Большая часть этих правил — это суждения, кои составляются постепенно на основе жизненного опыта таким образом, что в конечном итоге они начинают приносить людям пользу. Это называется «опытным разумом».

Третий вид — это мышление, которое приносит пользу познанию или составлению мнения о чем-то и не связано непосредственно с чувственным восприятием и действием; называется этот вид мышления «умозрительным разумом». Он заключается в приведении представлений и утверждений в особый порядок по определенным правилам, вследствие чего возникают новые представления и утверждения. Затем он сочетает их в определенном

порядке с иными представлениями, вследствие чего опять возникают новые представления и утверждения. В конечном итоге возникает представление о сущем, о том, каковы его роды и различия — общие и частные. И когда этот разум достигает совершенства в знании всего этого, он становится чистым разумом и умопостигающей душой. И в этом — истинная природа человека.

[Глава о том, что человек от природы не обладает знаниями, а приобретает их]

Мы уже разъяснили в начале этого раздела, что человек принадлежит к миру живых существ и что всевышний Аллах выделил его из остальных животных, одарив его мыслью, дабы он мог при ее помощи установить порядок в своих действиях (в этом — значение различающей способности); дабы он при ее помощи усвоил от других людей те или иные суждения и умел различать полезное и вредное (в этом — значение опытного разума) и дабы он при ее помощи получил представление как о явном, так и о сокровенном (в этом — значение умозрительного разума).

Человек приобрел способность мыслить после того, как его животная природа достигла совершенства. Начал он с различения своих действий. До этого человек не имел вообще никаких знаний и был таким же животным, как все другие — из крови, мяса и с шерстью. И тех знаний, кои человек приобрел после животного состояния, он достиг благодаря своим способностям, данным ему Аллахом: способности к чувственному восприятию и умственные способности, то есть мысли. Всевышний сказал о своей милости к нам: «Я дал вам слух, зрение и мысль». В прежнем же состоянии, до приобретения способности различать действия, человек был только материей, так как у него не было еще никаких знаний. Потом его форма стала постепенно совершенствоваться благодаря знаниям, приобретаемым им с помощью мысли, и все большему совершенству его человеческой сущности. Вникни в то, что говорит всевышний об откровении, обращаясь к пророку:

«Читай: во имя господя твоего, который сотворил человека из куска глины. Читай: господь твой щедрый, (он тот), который научил (писать) калемом, научил человека тому, чего он не знал...», то есть он дал ему то знание, коим человек не обладал прежде.

Итак, для нас теперь ясна природа человека и его сущность; неведение, свойственное ему вначале, и знание, приобретенное им впоследствии.

[Глава о том, что обучение знаниям — одно из искусств]

Объясняется это тем, что прочное знание и овладение той или иной наукой достигается только с приобретением способности охватить начала и основные законы этой науки, судить о ее задачах и уметь связать единичные явления с началами. Пока не приобретена такая способность, не достигнуто и прочное знание в данной отрасли.

Эту способность нельзя отождествлять с понятливостью и памятью, ибо мы часто встречаем равное понимание отдельных вопросов в какой-то отрасли знания и у того, кто уже достиг прочных знаний в этой отрасли, и у того, кто только начинает изучать ее; у простолюдина, не знакомого с наукой, и у сведущего в науке, отдавшегося ей полностью. И поистине, эта способность присуща сведущему и искушенному в науках в меньшей степени, чем всем другим. Это обстоятельство указывает на то, что такая способность не тождественна с ясным пониманием.

Все способности человека связаны с материей, все равно, связаны ли они с телом или с мозгом, например такие, как способность мыслить или как способность считать. Для обучения в каждой области науки или ремесла важно, чтобы были известные своими знаниями учителя, кои почитаются населением каждой страны и членами каждого племени.

На то, что обучение знанию есть искусство, указывает также наличие расхождения в способах обучения. Каждый из знаменитых учителей имеет свой способ и свой заранее установленный порядок обучения; это — отличительная черта всех искусств вообще и говорит о том, что такой способ обучения не относится к науке, ибо, если бы он относился к науке, он был бы единым для всех них. Разве тебе неизвестно, сколько было расхождений в способах обучения каламу⁴ у более ранних и позднейших учителей? То же самое относится к обучению основам фикха⁵, к обучению арабскому языку и прочее.

Ты найдешь расхождения в способах обучения каждой отрасли знания, и это показывает, что каждый способ есть искусство, ремесло; ведь наука едина и непротиворечива.

И если ты все это твердо усвоил, то знай, что в наше время совершенствование науки почти прекратилось во всем Магрибе в связи с упадком его общественной жизни, уменьшением (числа) государств в нем и вытекающим из всего этого упадком и (даже) исчезновением ремесел; о том, как одно здесь связано с другим, мы уже говорили. Произошло это потому, что были разрушены города Кайруван и Кордова, кои являлись крупнейшими средоточиями городского уклада Магриба и Андалусии. В них процветали науки и ремесла, и обучение знаниям там упрочилось благодаря длительности существования этих городов и древности их уклада жизни. Поэтому, когда они были разрушены, обучение знаниям в Магрибе прекратилось, если не считать попытки использовать то небольшое, что осталось от достигнутого в жизни этих городов в начале правления династии Альмохадов в Маракеше. Но городской уклад в Маракеше не утвердился из-за слабого развития общественной жизни в государстве Альмохадов в начале его существования и из-за скорой гибели этого государства.

Вскоре после падения династии в Маракеше из Иффрикии уехал на восток кади Абу-ль-Касим Ибн-Зайтун. Это было в середине седьмого века

⁴ Калам — мусульманская схоластическая философия.

⁵ Фикх — мусульманское право.

Хиджры⁶. Он познакомился с учениками имама Ибн-аль-Хатыба и стал учиться у них, усвоил под их началом много знаний и стал искусным как в умозрительных, так и в традиционных науках. Затем, приобретя большие знания и усвоив прекрасный способ обучения, он вернулся в Тунис.

Вслед за ним приехал с Востока Абу-Абдаллах Ибн Шуайб ад-Дуккали, который имел учеников из Магриба и у которого учились египетские шейхи. Он вернулся в Тунис и поселился в нем. Способ обучения его был очень полезным. У обоих этих учителей черпали свои знания жители Туниса, и способы их обучения передавались его учениками из поколения в поколение... Они перешли также из Туниса в Тлемсен благодаря Ибн-аль-Имаму и его ученикам... Ученики Абд ас-Саляма и до сего дня обучают в Тунисе, а ученики Ибн аль-Имама – в Тлемсене, но их очень немного, так что возникает опасность утраты их способов обучения вообще.

Что касается Фаса и остальных городов Магриба, то в них вообще отсутствовало хорошее обучение вследствие разрушения Кордовы и Кайрувана; в этих городах обучение не совершенствовалось, и жителям их бывает очень трудно приобрести умение овладеть науками.

Легче всего можно достичь такого умения, усвоив научный язык и приобретя навыки ведения бесед и споров по разным вопросам науки. Этот путь — самый короткий. Ты видишь, как многие из обучающихся, проводя большую часть своей жизни в посещении ученых собраний, постоянно там безмолвствуют, не могут изложить и развить свою мысль. Больше, чем нужно, они заботятся о заучивании наизусть, но не могут добиться в достаточной мере умения свободно пользоваться своими знаниями и учить других. Если даже ты увидишь, что кто-нибудь из них приобрел довольно много знаний, ты заметишь, что у него нет достаточной способности обсуждать вопросы науки или учить других.

Эти пробелы в их знаниях проистекают только от способа, по которому их обучали, от недостатков этого обучения. Иначе трудно (это) объяснить, ведь память у них лучше, чем у кого бы то ни было, поскольку они особенно заботятся о заучивании наизусть, а все их помыслы направлены на то, чтобы овладеть наукой, но ничего не получается!

О том, что в Магрибе дело обстоит именно так, свидетельствует срок обучения в медресе; он исчисляется шестнадцатью годами; в Тунисе же он равен пяти годам. И когда ты ознакомишься с состоянием дела, то окажется, что этот срок обучения является наименьшим, в который обучающийся может либо приобрести желаемую способность к научным занятиям, либо убедиться в безнадежности стремления к ней. Срок обучения является таким длительным в Магрибе в наши дни из-за тех трудностей, кои вытекают из особенно плохого способа обучения, а не из-за чего-либо другого.

Что касается жителей Андалусии, то в связи с общим упадком уклада жизни мусульман, начавшимся там двести лет тому назад, исчезла и преемственность в обучении знанию; жители Андалусии не уделяют в

⁶ Хиджра — начало мусульманского летосчисления.

настоящее время большого внимания совершенствованию наук, и единственно, чему они уделяют внимание, это изучению грамматики и адаба⁷; они этим довольствуются и пытаются сохранить преемственность в обучении, существовавшую у них, заботой об этих отраслях знания. Что же касается фикха, то преемственность в обучении ему не сохранилась, и если и есть какие-либо следы этой преемственности, то они совершенно не заметны. Совсем не видно признаков совершенствования умозрительных наук. Причина всего этого – не что иное, как плохое обучение в Андалусии в связи с общим упадком общественной жизни в ней и завоеванием врагами всей страны, за исключением небольшого пространства на побережье; поэтому жители Андалусии больше всего заботятся о хлебе насущном и лишь после этого могут уделять внимание другим потребностям. А Аллах знает, что хочет.

На Востоке же обучение непрерывно совершенствуется, и науки переживают там расцвет благодаря непрерывному развитию общественной жизни и сохранению преемственности в обучении. И хотя такие большие города, как Багдад, Басра и Куфа, бывшие основными средоточиями наук, в настоящее время разрушены, Аллах заменил их другими городами, еще большими, чем эти. Средоточиями науки являются теперь Хорасан в персидском Ираке и Мавераннахр на Востоке, а также Каир и окружающие его города на Западе.

Жители Востока вообще более сильны не только в искусстве обучения знаниям, но и во всех других искусствах и ремеслах; так что многие из жителей Магриба, кои едут на Восток с целью приобретения знаний, полагают, что это оттого, что их умы более совершенны, чем умы жителей Запада, и души их более разумны. И утверждают они, что различие между ними и нами — это различие в самой человеческой природе... Но это не так. Нет между Востоком и Западом большой разницы в отношении человеческой природы. Исключение составляют, быть может, жители неумеренных климатов, а именно первого и седьмого, – их нравы и, стало быть, души, как уже говорилось, очень далеки от умеренности. Что же касается того превосходства, которое имеют жители Востока (умеренной зоны) перед жителями Запада, то причиной его является благотворное влияние на умы людей городского уклада жизни, как об этом говорилось в главе о ремеслах...

**[Из главы о том, что науки совершенствуются тогда,
когда совершенствуется общественная жизнь и
развивается городской уклад]**

Причина этого состоит в том, что обучение наукам, как мы уже говорили, это одно из искусств. А мы установили, что искусства и ремесла совершенствуются только в городах соответственно развитию их уклада. Городской уклад и роскошь порождают ремесла и способствуют их широкому распространению, ибо искусства и ремесла удовлетворяют

⁷ Адаб — в средневековой арабской литературе — сумма светских знаний, которыми должен обладать образованный человек.

потребности, выходящие за пределы насущного. И когда труд жителей города превышает (по количеству) труд, необходимый для (произведения) средств к жизни, они, эти жители, обращают свой взор на то, что выходит за пределы забот о средствах к жизни и что присуще исключительно человеку, а это — науки и искусства...

[Глава о видах наук, существующих в обществе в настоящее время]

Знай, что науки, кои служат предметом изучения и обучения в городах, делятся на два вида: 1) естественные для человека, кои он приобретает умозрительным путем; 2) традиционные, кои он перенимает от того, кто положил им начало.

Первый вид — это науки философские, науки мудрости, то есть те науки, занятие которыми естественно для человека как существа, способного к умозрению. Представления человека приводят его к изучению этих наук, к рассмотрению их вопросов и приведению доказательств, так что он останавливается на них свое внимание и старается отличить в них истину от ошибок — все это потому, что он — человек, наделенный разумом.

Второй вид — это науки, перенимаемые (человеком) от других людей; в основе их лежат положения шариата; они непреложны для разума во всех отраслях науки, кроме второстепенных... Основу этих наук составляют предначертания Аллаха и его посланника, содержащиеся в Коране и Сунне. Существуют науки, связанные с их толкованием. Далее следуют науки об арабском языке — языке мусульман и Корана. Всех этих наук множество, ибо принявший ислам должен знать то, что предписано Аллахом ему и ему подобным. Все эти науки характерны для исламской религиозной общины, хотя для всякой религиозной общины необходимы науки, подобные этим.

[Глава об обучении детей и о различии способов обучения в разных странах исламского мира]

В основе обучения детей во всех странах исламского мира лежит изучение Корана, так как усвоение его ведет к проявлению других способностей, укреплению памяти и т. д.

Разница в обучении та, что в Магрибе, например, ограничиваются только Кораном, но знают Коран лучше всех. В Андалусии изучают Коран как основу, а потом изучают поэзию, грамматику, письмо и другое, и особенно усердствуют в изучении письма. В настоящее время обучение всем этим предметам у них свернулось в связи с общим упадком общественной жизни. В Ифрикии старательно изучают Коран, хотя кое-что дают и из основ других наук. В общем они ближе к способу обучения в Андалусии, так как основные их преподаватели — это андалусские шейхи, кои переселились, гонимые христианами, на восток Андалусии и в Тунис.

На востоке исламского мира дело обстоит примерно так же, впрочем, точно я не знаю, в изучении чего они больше усердствуют. А в Ифрикии и в

Магрибе ограничение обучения одним Кораном приводит к недостаточному владению языком вообще, так как овладения языком Корана недостаточно для владения языком наук и книг, написанных в настоящее время. Но ифрикийцы все же имеют в этом отношении преимущество перед жителями Магриба, ибо изучают не только Коран, но и усваивают научные обороты и выражения, хотя все это далеко от совершенства. Изучение поэзии и грамматики андалусцами привело к тому, что они лучше всех владеют языком. Они — люди адаба и письма, но недостаточно занимаются всеми прочими науками.

Кади Абу-Бекр Ибн-Араби⁸ склонялся к тому, что надо сначала изучать язык, а не Коран, который учат наизусть не понимая. Так полагают андалусцы. И это разумный путь, но обычаи не способствуют ему... Способ изучения Корана прежде всего благословен, ибо он воспитывает юношество в строгом поведении и добрых нравах. А если бы истинное знание заключалось в том, чтобы утвердиться в науках и получить наилучшее образование, то мнение андалусцев было бы наиболее верным.

[Глава о том, что суровость по отношению к обучаемым приносит им вред]

Суровость к ученику приносит ему вред, особенно это относится к маленьким детям. Ибо, если воспитывают, притесняя и применяя насилие, — будь это ученики, или рабы, или слуги, — на них нападает страх, что мешает совершенствованию души и уносит их усердие, приводя к лени, лжи и обману. Всего этого раньше не было у этого человека в душе, оно возникает под влиянием страха перед насилием. Он учится обману и хитростям, и это становится его привычкой и как бы врожденным свойством, и исчезает его человеческая сущность — понимание того, что он живет совместно с другими людьми, а эта совместная жизнь приводит к заботе о нуждах его племени, к защите его и его жилища, когда ему необходима помощь других. Душа его становится ленивой, не воспринимающей добродетелей и хороших качеств, и он приобретает все больше дурных качеств; так он становится нижайшим из низших.

Поэтому нельзя, чтобы воспитатель или родитель прибегал к наказаниям при воспитании.

⁸ Абу-Бекр Ибн-Араби (1076—1148) — мусульманский теолог и юрист.

ЧАСТЬ II

Развитие педагогической теории мусульманских народов России

Исмаил Гаспринский

Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения

Представляя на суд публики наши заметки и мысли по вопросу о сознательном и близком сближении русских мусульман с их русскими соотечественниками, мы считаем необходимым оговориться, что решительно не имеем претензий на безошибочность мыслей и наблюдений. Цель настоящих заметок — вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущем русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации. Всякое возражение, пояснение и факты по интересующему нас вопросу мы готовы выслушать теперь и обсудить при дальнейшей обработке предмета сих заметок. Поэтому мы будем очень рады и благодарны за всякое мнение, которое услышим от читателя, обращенное непосредственно к нам или путем печатного обсуждения.

Исмаил Бей Гаспринский.

I

Пятьсот лет назад на Куликовском поле бесповоротно был решен судьбою и историей вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а в частности тюрко-татарского племени, племени русскому. После вековых испытаний и борьбы возмужавший и окрепший русский дух сломил наконец грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в недра Татарии, и разрозненные ветки тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной составной частью. Так одно за другим, в моменты исторической необходимости, вошли в состав растущей Руси царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее — ханства Закавказья и в последнее время — некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия еще не достигла своих исторических, естественных границ.

Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии. Граница, черта, разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части — русскую и нерусскую, — может быть, политически необходима в настоящее время, но она неестественна, пока не обхватит все татарские племена Азии... Эти племена испокон веков живут в известном, резко очерченном районе Азии и, заключенные в естественные, географически правильные границы, могли защищать свои поселения, земли и царства от вторжений и завоеваний чуждых соседей — персов, афганцев и монголо-китайцев.

История Средней Азии и тюрко-татар — ряд нескончаемой борьбы элемента тюрко-татарского с окружающими, начиная со сказочных богатырей Рустема и Зораба до Якуб Бека Кашгарского включительно. При даровитых, воинственных ханах тюрко-татары сплачивались и переходили свои географические, естественные границы, громя соседей, чтоб вскоре опять успокоиться, как расходившееся море, и войти в свои исторические рамки в форме снеговых гор, непроходимых плоскогорий и пустынь. Вот почему мне кажется, что, пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Таким образом, мне кажется, что в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы.

Впрочем, не предрешая вовсе вопроса о дальнейшем направлении и расширении азиатских границ, мы желаем лишь указать теперь на тот факт, что уже ныне в руках России находится до десяти миллионов тюрко-татарского племени, исповедующих одну и ту же религию, говорящих наречиями одного и того же языка и имеющих один и тот же социально-общественный быт, одни и те же традиции.

Племя это разбросано на громадных пространствах Европейской и Азиатской России и во многих местах смешано с русским или иным населением. Однако, имея особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни, оно представляется нам довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ее заслуживают, мне кажется, серьезного внимания общества и государства.

Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите. Это очень просто, но крайне бессодержательно... В самом деле, какого рода отношения должны существовать между татарами и русскими? Чем должны быть татары, русские мусульмане, в отношении к русским и обратно, русские в отношении к ним? К какой разумной хорошей цели стремится русская власть в отношении к инородцам-мусульманам? Что русские должны делать для них, как должны делать и чего требовать от них? Должны ли русские и русские мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между ними следует развить более близкие родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?..

Где та идея, которая воодушевляет и служит источником отношений и регулятором действий русской власти в отношении русского мусульманства?

В последние годы часто приходится читать и слышать о великой цивилизаторской миссии России на Востоке. Отлично, прекрасно. Но чем

должна выражаться эта миссия? Неужели замена кадиев — уездными начальниками, наибов — приставами, бекетов — областями и губерниями, десятины — подушной и другими податями, шелковых халатов и бешметов — дворянским воротником исчерпывает все содержание этой миссии и больше ничего не остается делать?

Быть может, наше общественное положение, ограниченное воспитание и многое другое не дали нам возможности стать ближе к источникам внутренней политики нашего отечества; но по доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии: — это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть. И странное дело, рабство уничтожалось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси. Затем все остальные проявления русской власти среди мусульман не идут далее требований государственного фиска и ограждения общественной безопасности и порядка, выражавшихся во множестве законов, распоряжений, льгот, скоплавшихся в различных судах и правлениях и доходивших до мусульман только в форме звуков колокольчика станového или уездного начальника, да еще во множестве споров, межеваний, непонятных массе отчуждений, в открытии и закрытии школ, словом, во всем таком, что сменяло одно другие с быстротой крыльев ветряной мельницы, и в конце многолетней деятельности и затрат какой же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!

Я глубоко убежден, что наши русские соотечественники не только не желали, но даже и не ожидали, не предвидели таких печальных результатов; что они были убеждены искренно, что дело цивилизации азиатов обстоит благополучно. Но, однако, от этого наличный факт не изменяет своего грустного характера.

Вопрос об инородцах, о мусульманстве в России, сколько мне известно, вовсе еще не обработан. Даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем, мне кажется, стоило бы подумать о нем. Провидение передало и передаст под власть и покровительство России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоєм...

Отсутствие строго намеченной, последовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства, чувствуется до сих пор и принесло немало горьких плодов как для нас, русских мусульман, так и для нашего отечества. Так, например, там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Бог весть куда (крымцы, бес-сарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его

узких интересов (мусульмане внутренних губерний). Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества; ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры. Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме указаний желудка...

Не странно ли, что мусульманские общества многих азиатских центров, как Константинополь, Смирна, Каир, Дамаск, Тунис и многие другие, — настолько опередили во всех отношениях общества русских мусульман, что среди тех мусульман вы чувствуете Европу, оживление умственной и нравственной жизни, слышите новые, далеко не азиатские идеи и стремления; между тем как современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев и прочих представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея, с затхлой атмосферой неподвижности и застоя? Знаменательное и единственное исключение в этом отношении составляют немногочисленные общины литовских мусульман, разбросанных по Литве, которые, сохранив и строго охраняя свои мусульманские традиции, отлично усвоили европейскую культуру и образ жизни и умственно стоят во главе русского мусульманства...

Не грустно ли, в самом деле, что русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации; бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преступлениях. Мало того, — я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью.

Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза, человечность Шейх-Саади и смелый полет мысли Ибн-Сины и других арабских и персидских писателей и философов.

Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы.

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские.

Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия. Мне приходилось видеть, как арабы и индусы были в неловком положении среди высокообразованного парижского и лондонского общества, несмотря на всю изысканную деликатность обращения с ними, а может быть, и благодаря ей. Сыны Азии как бы чувствовали в отношении к себе деланность, натяжку и обидное снисхождение. Это мне доказывали многие арабы, алжирские выходцы, служащие или торгующие во Франции. Эту черту племенной гордыни или самомнения я наблюдал у турок, у которых, за отсутствием европейской галантности, она выступает рельефнее...

Слава Богу, не то приходится видеть у русских. Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда — чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношениями русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами, наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущности русских и живущих с ними племен.

Мне приходится читать, а чаще слышать упреки, что, мол, русские в массе почти лишены племенного, национального самосознания. Подобный упрек едва ли имеет место, потому что в Отечественную войну и много ранее того, в тяжелые годы народной жизни, русские доказали, что сознают свое бытие и национальную личность, если можно так выразиться. Что же касается того, что русские то или другое событие встречают и провожают без шума и треску, то это — народная особенность и, думаю, черта хорошая...

Там, где французы или немцы пожгли бы много пороха, устроили бы множество символических, демонстративных процессий и факельцугов, натворили бы множество умных и неумных фраз, русский ограничивается крепким задушевым пожатием руки, молитвой в храме, а не то — просто снимет шапку да перекрестится. Например, недавно Россия и русские отпраздновали день 500 летия Куликовской битвы, день — один из важнейших в истории Руси. И что же? Ни шуму, ни гаму, ни искусственных декораций, ни экзальтированных демонстраций и речей... Молитва в храмах, описание события в печати и молебны на самом знаменитом поле — вот все, чем был отличен этот день от прочих. Не знаю, так ли, но я думаю, что эта черта русского характера весьма почтенна и заслуживает полной симпатии.

Кстати, к дню Куликовской битвы — два слова по истории. Известно, что день этот служит гранью, с которой начинается возрождение Руси и, обратно, постепенное падение татарского владычества. Об этом владычестве мне приходилось кое-что читать и слышать, и мне всегда казалось, что тут

что-то как бы не дописано или не досказано. Обыкновенно говорят: татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий. Это совершенно верно; но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью какого-либо другого племени, при той же силе и могуществе, могло бы совершенно уничтожить Русь. Примеры этому мы видим на западных окраинах славянства. Татары, как господа, собирали дань; как дети Азии, частенько похищали хорошеньких девушек, и затем бытовой, религиозной жизни Руси почти вовсе не касались. Я не историк, могу легко ошибиться, — но мне кажется, что, говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охранило Русь от более сильных чужеземных влияний и своеобразным характером своим способствовало выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовском поле...

Если действительно в этом смысле мы, татары, сколько-нибудь были полезны Руси, то «долг платежом красен», и мы желали бы, чтобы этот платеж был произведен уже не старой азиатской, а новой европейской монетой, т. е. распространением среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простым господством и собиранием податей. Правда, до сих пор сами русские учились, но ныне они могут быть нашими учителями и наставниками.

Меня всегда огорчала и поражала та отчужденность, та апатичность, тот индифферентизм, с которым относится мусульманская масса к самым жизненным вопросам своего русского отечества, несмотря на то, что и законы, сравнивающие ее в правах с русскими, и указанная нами черта русского характера чрезвычайно благоприятствуют к сближению этих двух народностей между собою. Это грустное явление наблюдается не только на окраинах, более или менее недавно присоединенных к империи, но и во внутренних губерниях, где есть татарское мусульманское население. Многие публицисты и путешественники склонны объяснять подобные явления враждебным духом ислама, но в настоящем случае такое объяснение было бы крайне односторонне и ошибочно. Мне, как мусульманину, этот вопрос близко знаком, и потому я решительно заявляю, что религия тут ни при чем. Учение, которое имеет догматом любовь к земле, которая кормит, и верность повелителю, который охраняет, не оставляет места отчужденности, обособленности, неприязни в смысле политическом. Факт, упомянутый мной, должен иметь совершенно другие причины, которые мы, по мере разумения, ниже укажем.

Да, любезные соотечественники русские, нам нужны знания и свет: так примитесь же серьезно и дайте нам света и знаний, знаний и света; иначе господство ваше, как господство ради господства, станет ниже китайского, ибо известно, что у них искусство господства доведено до совершенства и механизм его верно и мерно движется вокруг одной и той же точки в течение тысячелетий...

II

Рождаясь и живя в России, под охраной и покровительством общегосударственных законов, неся, наравне со всеми, общие обязанности и повинности, русские мусульмане исполняют свой долг как верноподданные граждане России. Но этого мало. Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу.

Как достигнуть этого? Как должны относиться к мусульманам русские как племя господствующее и более образованное? В какие отношения должна стать русская власть к инородцам мусульманам, чтобы, соблюдая коренные государственные интересы, вести в то же время мусульман к всестороннему преуспеянию и прочному сближению с русскими, Россией и ее образованностью? — Вот, мне кажется, вопросы, которые нужно тщательно обсудить, с должной осмотрительностью решить и решения осуществить на деле целесообразными мерами, если мы желаем добра обширным русским странам и населяющим их миллионам русских мусульман.

Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношений русской власти, русской политики к русским мусульманам. Литература в этом случае не дает почти никаких указаний: архивы для нас недоступны, но из известных нам отрывочных письменных и иных источников мы составили себе мнение, что в отношении русского мусульманства правительство не держалось какого-либо намеченного принципа и пути, а действовало всегда так, как полагало лучшим и необходимым в данное время и в данном месте. Так, например, на эмиграцию крымских татар правительство, а за ним и местная администрация, не имело ясного определенного взгляда, так что эмиграция эта то поощрялась, как желательное явление, то задерживалась, как явление вредное. Также и в сфере народного просвещения мусульман заметно отсутствие точно определенной цели и соответствующих ей средств: для них открывались школы, но, как плохо и без изучения почвы насаженные растения, школы эти не давали плодов и с течением времени погибали бесследно.

Желая в настоящих очерках коснуться интересующих нас вопросов лишь в общих чертах, мы не будем утруждать внимание читателя ссылкой на множество фактов, а будем лишь ограничиваться ими, насколько то необходимо будет для более точного выражения наших мыслей и соображений.

Весьма понятно и весьма естественно, что всякое государство, всякая господствующая народность в разноплеменном государстве, в видах упрочения своей будущности, стремится к единению в широком смысле

этого слова, к возможному приведению в однородность своего разноплеменного населения. Хотя стремление это само по себе вполне законно, но способ достижения его может быть многообразен, и ошибочное избрание путей и средств часто, вовсе не приводя к цели, может делать их и самое стремление пагубным и безнравственным. Только при тщательном изучении и основательном знании поля действий, только при искреннем, проникнутом идеей блага беспристрастии можно достигнуть выработки наиболее подходящих и соответствующих данным условиям и цели способов к созиданию единства в разноплеменном государстве.

История указывает нам, как при приблизительно равном пропорциональном отношении иноплеменников к господствующему племени вызывались тяжкие, кровавые драмы и перевороты как следствие применения безнравственных и ошибочных способов и систем по упрочению государственного единства, точно так, как при ином соотношении племен, там, где господствующее племя представляет подавляющее большинство, задерживалось, в силу вещей, умственное и материальное развитие обширных стран и областей, а это, конечно, не могло не отзываться вредно на всем ходе государственной жизни.

Изучая историю, мы можем заметить, что в отношении к иноплеменным народностям, в видах упрочения государственного единства, действуют в разных государствах разные системы политики, исходящие из разных принципов и условий. У нас, в России, как бы применяется несколько систем: одна в отношении одной, другая в отношении другой народности; таковы, например, отношения государства к губерниям польским и финляндским, не говоря о других видоизменениях этих отношений к другим инородцам и областям. Каковы бы ни были отношения или системы политики, они преследуют одну цель — единство государства. Пути к тому двоякие: или стремление к кровному, так сказать, к химическому единению данной народности с господствующей — отсюда система ассимиляционная, русификационная, или стремление к единению нравственному, так сказать, к нравственной, духовной ассимиляции на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления.

Первая из этих систем политики действует в последнее двадцатилетие в Польше, вторая издавна — в Финляндии. Мы не будем касаться того, насколько нравственны и целесообразны упомянутые системы в отношении тех частей России, но позволим себе сделать несколько общих замечаний о практических достоинствах самих систем вообще.

Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и по этому одному уже имеет за собой очень мало симпатий. Но, игнорируя, по ходячей доктрине, всякие симпатии в области политики и обращаясь только к целесообразности, полезности ее, мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если

слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи. Несомненно, есть горячие патриоты в литературе и в администрации, думающие, что легко и возможно путем канцелярских мероприятий, тех или иных ограничений или поблажек переродить ту или другую народность по желаемому образцу.

Я ничего не имел бы против этого желания, если бы оно было осуществимо в сколько-нибудь краткий период времени, если бы не было одним только толчением воды и медвежьей услугой отечеству на почве патриотизма; но мы глубоко убеждены, что для перерождения, переделки по данному образцу какой бы то ни было народности, сколько-нибудь исторической и культурной, необходимо столько же времени при совокупности всех условий, сколько было необходимо при первоначальном обособлении и выработке той народности; иначе, по всей вероятности, давным-давно исчезли бы с лица земли десятки народностей, живущих уже тысячелетия, несмотря на то, что в доброе старое время способы поглощения и ассимиляции были далеко не столь деликатны и медленны, как теперь...

История почти не представляет нам примеров полного смешения, тем более поглощения одного народа, племени другим, за исключением двух, трех, как, например, смешение англо-саксов в Британии или арабов с коренными жителями берегов Северной Африки вслед за завоеванием. Но вспомним, что в упомянутых случаях действовали такие исторические факторы и условия, которые никаким образом не создаются кабинетными проектами и канцелярскими соображениями.

Апологеты ассимиляционной политики часто ссылаются на онемечение Познани как на факт, доказывающий практическую состоятельность ассимиляционной политики вообще. Но не слишком ли преувеличен факт онемечения Познани? Если даже германизация имела сравнительные успехи в Познани, то следует еще вникнуть, насколько действовали тут живые, жизненные условия, качества самих народностей и насколько в этом смысле влияла канцелярия с неизбежными поощрениями, репрессалиями и проч., так как без строгого разграничения в этом отношении политик легко может ошибиться, строя предположения и соображения на неточно понятом или мнимом факте...

Несомненно, что сила и способность ассимилировать не одинаковы у всех племен, так же как сила и способность сопротивления ей. Но все-таки отсюда очень далеко до полной ассимиляции одного народа другим, так что следует остерегаться, чтобы, увлекаясь частными фактами, не слишком широко обобщать их и не принести в жертву несостоятельной системе ассимиляции реальные, святыя принципы справедливости и прогресса.

Обращаясь к другой системе политики проистекающей из уважения к национальности и всестороннему равенству племен, населяющих государство, мы замечаем, что она, отлично служа делу государственного единства, в то же время способствует образованию, прогресс и выработке лучших форм труда и жизни; как система, имеющая за собой правду и

справедливость, она привлекательна и действует среди большинства цивилизованных народов мира. На основе всестороннего равенства и племенной самобытности мирно и счастливо живу в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии — немцы, французы и итальянцы, которые в то же время готовы бы потопить друг друга на берегах По, Тибра и Рейна. Даже в более разношерстном и отсталом государстве, именуемом Австро-Венгрией, начинают мирно уживаться и развиваться немцы, славяне, мадьяры, итальянцы, евреи и прочие, не ослабляя, а, не против, укрепляя государственное единство, конечно, в иной форме, чем обыкновенно думают укрепить при действии систем зануздываний и поглощений. Впрочем, к чему нам образцы и пример других государств и народов, когда у себя дома мы имеем не менее красноречивые данные?.. Мы думаем, что, несмотря на некоторую самостоятельность учреждений, языка и литературы и вообще народности в Финляндии, несмотря на централизацию и многообразные ограничения, действующие в духе русификации в Польше, первая страна несравненно больше русская, чем вторая, и останется всегда таковой, никогда не представляя собой больного, слабого места отечественного организма.

Говоря все это, нам хочется лишь высказать, что, как между отдельными человеческими единицами лучше и легче живется на основе взаимного уважения, признания прав и солидарности интересов, так и общежитие человеческих труп и народностей должно исключительно покоиться на таких же основах.

Было время, когда отношения человеческих индивидуумов не знали иного регулятора, кроме грубой силы, но ныне, слава Богу, немалую роль в этом отношении играют правда и совесть. Мы надеемся на таковой же прогресс в области государственной, общественной жизни, когда, так сказать, общественная совесть подымется до уровня развития совести отдельных индивидуумов.

Последние высказанные нами мысли и надежды могут вызвать улыбку у некоторых читателей. Если так, то я попрошу их выслушать записанный мне глубоко в душу рассказец, сообщенный мне матерью, когда мне было еще 13–14 лет, рассказец, известный почти каждому мусульманину и который, может быть, отчасти объяснит выраженные выше надежды и мысли...

Нельзя всякого хана или падишаха именовать адилем (справедливым), так начинается рассказец, ибо очень трудно быть справедливым. Наш пророк позволил назвать «справедливым» только одного падишаха древности — его зовут Адиль-Нух-Ширван, потому что он был всегда и во всем крайне справедлив ко всем народам, которые жили в его обширной, богатой и счастливой империи. Однажды он угощал народ своей столицы. За большими столами, уставленными прекрасными кушаньями и душистыми, прохладными шербетами, сидели и угощались старые и молодые, богатые и бедные, христиане и мусульмане. Адиль-Нух-Ширван обходил своих гостей и радовался им. К концу угощения великий, милостивый падишах внезапно

чем-то смутился и, обратившись к гостям, воскликнул: «Меня зовут милостивым и справедливым: увы, я царствую сорок лет и только теперь заметил всю неправоту мою, заслуживающую наказания Аллаха! Я всегда сажал за эти столы рядом молодых и старцев: старцы отставали, торопились — молодые, вероятно, стеснялись присутствия старцев, значит, и те и другие были лишены надлежащего покоя и моего внимания. Я не так должен был распоряжаться, я должен был одинаково, но порознь угощать их и поэтому не заслуживаю великого прозвища «справедливого»! Да продлит Аллах дни мои, чтобы загладить роковую ошибку!».

Можете быть уверены, читатели, что очень многие мусульмане усваивают понятия права, правды и справедливости так же, как иногда очень точные воззрения на вещи вовсе не в замысловатых книгах, а в подобных безыскусственных рассказах, сопоставлениях и сравнениях...

III

Извиняясь за невольное отступление от непосредственного предмета сих заметок, русских мусульман, — мы возвращаемся к ним и, оговорившись, что в отношении их невозможны, а потому и нежелательны ни отношения, существующие в Финляндии, ни русификационные стремления, действующие в Польше, тут мы постараемся выяснить следующий вопрос: каким путем стремиться к сознательному общественному и государственному единению русских мусульман с Россией и ее образованностью? Вся цель настоящих заметок клонится к выяснению поставленного вопроса. Выше мы упоминали об отчужденности мусульман относительно России, об их индифферентизме в отношении ее жизни. Это происходит вовсе не от тех или других политических симпатий или стремлений русских мусульман, таковые у них не имеются.

Мусульманину почти безразлично, кто им повелевает, — он по своему закону обязан повиновением, — лишь бы только власть над ним была справедлива и в проявлениях своих не стесняла религиозно-бытовую сторону его жизни. При этом условии он не чувствует к окружающему ни вражды, ни симпатии; он делается индифферентным. Все не свое его не интересует, все, что не входит в круг его знаний, привычек и верований, — ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики и науки: все это заменяет вечный Коран с вечнонеизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти...

В силу существующих социально-общественных условий быта и жизни русские и мусульмане лишены возможности обмена мыслей и идей: все отношения начинаются и кончаются на «купи — продай», давай — бери, и затем один идет направо, другой — налево. Разность языка и жизни, обстановки и верований никоим образом не могут способствовать развитию взаимного сближения, живого сочувствия и интересов, поэтому нет нужды искать причин мусульманской отчужденности от русской жизни и деятельности на политической или иной подкладке. Я глубоко убежден, что

только незнание, непонимание и недоразумение удерживает мусульманина от близкого, деятельного и сочувственного приобщения к общей русской отечественной жизни. Исламизм непосредственно тут вовсе не мешает. Есть нечто посильнее и постарее его, которое мешает и портит тут дело, как и везде, — это невежество, борьба с которым до сих пор не организована как следует и для борьбы с которым должны дружно приняться лучшие мусульмане и русские.

На самом деле, каким образом русское мусульманство может искренне сочувствовать России и русским, когда оно их не знает и встречается с ними не иначе, как в форме начальника, действующего на непонятном ему языке: не иначе, как в форме податей, пошлин, марок и разных повинностей?.. Какое дело мусульманину до новых и старых судов и гласности? Те и другие для него тьма кромешная. Какое ему дело до городских и земских учреждений после уплаты причитающегося налога, когда эти учреждения и пальцем не шевелят ради мусульман как местного элемента? Какое ему дело до русской науки и печати с ее вопросами и интересами, когда он не подозревает существование первой и не ведает речи и стремлений последней?..

При подобной обстановке и условиях никакая солидарность, сознательное сочувствие немислимы, а напротив, нередко по ошибке или недоразумению возникают такие обстоятельства, которые поселяют среди мусульман мрачные ожидания, боязнь будущего, пассивное озлобление и, так сказать, еще больший уход в самих себя, в свой спертый душный мирок. Например, вводится всеобщая воинская повинность. Крымцы впервые призываются к воинской службе, но никто не позаботился дать населению точные понятия о предстоящей обязанности, и вот стоустая молва, нередко исходившая из грязных, низменных источников, оповестила татар, что до сорокалетнего возраста все будут взяты в солдаты и разосланы по России. Понятно, татары всполошились, и нужна была значительная доля терпения, времени, опыта и уступок, чтобы успокоить население и избежать легко возможных разорений и несчастий...

Для крещеных инородцев Поволжья нужно строить церкви и приобрести священные книги и прочее. Отлично: но дурно то, что подписки и сборы денег на сей предмет поведены так неумело, халатно и грубо, что всполошили все мусульманские края, вызвали некоторые репрессалии и замутили доверие всего русского мусульманства нелепыми слухами, облетевшими все мусульманство от Касимова до Ташкента, от Перми до Ленкорана о насильственном обращении в православие северных мусульман и замене минаретов колокольнями! Еще один пример, и пока довольно. В видах экономического улучшения края и последовательного привлечения в край русского элемента, — сначала проектируется размежевание башкирских земель, затем льготная раздача русским казенных земель в том же крае — и что же? Меры, которые могли иметь основанием добро, вызывают одна — волнения, усмирения и ссылки, другая — расхищение земель, завершившееся

довольно громким скандалом их отображения, но что всего хуже, что больше всего печалит нас, это зловещий шепот, коснувшийся всякого правоверного уха, о том, что в далеких губерниях отнимают земли мусульман и раздают своим помещикам!

Русские и мусульмане, не имея никакого источника и способа для опровержения, разъяснения или надлежащего освещения подобных нелепостей или часто превратных, ошибочных толкований самых необходимых вещей, едва ли могут понять друг друга, а без понимания сближение, сочувствие, сознание единства останутся всегда явлениями весьма желательными, но сомнительными.

Обращаясь теперь к разрешению поставленного выше вопроса о путях единения мусульман с Россией, посмотрим, можно ли достигнуть этого путем ассимиляционных отношений, можно ли обрусить мусульман?

Прежде всего, наблюдателю нетрудно заметить, что ассимиляционная способность русских должна быть очень слаба, ибо, по крайней мере, мы не могли видеть обруселых инородцев, а, напротив, встречали примеры того, что русские в некоторой степени поддавались влиянию окружающих инородцев, перенимая их язык без оставления, конечно, своего, так же, как и некоторые обычаи, поверья и одежду. Таковые явления можно наблюдать в некоторых приволжских губерниях, в русских поселениях Кавказа и Закавказья. Русские деревни в Крыму отличаются от татарских тем, что там церковь, а здесь мечеть. Мужика по внешнему виду не отличишь от татарина, и только своеобразный выговор татарской речи выдает его русское происхождение. Интересно, что влияние татар распространяется даже на упорных, неподдающихся вообще немцев. Немецкие колонисты Крыма почти все говорит по-татарски, переняли кое-что из незатейливого гардероба татар и в то же время плоховато осваиваются с русской речью.

Хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из нее своем общественном быте имеют весьма крепкую, почти непреоборимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной индивидуальности. Обыкновенно интерес, выгода — стимул действий человека, но и они бессильны нередко перед убеждениями мусульманина. Например, по всей России вы не найдете мусульманина, торгующего в кабаке и содержащего дом терпимости.

Обратите внимание и изучите все функции любой мусульманской общины в наименьшей ее единице, представляемой приходской общиной. Всякая такая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти -авторитет религиозно-нравственный, ее источник — Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких

санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжей (учитель), муэззином, имамом, ахуном и т. д. при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства. Сословие духовных, установленное русскими законами в некоторых землях мусульман, существует лишь формально, не мешая при нужде отправлять духовные требы и членам других сословий, конечно, подготовленных к тому.

Каждая мусульманская община имеет свою школу и мечеть, содержимые или общиной, или на завещанные на то капиталы и имущества (ваккуфы). Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением школы семейной, где чуть не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама, так что ребенок 7–8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора. Несколько таких общин имеют одну соборную мечеть; несколько десятков их — одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, правоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые. Все эти учреждения и установленные общественные порядки неуклонно и неустанно работают из года в год, поддерживаемые нравственно Кораном и материально общиной и ее богатыми членами, в ожидании наград будущей жизни.

Такая мусульманская община в 10–20 семейств, куда бы ни была заброшена судьбой, сейчас группируется вокруг мечети или школы, совмещаемых нередко в одном и том же помещении, и немедленно для питания себя высшими познаниями примыкает к сфере действий какого-либо ближайшего медресе, куда посылают детей, предназначенных к высшему мусульманскому обучению.

Такие небольшие мусульманские общины, разбросанные отдельными поселками, наблюдаются во многих внутренних губерниях России и, несмотря на вековое сожителство в массе русского люда, не утратили никакой татарско-мусульманской черты, и распространение между ними даже русской речи сравнительно весьма незначительно, и то между мужским полом. Что касается мусульманок, они вовсе не говорят по-русски, за весьма редкими исключениями. Пример весьма поучительный и доказывающий необыкновенную племенную устойчивость татар представляют литовские татары, рассыпанные чуть не в десяти губерниях Юго-Западного и Привислянского края в числе восьми — девяти тысяч душ.

Год тому назад, посетив некоторые губернии Литвы для ближайшего изучения влияния европейской культуры на азиатцев, мы наблюдали житье-бытье деревенских и городских татар Литвы. Надо заметить, что нынешние литовские мусульмане — потомки тех орд татарских уланов, которые нанимались литовскими князьями для борьбы с Польшей как лихие наездники и верные телохранители. Благодаря предоставленным им широким

льготам с правом женитьбы на литвинках, часть этого наемного воинства поселилась в Литве. Вследствие того, что жены поселенцев татар не понимали вовсе по-татарски, уже первое поколение литовских татарчат говорило больше языком матери, т. е. по-литовски, чем по-татарски, так что через несколько поколений татарский язык исчез из употребления, и язык литовский стал национальным языком татар.

Несмотря, однако, на это столь исключительное условие и крайнюю разбросанность поселений, литовские мусульмане сохранили исламизм, как религию, тип и традиции — как татары. Несмотря на массу крайне неблагоприятных условий местности и жизни, они пережили несколько столетий, сохранив свою религию и упорно отстаивая свою индивидуальность. У них такие же мечети, те же обряды, как у прочих мусульман. Правда, по недостатку средств они не имеют мектебов и медресе, но у них существуют подвижные школы — ходжи, переходящие из одной местности в другую, где надо и желают учиться правилам ислама. Каждая семья татар имеет необходимые священные книги с переводами арабского текста на польско-литовский язык. Войдя в дом, в хижину литовского мусульманина, вы непременно заметите на стенах рамки с красиво написанными и раскрашенными изречениями из Корана и вензелевыми именами Аллаха, пророка, Али, Омара и других. Словом, путешествие по Литве убедило меня, что исламизм почти непобедим и что вероотступничество между литовскими татарами — явление столь же редкое, как, например, в Крыму.

Однако, на первый взгляд, литовские мусульмане вовсе не похожи на таковых.

Из других стран. Во-первых, большинство их более или менее образовано и очень многие служат в военной и гражданской службе, пользуясь доверием администрации, как нейтральный, надежный элемент края. Так, мне пришлось посетить одну татарскую деревню близ Вильно, где все жители имеют гот или иной орден и все — поручики или майоры и губернские секретари в отставке. Мусульманского затворничества среди них не существует. Понятно, что литвинкам, выходя замуж за татарина, приходилось бороться за свою свободу и, благодаря благоприятным условиям, им удалось воспротивиться созданию «гарема». Ныне тамошнюю мусульманку трудно отличить от коренной польки или литвинки, и только их собственные имена — Фатъма, Айша, Мерием, Зелиха и т. д., при ближайшем знакомстве дают знать их мусульманское происхождение. Обыкновенно литовские татары носят русско-польские имена с фамилиями от татарского корня, как Ахматович, Асанович, Селимович и прочее. Вообще, заметим мимоходом, литовские мусульмане — лучшие татары России и стоят вообще во главе мусульманства по культуре и образованности. Было бы весьма желательно привлечение их к деятельности среди остальных мусульман России. По службе им можно бы дать некоторые

льготы для того, чтобы облегчить это, ибо, я думаю, их культурная жизнь послужила бы хорошим примером многим другим мусульманам.

Из приведенных выше заметок видно, что мусульманская община представляет компактную, прочную массу, живущую особой, своеобразной жизнью, влиять на которую в смысле русификации едва ли возможно, если не доходит до геркулесовых столбов всевозможных ограничений, стеснений и прочее. Русификационная система могла бы, например, направить усилия к стеснению, ограничению изучения исламизма: тогда оно укрылось бы в семью, которая никоим образом не могла бы быть контролируема; могла бы затруднить достижение духовного сана, звания; в этом случае пришлось бы бить по воздуху, так как существовало бы более влиятельное, неофициальное духовенство, борьба с которым выходила бы из круга доступной деятельности; могла бы ограничить постройки мечетей, но это было бы бесполезно, так как любая чистая комната, летом любое место могут заменить ее; могла бы стеснять письменность, книгопечатание, — но мусульманство развивалось и живет исключительно рукописями; могла бы сузить деятельность речи, не терпя, не признавая ее, где только было бы возможно, но это, не ведя к цели, вело бы население к ограничению деятельности и раздражению; могла бы...

Но, впрочем, довольно. И помянутые чудовищные мероприятия, если бы они действовали, были бы бессильны в смысле русификации мусульман, но зато, порождая неприязнь, глухую борьбу, обход законов, вызывали бы безнравственность, усугубляли бы невежество мусульман и мало-помалу в борьбе за существование с более просвещенными обществами они неминуемо пошли бы к обеднению и вымиранию, если ход истории не вызвал бы иного кризиса...

Но не к тому должна вести нас великая Россия! Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства. Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства. Цивилизация, родившись на крайнем востоке и постепенно до сих пор продвигаясь на запад, ныне, кажется, начала обратное движение на восток, и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими ее проводниками...

Если цивилизацию Востока водворили на западе римляне и арабы, то, может быть, Провидение предназначало русских и татар к водворению западной на Востоке.

Однако я уклонился от предмета своих заметок. Итак, если мы находим, что обрусение тюрко-татар России невозможно и, следовательно, единение этим путем недостижимо, то, что же остается? Остается возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования. Достигнуть этого не так трудно, как может показаться с первого взгляда. Подобное единение может быть весьма прочно и не отразится

никаким дурным явлением в сфере государственной и экономической жизни нашего отечества, напротив, поведет к быстрому умственному и экономическому преуспеянию областей, населенных русскими мусульманами.

IV

Если взаимное знакомство, общность идей и интересов связывают отдельные единицы людей, то мне кажется, что те же мотивы отлично могут служить и для единения общественных групп и народностей. Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые бы своей живительной струей освежили их затхлое мировоззрение, облегчите доступ к ним новых идей и принципов, — и вы увидите, как быстро оживет, очеловечится и примкнет к русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мерами, а прямым и доверчивым обращением к учебным средствам и языку самих мусульман.

Словом, нравственное обрусение мусульман может совершиться путем подъема их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путем признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе. Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить, поощрить их развитие. Мне, может быть, скажут, что они могут учиться в русских школах и затем пользоваться русской литературой и печатью для своего развития. В отношении единиц — это так, но если дело идет о массах, то бессилие русских школ и науки в обсуждаемом нами вопросе, мне кажется, очевидны и не допускают возражений.

Мне могут сказать еще, что для инородцев мусульман открываются специальные русско-татарские народные школы для обучения их русскому языку. Увы, я был одним из наиболее ревностных учителей этих недавно народившихся школ, получил одобрение за свою деятельность, потеряв всякую надежду выучить говорить по-русски хоть одного татарина. Может быть, я был плохой учитель, но успехи и других многих сотоварищей моих не дали иных результатов, и мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымские татарские школы хоть одного татарчонка со свидетельством на знание русской речи?

Что русская школа для татар есть мертворожденное учреждение — это доказывает ее практика, поддерживаемая и теорией дела. Представьте себе округу, волость, населенную мусульманами. Во всей округе по-русски говорит волостной писарь и бывающий там наездом становой. Вот в одной из деревень этой округи открывают русскую школу — земскую или министерскую, это все равно. Нанимается или строится помещение. Население недоумевает, зачем это, к чему это поведет... Вот появляется здесь народный учитель с тощим запасом разных книжек, и начинается лучеиспускание света русской науки и просвещения. Обыкновенно мусульмане посылают детей в школу не ранее 10–12 лет, по окончании ими

курса своих мектеб — это их традиция. Учение в сельской школе продолжается не более 5–7 месяцев в году при 2–3 часовом занятии в день... Спрашивается, какие же могут быть при таких условиях результаты обучения русскому языку?

Вспомним, сколько времени и усилий нужно для того, чтобы путем школы, при желании, при отличных преподавателя и руководителях довести русского мальчика или юношу до сколько-нибудь основательного изучения иностранного языка и мы легко поймем все бессилие инородческой школы, лишенной симпатии почвы и даже сколько-нибудь удовлетворительных руководств. В Симферополе существует татарская учительская семинария для приготовления учителей из татар. В этом закрытом заведении, где татарские мальчики находятся под постоянным наблюдением и руководством опытных педагогов и наставников, окруженные русской прислугой, нужно не менее трех лет, как говорит опыт, усиленное учения по 10 месяцев в году при 7–8 часовом занятии в сутки в классе, чтобы выучить их русской речи настолько, что бы было возможно дальнейшее преподавание предметов курса на русском языке. Если в приготовительном классе закрытого заведения нужно мальчику 3 года дл; усвоения русской грамоты, то ученику народной школы для такого же успех необходимо, сравнительно, не менее 9 лет учения, при желании выучиться со стороны учащегося.

Очевидно, что если бы мы силой задерживали мусульманина в русской школе до 18–19 летнего возраста и успевали выучить его русской речи, то результат был бы сравнительно ничтожный, так как такая школа, как орган зубрения и обременения памяти, не имела бы никакой воспитательного значения, и время для того было бы упущено безвозвратно между тем как, если бы целью инородческой школы поставить исключительную цель всякой школы — воспитание и развитие, и воспользоваться для того родной речью инородца, то время, затраченное теперь на долбление русских слов и фраз ненужных ему в его обиходе, пошло бы на обогащение его ума полезными занятиями элементарных образовательные наук, и мусульмане могли бы получить толчок к умственному движению: увидели бы в такой школе реальную пользу, а не нечто туманное и непонятное...

Высшее образование в России немислимо без общегосударственного языка, ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком. Этим путем знания проникли бы в массы мусульман быстро; они вместо бесплодного зубрения русских слов, могли бы изучить — что такое Россия и русские (отечествоведение), приобрели бы обще образовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию своего образованного наставника.

Я решительно не понимаю, что может мешать введению татарского языка в школе. Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно охранять насчет других языков империи? Если нет, то повторяем,

пока элементарные познания не распространятся среди мусульман и не шевельнут их мозгов, до тех пор русская наука и речь будут для них недостижимы. Они не будут знать их значения, не будут чувствовать в них нужды. Иностранческие школы будут толочь воду, а русские гимназии и университеты тщетно ожидать и ожидать мусульманских юношей. Мусульманин не подозревает иной книги, кроме Закона Божия, иной науки, кроме богословия. География, история, арифметика и прочее ему вовсе неведомы. В его убеждении русская школа — это мектеб; гимназия и прочее — это русское медресе. А так как он имеет свой мектеб и медресе и желает быть муллой или кадием, а не попом или судьей, то его не интересуют ни русская школа, ни русские книги, которых он, по неведению, даже несколько опасается.

Света, света дайте нам, старшие братья, иначе мы задохнемся, будем разлагаться и заразим местность. Мы, мусульмане, — еще дети, так будьте же разумными педагогами; — говорите с нами так, чтобы мы понимали вас, а не хлопали только глазами. Когда мы поймем вас; когда в своем мектебе мы приобретем первоначальные плоды вашей науки и знаний; когда мы из татарских книг узнаем нашу родину Россию и ее порядки: будьте уверены, у нас явятся и желания, и средства наполнить ваши гимназии и университеты, чтобы трудиться рядом с вами на поприще жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, будем чуждаться, избегать их и не будем сознавать их пользы и значения, несмотря на трогательное красноречие и убеждение чиновников разных неведомых нам ведомств.

Как вы хотите, чтобы человек с завязанными глазами узнал другого и, не зная его, сочувствовал, сближался с ним? Если русская литературная речь оказалась несостоятельной, как орган начального образования среди русских же в Малороссии, то очевидно, что в отношении татар он пригоден еще менее. Земства, после краткого опыта, сознали это и позакрывали открытые для татар школы, и ныне в лице таврического губернского земства ходатайствуют перед высшим правительством о введении в школы преподавания татарского языка. Еще несколько времени — и министерство народного просвещения сознает то же. Позволю себе привести одно соображение, хотя и несколько парадоксальное. Если бы для воспитания и просвещения ввести в русских народных школах преподавание на немецком языке, вместо родного русского, с лучшими учителями и руководствами, то можно ли ожидать практических результатов и скорого просвещения русского мужика? Если нет, то будьте уверены, что русский язык имеет в иностранческо-мусульманской школе еще меньше значения.

Школа — орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна. Русская речь распространится по Руси не путем нескольких десятков жалких школ, а улучшением, облегчением сообщений, расширением способов труда и торговых, промышленных сношений населяющих ее народов. А для этого прежде всего надо позволить и помогать писать, читать и учиться на родном языке всякому

русскому народу, не забывая, что наука одна для всего человечества, что она одна побеждает предрассудки невежества, и только на ее почве последует единение татар с русским славянством.

V

Выше мы высказали убеждение, что для единения русских мусульман с русскими, для нравственного их обрусения, если можно так выразиться, следует смело и прямо прибегнуть к их учебным средствам и их собственному языку.

Если мы раз признаем возможность этого, то думаем, что этим путем легко можем влиять на воспитание, умственное развитие мусульман и впустим свежую струю воздуха в затхлую атмосферу их неподвижности и живительный луч света во мрак их векового невежества... Этим путем мы легко и скоро вдохнем новую жизнь в умственную и практическую деятельность ученого (улемы), торгового и сельского класса мусульман, для коих русские воспитательные и образовательные учреждения то же, что для слепого свеча. В этом случае даже образование высшего класса мусульман, каковы первоклассные негоцианты из внутренних губерний, беи, мурзы и пр. в окраинах, приобретет более солидное основание. Хотя некоторые члены этого класса ныне показываются изредка, как метеоры, в среднеучебных заведениях военного и гражданского ведомств, но они, за очень немногими исключениями, возвращаются восвояси с третьего или четвертого класса...

В течение столетия из крымских мусульман только один кончил курс в кадетском корпусе и один окончил курс в университете. Мы не смогли собрать точных цифровых данных об успехах в этом отношении мусульман в других местностях России, но можем сказать, что и там результаты не более блестящи.

Не можем не привести здесь еще одно замечание, которое вполне заслуживает внимания и дальнейшего наблюдения. Мусульманин по простоте и патриархальности своего быта, по чистоте внушаемых ему с детства религиозно-нравственных принципов, чуждый хитрости и лицемерия, которыми он гнушается, человек честный. Солидно образованный мусульманин к хорошим качествам заурядного присоединяет более широкие, гуманные взгляды на вещи; наука и знания, не колебля в нем мусульманских основ и симпатий, освещают, гуманизируют его воззрения, уничтожая, конечно, предрассудки и суеверия. Но те мусульмане, которые волей судеб, так или иначе, освоят какой-либо иностранный язык и приобретут внешний лоск европеизма, без солидной научной подкладки, увы, эти люди почти потеряны для полезной, деятельной жизни. Это — люди, потерявшие хорошие качества своего племени и усвоившие дурные качества другого. В молодости они обыкновенно люди дешевых свободных принципов, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лет они отвратительные ханжи и лицемеры, усердно отмаливающие грехи молодости в борьбе со всякой новизной и светом действительного знания и прогресса.

Этот печальный тип мусульман я наблюдал среди нас, русских мусульман, среди арабов и очень много среди турок.

Избавь нас Бог от таких плодов цивилизации и языкознания. Не языкознание развивает мозги, а научная подкладка воспитания: не русский язык вдохнет новую жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим и действительным образом.

Выше мы сказали, что следует обратиться к учебным средствам самих мусульман и их языку. Мектебов, т. е. начальных школ, мусульмане имеют столько, сколько нужно. Высших школ – медресе, – представляющих в одно и то же время нечто в роде духовных академий, учительских семинарий и общеобразовательных заведений, — есть достаточно. Все духовенство и ученые (улемы), все учителя (ходжи) начальных школ (мектебов) суть создания медресе, которое есть единственный источник мусульманского знания, нравственности и добра. Влияние медресе на мусульманское общество и весь строй его жизни и мыслей несравненно сильнее, непосредственнее, чем влияние любого университета на европейское общество.

Мектебы и медресе, как учреждения, пустившие глубокие корни на мусульманской почве и вросшие в нее, а не наложенные на нее сверху, каковы инородческие народные школы, имеют важный авторитет у мусульман, пользуются их симпатией и доверием и освящены вековыми традициями. Было время, — и об этом смутно знают почти все грамотные мусульмане, по крайней мере 50–60% их, — когда мусульмане учились в своих медресе — иль-ми-тыбие (медицина), ильми-икмет (физика), ильми-кимья (химия), ильми-набо-дат (ботаника), ильми-нуджум (астрономия), ильми-эндесе (геометрия) и проч. Это смутные воспоминания и предания о медресе арабов времен блестящей эпохи их халифатств, когда в Багдаде, Кордове и других городах мусульманского Востока были медресе с 20–30 профессорами (мударисы, муальлимы), преподававшими разные умозрительные и опытные науки. Программа же теперешнего татарского медресе — арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания: долбление и зубрение — зубрение и долбление!

Мне кажется, что русские сослужат великую службу отечеству и человечеству, воскресив для своих мусульман на русской почве славные арабские медресе, давшие в свое время столько знаменитых тружеников науки и мысли. Дать этому делу толчок будет не трудно и не дорого. Надо лишь подвергнуть небольшим преобразованиям 9–10 медресе по России в таких мусульманских центрах, как Казань, Уфа, Оренбург, Астрахань, Ташкент, Самарканд, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дело умственного развития русских мусульман на прежнее основание. Все преобразованные медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» в отличие от непреобразованных, и можно бы дать их «сохтам» (студентам) некоторые преимущества и права. Сутью преобразования должно бы, по нашему мнению, быть введение в курс этих

медресе преподавания элементарных, общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания педагогики и краткое русское законоведение). Преподавателями могли бы быть лица, получившие образование на восточном факультете университета или в Лазаревском институте Восточных языков.

За руководствами серьезной остановки быть не могло бы. По три преподавателя, из коих один в то же время в качестве мудариса-директора, нам кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведение могло бы стоить (жалованье учителей и учебные пособия) по 7–8 тысяч на каждое медресе, а на все 10 медресе важнейших центров потребовалось бы до 80 тыс. Допуская даже до ста тысяч расхода в год для десяти медресе, мы находим этот расход, для коего можно установить специальный сбор с мусульман по образцу бывшего татарского сбора в Крыму, ничтожным, сравнительно с блестящими результатами, коих можно ожидать. В какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство, вместо нынешнего невежественного духовенства, имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей), — подготовленных к своей деятельности и развитых педагогов; и тогда можно бы поднять курс начальных училищ — мектебов до уровня требования времени и ввести в них лучшие, усовершенствованные методы преподавания, вместо существующих ныне долбления и палки.

Этим путем быстро проникли бы в массу русские, или лучше сказать, общечеловеческие, гуманные идеи и знания. Раз пробужденная любознательность вызвала бы среди татар сознательное, а не принужденное из-под палки стремление к просвещению. Тогда само мусульманство искало и создавало бы средства к изучению русской речи, чтобы ближе стать к науке и знаниям. Тогда не существовало бы настоящего недоверия к русскому просвещению, апатичного равнодушия к русской науке. Мусульмане убедились бы в том, что есть еще чему учиться кроме священного писания арабов... Тогда русские гимназии и университеты приобрели бы значение в глазах мусульман, их отчужденность, недоверие и апатия, эти следствия неведения, рассеялись бы как туман.

Подумайте, читатель, может ли от такой постановки дела пострадать русский язык и наука и не выиграет ли отечественное образование и общечеловеческая культура?

Что касается до значения собственно татарской речи, как средства к приобретению познаний, мы должны заметить, что 50–60% мусульман и мусульманок могут читать свободно по-татарски, тогда как по-русски прочесть и понять едва ли может один из тысячи из них. Поэтому не практично ли, не обязательно ли, в интересах общественного блага и государства, воспользоваться этим обстоятельством, этой татарской грамотностью, этой распространенной между мусульманами письменностью, как проводником полезных сведений, отечествоведения и пр. в

мусульманскую массу. Не следует ли облегчить, поощрить развитие печати среди татар? Разве было бы дурно, если бы распоряжения правительства и общественных учреждений имели возможность доходить до сведения многочисленных мусульманских подданных России в форме понятной им речи? Сколько бы недоразумений, убытков и несчастий можно бы избежать этим путем! Мне могут заметить, что русский мужик тоже ничего не читает, ничего не знает, но живет себе. Но, во первых, он живет очень плохо и терпит очень много от того, что ничего не читает; во вторых, как бы то ни было, ему в силу одного уж его происхождения, его исторической традиции русские порядки и жизнь ближе знакомы, чем мусульманину, имеющему иные условия жизни, иные воззрения.

Вот почему особенно важно знакомить мусульман с русскими порядками, понятиями и жизнью. Тут-то татарская письменность и грамотность окажет большую услугу, если не будем пугаться призраков и не будем преважно и пресерьезно играть в политику там, где нужно искренне приняться за дело и учить, сеять добро и правду, не стесняя себя воображаемыми препятствиями и опасениями. Под владычеством Англии в Индии зародилась и развилась ныне значительная туземная литература и периодическая печать, которая, служа интересам прогресса, нисколько, как видно, не вредит ни англичанам, ни их языку; иначе, наверно, англичане не поцеремонились бы задушить в зародыше туземное слово и печать... Закавказская администрация, кажется, сознала значение туземного языка в деле воспитания и управления краем. Благодаря ее практически верному взгляду на вещи и при ее помощи в Тифлисе зародилось и крепнет татарское печатное слово в лице «Зия-и Кавказ» (луч Кавказа), приносящее местному населению громадную пользу разъяснением и сообщением на татарском языке необходимых сведений и правительственных распоряжений, и которое, в случае распространения каких-либо вредных слухов, будет отличным средством для их опровержения. Кажется, польза очевидная, и много говорить излишне.

Резюмируя высказанные нами мысли относительно сближения мусульман с русскими и ознакомления их с Россией, мы выразим эти мысли в следующих положениях:

1) незнание, отсюда недоверие мешают сердечному сближению русских мусульман с Россией;

2) распространение отечествоведения и знания среди мусульман посредством русского языка почти немислимо; русские учебные заведения не привлекают даже одного из сотни мусульман высшего сословия, не говоря о прочих;

3) если ввести в курс мусульманских медресе элементарное преподавание наук на татарском языке, — то это облегчит доступ знаний в мусульманскую среду без всякого вреда для государства и быстро поднимет умственный уровень духовенства, среднего сословия и рассеет многие дурные предрассудки;

4) облегчение условий печатного дела на татарском языке, ввиду значительной грамотности татар, быстро распространит между ними необходимые полезные и практические сведения, почему необходимо покровительствовать и поощрять всякие издания на мусульманских наречиях;

5) было бы очень полезно, а потому и желательно, в областях с татарским населением иметь в судах толковых штатных переводчиков, чтобы избавить мусульман от больших потерь и нередко несчастий, охлаждающих их к отечеству, и необходимые распоряжения и извещения публиковать в местных ведомствах при русском тексте с переводом на туземный язык;

6) и, наконец, от этих мероприятий ни интересы русского языка, ни интересы государства никоим образом страдать не могут.

Заканчивая настоящие заметки, позволю себе обратиться к образованной мусульманской молодежи. Братья, примитесь серьезно за дело народного образования: при помощи и содействии просвещенных русских обсудим лучшие способы к тому. Выучиться самому — достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Наша религия учит, что добро можно творить тройко: трудом, словом и подаянием, — и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны: бедный помогает ближнему работой, ученый — поучением, богатый — подаянием. Итак, вы выучились, приобрели знания и добрые правила: не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам; переводите на татарский язык хорошие русские книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. В этом святом деле, надеюсь, просвещенные муфтии Таврический и Казанский окажут вам должную помощь и содействие своим влиянием и знанием. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, памятуя священное изречение великого Алия, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

1 июня 1881 года. Бахчисарай.

Ризаитдин Фахретдинов **Отрывок из его работы «Благонравная жена»**

На пути к благополучной жизни у женщин множество обязанностей, мы коснемся только основных. Вот они:

1. И'тикад (искренняя вера)

Благонравные женщины с особенным трепетом оберегают свою веру. Они искренне следуют нормам шариата, глубоко осмысливая их, и избегают всего запрещенного шариатом. Они искренне верят в то, что Всевышний Аллах — Единственный и нет у Него сотоварищей; вся мощь принадлежит Ему Одному; добро и зло происходят только по Его предопределению; Он — Властелин всех миров; Он — Всеслышащий и Всезнающий; пророк Мухаммад

(салляллаху алейхи ва саллям) – истинный и последний пророк Аллаха. Шариат, который пророк Мухаммад (салляллаху алейхи ва саллям) передал нам, является законом истинной религии Бога – Ислам и есть путь к счастью и благополучию в жизни земной и жизни вечной.

Они никогда не поверят тем, кто призывает обращаться к магам и предсказателям, и тем, кто обещает посредством магических сил вызвать или, наоборот, прекратить взаимоотношения между людьми, а также тем, кто обещает призвать на помощь духов и джиннов. Зная, что эти люди явные шарлатаны и безбожники, благонравные женщины никогда не взглянут на них приветливо, не пригласят и не пустят в дома свои. Если женщина увлечена магией и гаданиями, постепенно в них поверит и ее муж. Свои заблуждения такая мать передаст по наследству и своим детям. К концу земного пребывания этой семьи в таком доме угаснет вера или утратится ее истинность. Члены такой семьи будут находиться в постоянных сомнениях во всем и глубоком страхе, доходя до полного отчаяния. Дом этот застынет подобно улью, зараженному гусеницами.

2. Ита'ат (послушание)

Благонравные женщины послушны своим супругам во всех случаях, не противоречащих шариату и здравому смыслу... Женщине, надеющейся заслужить довольство Всевышнего Аллаха и желающей достичь радости в жизни вечной, необходимо прекрасным образом строить свою совместную жизнь с мужем, душой и телом принимая его слова, стараясь быть послушной ему. Женщина, отказавшаяся от этих принципов, в земной жизни будет сожалеть, а в Судный День, возможно, испытает мучительные наказания. Из изречений пророка Мухаммада (салляллаху алейхи ва саллям): «Женщина, которой был доволен муж, войдет в рай». «Женщина, совершавшая пятикратный намаз, соблюдавшая обязательный пост, оберегавшая себя от посторонних людей и слушавшаяся мужа, войдет в рай Всевышнего Аллаха».

Этот хадис доказывает степень значимости послушания женщины наравне с намазом и постом... Обязанность праведных и благочестивых женщин – быть покорными мужьям, а долг их любимых супругов – достойно содержать своих домочадцев. Благонравная женщина искренне будет стараться, чтобы ее недостойное поведение не послужило причиной преждевременной седины в волосах и бороде мужа. Она не будет прекословить супругу в моменты его недовольства и оспаривать его желания...

Службу, которую не могут выполнить сотни людей вместе, в совершенстве исполнит правильное воспитание. То, что невозможно приобрести за плату, достигается хорошим нравом. Благонравные жены, вдумчиво выполняющие свои обязанности, строго следующие нормам семейной жизни, искренне послушные и уважительные к мужьям, независимо от того, кто их супруги: государственные правители или признанные ученые, будут любимы ими и дороги для них.

3. Ри'аят (забота) о близких мужа

Благонравные женщины ни в коем случае не будут допускать разлада в отношениях с отцом и матерью мужа, его детьми, его братьями, сестрами и друзьями, сколько бы их и ни было. Это означает необходимость быть приветливой к ним, друзей мужа принимать как друзей, врагов как врагов. И напротив, если жена в душе своей признает его друзей за врагов, а врагов за друзей, она находится в явном заблуждении... Если дружба людей налагает такую ответственность на их семьи, то, тем более, женщина, стремящаяся всегда быть дорогой и желанной для мужа, будет еще более приветлива, добра, близка к родным мужа.

Богобоязненный мусульманин не забудет напоминать жене о необходимости заботиться о его родственниках, особенно об отце и матери. Если вдруг муж из-за своей невоспитанности или бессердечия не оказывает должного внимания своим родным, благонравная женщина не только сама будет стремиться быть близкой к ним, но и будет стараться призвать супруга уважать родственников. Если по нормам шариата так велики права соседей, близость которых обусловлена лишь общим забором и сопредельностью домов, тогда подумайте, какими громадными должны быть уважение и почтение между родственниками по крови и плоти!..

Отсюда следует, что женщина должна растить и воспитывать приемных детей мужа, как своих родных. Это один из путей заслужить милость и довольство Всевышнего Аллаха, а также благодарность своего супруга. Каким бы жестоким и грубым ни был некий отец, он не стерпит оскорбления своих детей кем-либо. Недопустимо также, если отец не вмешивается, когда мачеха измывается над его родными детьми. Он или не любит их, или же любит ее больше них.

Но есть в этом явлении обратная сторона. Если отец из-за своей любви к новой жене не обращает внимания на то, как дитя его страдает от жестоких слов, колких взглядов и беспощадных кулаков мачехи, разве нет Того, Кто слышит жалобный плач сироты? Разве нет Того, Кто видит слезинки, сбегающие из его глаз? Несомненно, Он есть. И придет особый день расчета, когда эта женщина будет спрошена за каждое свое деяние: большое и малое, за каждое отдельно будет давать ответ. В этот день, возможно, то, что давалось в долг, будет возвращено вдвойне.

Права сироты – не вода, бесследно не впитаются в землю, и не ветер – незаметно не развеются!.. Те женщины, которые достойно воспитывали и с любовью растили приемных детей, удостоились за это большего уважения и любви своих супругов, и наоборот. Это очевидно для любой женщины, видевшей, как бывают жестоки некоторые мачехи к детям своего мужа. Притеснение и безжалостное отношение к сиротам – это большой грех, и это относится не только к женщинам, воспитывающим приемных детей, а также к отчимам, опекунам и воспитателям. Из изречений пророка Мухаммада (салляллаху алейхи ва саллям): «Из того, что любит Всевышний Аллах – дом, в котором милостивы к сироте; то, что ненавистно – дом, в котором

притесняют сироту». Из этого хадиса немалое назидание для мусульманина, обладающего ясным умом.

В завершение – вывод из вышесказанного: для достижения любви супруга нет пути более верного, чем забота о его детях, почтительность к его родителям и остальным родственникам. Благонравные и рассудительные женщины, следуя по этому пути, получают удовлетворение в земной жизни и лучшие вознаграждения в жизни вечной. А совершенные в этой жизни праведные и греховные дела не рассеются как облака в небе и, скорее всего, еще при жизни будут возвращены хозяину. Тот, кто заботился о своих отце и матери, несомненно, не останется без заботы своего собственного ребенка. Если женщина из-за своего нежелания заботиться о свекре и свекрови отлучила мужа от его родителей, то же самое в свое время придется претерпеть и ей от жены своего сына. Ведь что посеешь, то и пожнешь!

Утябай Карими

Наставления хазрата

Абуханифа Ногман бине Сабита сыну Ахмаду

Взято из газеты: «Татарский мир. – 2000. – № 33. – Август»

Итак, кто такой Абу Ханифа? Это основатель одного из четырех мазхабов (догматических школ мусульманского фикха, *Ред.*), живший примерно в 696–769 годах. Абу Ханифа, [...] большую часть жизни провел в Куфаде и там же он создает свои наставления. Его жизнь проходит в политической борьбе с габбасидами. Поэтому, по приказу халифа⁹ габбасидов Габдуллы II он был заключен в зиндан¹⁰. Его учение было принято множеством последователей-суннитов, которых называют ханафитами. В нашей стране мусульмане-сунниты составляют большинство. В Китае, Афганистане, Индии, Сирии и других странах они также составляют большинство.

Здесь я предлагаю вам наставления Абу Ханифы своему сыну Ахмаду. Для сведения, текст наставления был опубликован на арабском языке в Уфе в 1906 году членом Совета по религии, депутатом Государственной Думы, заведующим медресе «Хусаиния» (в этом медресе учился известный писатель Татарстана Накый Исанбет), имам-хатыбом уфимской Второй махалли Мухаммедсабир бине Мухаммеджан аль-Хасани (1865–1924) в издательстве «Восток». Позже это же было опубликовано в журнале «Маглюмат» в 1916 году в 21 и в 22 номерах. Скажу, что это наставление имеет огромное воспитательное значение. Читайте сами!

«Сын мой! Пусть Аллах даст тебе ум и правдивость, сделает тебя стойким в религиозной жизни. Я выскажу тебе свои наставления. Если ты будешь следовать моим наставлениям, то будешь, дай Аллах, счастливым и в

⁹ Халиф – правитель в странах Востока.

¹⁰ Зиндан – тюрьма-подземелье.

религиозной, и всей твоей жизни.

Первое из наставлений – веруя в могущество Аллаха, будь внимателен и сохраняй себя от греховных поступков.

Второе – не зная то, что ты должен знать, не остался бы ты в невежестве.

Третье – с помощью религии и мира не общайся с бесполезными людьми, не трать попусту свою жизнь.

Четвертое – избавь себя от алчности, не бери чужого. Умей прощать, не мсти человеку.

Пятое – мусульманин ли он или человек другой веры, никогда не считай его своим врагом (всё в воле Аллаха).

Шестое – будь доволен тем имуществом, которое тебе дано Аллахом, не завидуй другим людям.

Седьмое – старайся потратить все свои силы для того, чтобы не нуждаться и не надеяться на помощь людей в ненужном месте (т.е. понадеявшись на других людей, не потеряй своё).

Восьмое – не совершай поступков, не считаясь с мнением других людей, говоря, какое мне дело до них.

Девятое – не поддавайся ненужным вещам, храни себя от страстей и увлечения ими. Остерегайся ненужных слов.

Десятое – будь со всеми приветлив, старайся, чтобы хорошие люди тебя любили, а с плохими людьми будь внешне также приветлив и дружелюбен.

Одиннадцатое – часто, в душе и на словах, читай молитвы и посвящай благодарения Пророку.

Двенадцатое – занятие покаянием начинай красивыми словами прощения «астагъфируллахи газым». Эти слова достойны со времен Пророка: «О, Аллах, кроме Тебя нет другого божества, Ты создал меня, я Твой раб; я живу по силе возможности с Твоего позволения и по Твоей милости со дня своего рождения. Ищу защиту, когда совершаю неверные поступки. О, Аллах – мне по душе все, что ты мне даёшь, признаю всё это как Твоё милосердие. Признаю свои ошибки, мои грехи прощай и отпусти, кроме Тебя нет прощающего грехи».

Тринадцатое – каждый день читай Коран и благодари Пророка, родителей, наставников и всех мусульман.

Четырнадцатое – остерегайся изобличения твоих секретов и дел. Среди людей встречаются испорченные, которые будут стараться ухудшать твой авторитет.

Пятнадцатое – храни свои секреты, не говори о том, куда ты идешь.

Шестнадцатое – пусть будут симпатичны тебе твои соседи и спутники, будь терпеливым.

Семнадцатое – придерживайся общества и верных суннитов, остерегайся всяких сект.

Восемнадцатое – будь чист душой, стремись есть и пить только чистую (неоскверненную) пищу.

Девятнадцатое – помни пять хадисов: намерение уже есть конец дела;

красота есть признак мусульманства мужчины; желай другим то, что желаешь себе; отделяй чистое от скверны, остерегайся от подозрительного: в теле есть кусок мяса, если он будет в исправности, то все органы будут исправны – это сердце; пусть другие люди не зависят от твоих рук и слов.

Двадцатое наставление, будучи здоровым, благодари за это Аллаха, страшась мучений, воспитывай себя. Когда подойдет время смерти, будь чистым и в хорошем настроении».

Мое мнение:

Наставления отца сыну – бесценны. В мире Ислама отцовское слово считается главным и наставления должны неукоснительно выполняться детьми. В прошлом и у нас, у татар наставления отцов для сыновей считались очень важным. Только огорчает, что в последнее время уравнивание в правах мужчины и женщины привело к забвению некоторых важных правил, плохо, что в семье и в обществе слово женщин стало брать верх. В этом виноваты и сами мужчины, всё это привело нас к краю невоспитанности. Мужчины, будучи мужчинами, отличаются от женщины не только формой тела, но психикой и складом ума... Поэтому хотелось бы вернуть исконные наши традиции.

ЧАСТЬ III

Исламское образование в регионах дореволюционной России (на примере Башкирии)

Г.Н. Кильдибяков
**Магометанские школы (мектебе и медресе) в Мензелинском уезде
Уфимской губернии. – Мензелинск, 1913. – 78 с.**

«Мектеб» и «медресе» – слова арабские, оба означают одно и то же: «место обучения», «место преподавания». Лет 30 назад учебные заведения мусульман, находящихся в России не имели названия мектебе; все они, как в Аравии именовались «медресе».

...Школы российских мусульман получили название мектебе в 80-х годах прошлого столетия, когда в них стало применяться новометодное обучение, так называемое «Усуль Джадид» или «Усуль Саутия».

...В последнее время начальные (3–4 отделения) и средние школы мусульман России в большинстве называются «мектебами», а выше начальных и средних (тоже 3–4 отделения) – «медресе». Бывает, что при медресе имеется мектебе; тогда таковые называются «мектебе и медресе».

Старый метод.

Старый метод в мектебах – буквослагательный, причем буквы употребляются арабские. Особой программы не существует, но везде принято пройти несколько известных книг, сочиненных 1–2 столетия назад.

В 1-й год обучения употребляется «Азбука», с приложением к ней отрывков из религиозных правил, под названием «Имань-Шарты» (условие верования).

Изучение Букваря начинается азбукой «Элэф, би, ти, си, зимь, хи» и т.д. (значит: э, б, т, с, з, х), после азбуки дети начинают учить слова, составленные арабскими древними математиками для усвоения таблицы умножения.

Эти слова есть «Эбзедь, Гаввезь, Хутты» и прочие. У математиков буква «э» в слове «Эбзед» означала цифру 1, б – 2, з – 3 и т.д., вместо $2 \times 2 = 4$, они изучали $б - б = д$.

Затем ребенок с помощью учителя читает и заучивает известные наставления и вероучения, написанные на арабском языке... Наставления начинаются словами: «Калиматунь таибатунь ла илаа-илла Алла, Мухаммед расулулла», т.е. «Святое слово есть: Бог един, Магомет его пророк».

Весь 1-й год занимаются этой книгой.

На 2-м году употребляется книга «Афтияк». Слово «афтияк» – персидское, означает «одна седьмая часть Корана». Книга написана на арабском языке.

На 3-м году употребляется тоже «Афтияк», но чтение теперь ведется не по слогам. В этом году детям дают одну, две маленькие книги из 3-х, 4-х им

известных, написанных на трудном татарском языке: «Бедвам», «Ахир-Заман», «Ярумь-Алма» и «Кисик-Баш».

Содержание 1-й близко к нравоведению, 2-я показывает, что конец мира очень близок, 3-я рассказывает историю одного святого человека, съевшего половину чужого яблока без разрешения владельца, 4-я рассказывает о борьбе и героизме отрезанной головы одного святого человека. Эти книги они читают не самостоятельно, а выучивают от частого повторения прочитываемого учителем.

На 4-м году детей обучают 1-й половине Корана и две арабские книги «Шурут-Сала» (условия намаза) и «Тагаллем-Сала» (учение к намазу).

На 6-м, 7-м году (очень редко и на 5-м году) начинают этимологию арабского языка по книге, написанной на персидском языке под названием «Бидан». Книга завезена из Туркестана.

...Преподавание по названной книге представляет собою очень странное явление, т.к. дети татар до изучения этой книги не знают ни одного слова по-персидски.

На 8-м, 9-м году учатся синтаксис арабского языка.

...После этого изучаются большие арабские книги религиозного содержания и в эти годы ученики сами начинают учить детей.

В школах, со старым методом преподавания, с каждым учеником занимаются отдельно или группами; парт, классных досок и других учебных принадлежностей в школах не имеется. Письму ученики начинают учиться через 5–6 лет сами. Таким образом, через 12–15 лет они пишут на родном языке... Прием учеников числами и месяцами не определяется; каждый имеет право поступать в школу, когда он хочет; приемные и выпускные экзамены не производятся; возраст во внимание не принимается.

Новый метод

Новометодным называется обыкновенный звуковой метод. Букв в татарском языке 26 и кроме них 7 арабских, взятых для изучения арабских слов, вошедших в татарский язык (их несколько тысяч).

Посредством нового метода, дети через 1–2 месяца начинают читать отлично легкие статьи и рассказы, написанные на чисто-татарском языке. В этом году ребенка учат арифметике (4 действия и счет до 100) и одной книге из детского мира: кроме того, по вероучению начинают читать Коран и выучивают несколько догматов веры.

Школы мусульман с новым методом преподавания имеют общераспространенную программу. Программа 4-годичного курса начального мектеба следующая:

Родной язык, арифметика (решение задач на все 4 действия над простыми числами), счет, первоначальные сведения о географии, краткий курс священной истории, истории ислама, элементарные сведения по природоведению и гигиене и письмо на родном языке... По вероучению: правильно читать Коран и изречения пророка, знать несколько догматов веры, исполнение обрядов религии и несколько пений.

Программа 2-го класса (3–4 годичный курс, выше начального) следующая: родной язык (этимология и синтаксис), священная история, история ислама, история России, фикх (мусульманское право), арабский язык (этимология и синтаксис), арифметика (до алгебры), география (полный курс всех 5-ти частей света), геометрия и гигиена. По вероучению: Коран (устный перевод Корана с арабского на татарский) и изречения пророка из арабских книг.

В медресе, с новым методом, программа следующая: родной язык (сочинение и современная литература), фикх (обширный курс из арабских книг), арабский язык (риторика, теория словесности, изложение и сочинение на арабском языке), всеобщая история, природоведение, педагогика (методика и дидактика), естественная история, логика, начальные сведения по алгебре, физике, космографии и химии. По вероучению: Коран, тафсир (толкование Корана), Хадис (изречения пророка), проповедь и пение.

Во всех трех классах, кроме означенных предметов, по возможности учат русскому языку, рисованию и, кроме того, мальчиков – сельскому хозяйству и девочек – рукоделию.

В мектебах... ученики разделяются на отделения. Учащие [учителя] преподают по предметам, но некоторые и по отделениям; в школе имеются парты, классные доски, карты и другие принадлежности.

...Занятия в новометодных мектебах начинаются с 1–15 октября до 1–15 апреля и проводятся каждый день кроме пятницы, с 8 часов утра до 3 часов дня с 1,5–2 часовым перерывом для отдыха. Ученики при мектебах не едят и не ночуют, но при медресе устраиваются общежития. В середине зимы учеников отпускают на каникулы, которые продолжаются 2–3 недели.

Учащими назначаются молодые люди, получившие образование в средних новометодных мектебах или в медресе, ...причем они имеют свидетельства об окончании курса. Кроме того, многие из учащихся, выдержав экзамен на звание «Мугаллим» (учителя) и «Мударрис» (от слова медресе – «преподаватель») имеют свидетельства из Оренбургского Магометанского Духовного Соборания (Оренбургский окружной муфтият в городе Уфе) о знании мусульманского образования и религии. Большая часть этих учащихся мугаллимов учат детей с жалким вознаграждением или даже совершенно без вознаграждения.

Смешанный метод

...Не представляет собой особый вид преподавания, а лишь заключается в том, что имеет в себе «смесь» из старых и новых книг, программ и преподаваний. Это обыкновенно встречается в мектебах тогда, когда они переходят на новый метод.

А. Любимов

Мактабы и медресе г.Уфы и 1-го района Уфимского уезда.

Отдельный отиск из «Вестника Оренбургского учебного округа за 1914 год. № 2. – Уфа, 1914. – 10 с.

Организация учебного дела, учебный строй мактабов и медресе весьма разнообразны в разных пунктах т.к. не имеется сколько-нибудь определенных программ и планов для учебных заведений этого рода. Даже нельзя твердо установить и провести резкую границу между типами: мактаб и медресе ... Приблизительно можно определить, что «мактаб» есть низшая школа дающая грамотность и низшее религиозное образование. Курс обычно 4-х годичный. Медресе такая же конфессиональная школа, дающая более обширные, главным образом религиозные знания. Правильно организованное медресе имеет три класса: приготовительный равняющийся курсу мактаба (ибтидаи), первый класс – рушди и второй класс – игдадия. Курс «ибтидаи», как и организованного мактаба – 4 годичный; рушди и игдадия имеют трех годичные курсы, но в некоторых медресе в этих классах учатся по 4 года. Уфимское медресе «Галия» является вузом и имеет 2 класса с трех годичным курсом каждый. В него принимаются окончившие курс медресе по особому испытанию. Иногда мактабы имеют одно-два отделения класса рушди и представляют середину между мактабом и медресе. ...обычное деление мусульманских конфессиональных школ на мактабы и медресе являлся на практике весьма произвольным...

...Это особенно нужно сказать относительно так называемых старометодных мактабов и медресе.

Старометодное медресе в д. Немисляровой, Булекей-Кудейской волости

...Деления учеников на классы нет. Сначала учатся читать и писать по-татарски, изучают арабское чтение, а затем переходят сразу к чтению и заучиванию Корана. Это приблизительно курс подготовительного класса (ибтидаи) определенных книг для чтения или изучения нет. Есть шакирды, выучившие вышеуказанные книги и читающие (механически) по-арабски. Они числятся уже шакирдами не «ибтидаи», а собственно медресе... Они читают и заучивают Коран, таджвид, хадис и другие религиозные предметы. Арабского языка не учат и не знают его...

Новометодное Усмановское медресе в г. Уфе

Новометодное медресе я имел возможность видеть в Уфе... Наибольшую популярность среди мусульман имеет «Медресе Усмания», Усмановское медресе. Это медресе существует с 1887 года. Оно занимает большое 3-х этажное здание и 2 флигеля. Кроме того, при нем в особом здании помещается ученическая столярная мастерская, в которой учащиеся обучаются столярному ремеслу. Всего учащихся в медресе 180. Большинство их из Уфимского уезда и живет здесь в общежитии за небольшую плату. Для живущих в общежитии имеется довольно прилично обставленные спальни с койками и столовая. За особую плату отпускаются обеды. 50 беднейших шакирдов содержатся за счет попечительства о бедных мусульманах.

Медресе делится на 3 класса: приготовительный (ибтидаи), 1-й (рушди) и 2-й (игдадия). Приготовительный и второй классы имеют 4-х годовичные курсы, 1-й 3-х годовичный...

Занятия ведутся в особых классных комнатах... Здесь обычного типа парты, классные доски, по стенам географические карты, естественно-исторические картины, расписание уроков и прочее... Такая обстановка является обычной для уфимских медресе и мактабов. Только в Хакимовском медресе, наиболее неохотно идущем на нововведения; вместо парт – татарские полупарты, и на стенах нет никаких карт и картин.

Программа и порядок занятий в приготовительном классе... В первом отделении – чтение и письмо по-татарски (азбука Курбан – Галиева). Во 2-м отделении – татарское чтение (2-я книга для чтения Махм). Марджанова «Турки уку»), знакомство с арабской азбукой (Мугаллим Сани); по вероучению – «Гильми Халь» ч.1 Максудова. По арифметике – задачи в пределах первой сотни (задачник и арифметика Валишева и Хабирова).

В 3-м отделении – чтение Корана, таджвид, история пророков (тарих энбия), Гильми Халь ч.2, татарское чтение («Кираать турки»). По арифметике – задачи до 1000 (по тому же задачнику). В 4-м отделении – те же религиозные предметы и, кроме того «Хадись», татарское чтение (по кн. «Кираать турки» с общим содержанием о земледелии); география (общие сведения о 5 частях света, по учебнику Г. Файзи ч.1). Татарская грамматика. По арифметике – задачи на 4 действия.

Центральные места в учебном курсе I и II классов собственно медресе занимают мусульманские богословские предметы и арабский язык. На эти предметы уделяется в классах: Рушди: I отделение – на богословские предметы (хадис, фикх, тарих ислам, гильми халь, Коран) – 9 час. в неделю; на арабский язык (арабское чтение, этимология) – 6 часов. Во II отд. – на богословские предметы – 7 часов, арабский язык – 6 часов. В III отделении на богословские предметы – 10 часов, арабский язык – 5 часов. Игдадия : I отделение. На богословие – 6 часов, арабский язык (кроме грамматики – диктовка, арабская литература и арабское красноречие – белягать арабия) – 8 часов. II отделение – на богословие (здесь вводится кроме вышеуказанных еще «фараизь», правила деления наследства, и «тафсирь» – толкование Корана) – 10 часов, арабский язык – 6 часов. В III отделении. Обычно распределение занятий совпадает с занятиями во II отд. В IV отделении – на богословие – 14 часов (в том числе толкование Корана – 5 часов, «калямь» (догматическое богословие) – 1 час, законоведение – 1 час, арабский язык (литература) – 2 часа... Арабский язык изучается настолько, что окончившие его медресе могут сознательно читать на арабском языке книги и газеты, только говорить затрудняются за отсутствием практики.

Что касается общеобразовательных предметов, то здесь они поставлены не так основательно, как религиозные. Какой либо строго определенной программы для каждого отделения не имеется. Часто бывает, что шакирд проучившись год-два, не является в медресе, вместо него являются новые

лица, более или менее подготовленные по богословским предметам, но не знающие общеобразовательных. Их принимают в старшие классы, а по общеобразовательным предметам начинают проходить сначала. Все же в общих чертах можно наметить следующие программы.

По арифметике в рушди в I и II отделениях проходятся действия над целыми числами; в III отделении – именованные числа. В игдадия в I и II отделениях – дроби, в III и IV иногда удается закончить курс арифметики, иногда проходят то же дроби. Учебниками являются задачник Валишева и Хабирова, а также задачник Вишневого в переводе на татарский язык Махмудова. На арифметику положено по 3 часа в каждом отделении.

По географии в рушди в I и II отделениях проходят общие сведения о частях света (ч. I Хариса Файзуллина). В игдадия в I отделении – Азия (Х. Файзуллин ч.2); во II отделении – «география имураны» (сравнительная) по учебнику Каримова – Агаева... Содержание её взято из учебника профессора Лесгафта «Отечественноеведение». В IV отделении проходит математическая география с астрономией по учебнику Х. Файзуллина.

История проходит только в игдадия в первых двух отделениях (древняя история). В этом медресе учебником служит книга Хусаина Хевзы, на турецком языке. В других медресе уже в III отделении рушди проходит история России (по учебнику Нургали Надиева); история татар – по учебнику Баттал. Последнюю продолжают по тому же учебнику и в игдадия (в I отделении). Всеобщая история по учебнику Мурат-бея, проходит во II отделении игдадия.

На естествоведение и физику уделяется по 2 часа в неделю в каждом отделении. Учебником служит книга Рамзи-бея.

На изучение татарского языка посвящается в рушди в I отделении – 7 часов (чтение 2 часа; диктовка 2 часа и грамматика 3 часа), во II и III отделениях по 3 часа, а в игдадия татарский язык не изучается.

На русский язык отводится еженедельно по два часа после обеда для всех отделений. Сообразно познаниям, учащиеся делятся на 2–3 группы, и с ними проходит курс, необходимый для сдачи экзамена на муллу. Русский язык изучается не всеми шакирдами, а только старшими. В большинстве других медресе г. Уфы русский язык не преподаётся вовсе.

Учителей в Усмановском медресе, считая и заведующего медресе ахуна, преподающего богословские предметы, 6 человек. Русский язык преподаёт особый учитель из русско-татарского училища.

Новометодное медресе Галия в г.Уфе

Медресе имеет собственное здание, обширное и благоустроенное. При нём имеется общежитие т. к. большинство учащихся – приезжие. Классные комнаты имеют действительно характер «классов», обычного типа парты, для учителя кафедра (хотя и примитивного устройства), классная доска, по стенам – карты, картины. В одном из классов помещается физический кабинет, оборудованный приборами по физике и химии.

Медресе имеет 3 подготовительных класса, с годичным курсом каждый, и 3 основных. Принимаются в подготовительные классы молодые люди, окончившие медресе обычного типа по экзамену. Учащихся около 180. Учительский персонал составляют: заведующий медресе – имам хатып мударис Камалетдинов, учителя – Абдуссатаев, окончивший курсы Казанского учительского института; Багедов, Зайнетдинов, окончившие курсы этого же медресе Галия; Сабиров окончивший Московский университет, и Ибрагимов, получивший образование в Бейруте. Жалование учащие [учителя] получают от 400 до 600 рублей в год, (плата идет только за учебные месяцы).

Давая высшее мусульманское богословское образование, медресе Галия в то же время является общеобразовательным учебным заведением. Общеобразовательные предметы проходят по следующим программам.

Математика. В I подготовительном отделении – 4 действия над целыми числами и дроби; во II подготовительном – отношения, пропорции и далее до конца арифметики. В III подготовительном – повторение пройденного, при чем главное внимание обращается на теорию арифметики. В I основном классе – алгебра до квадратных уравнений; во II – до прогрессии и в III остальной курс.

Геометрия. В I подготовительном классе – краткий курс геометрии Давидова, имеющих в переводе на татарский язык (Салиха Заки); во II классе – планиметрия; в III – стереометрия. В I основном классе – тригонометрия. Учебниками служат по арифметике задачки Валишева и Хабирова в трех частях, по алгебре – учебник Салиха Заки.

Русский язык. Судя по программе, проходится приблизительно в объеме курса начальной школы. Изучению его поставлены практические цели – научить объясняться по-русски. В первых классах читают и объясняют книги для чтения Михеева и проходят по его руководству русскую грамматику. В старших классах на русском языке предполагается проходить русскую историю по учебнику Острогорского и законоведение по учебнику Соловьева.

История. В I подготовительном классе проходят тюркскую историю по учебнику Заки Валидова; во II классе – древние века (учебник Мурат-бея); в III классе – среднюю историю (учебник его же, ч.2); в I основном – новую историю (его же); во II – новейшую; в III классе проходится русская история.

География. В I подготовительном классе география проходится по учебнику Иванова, ч.2 (общие сведения), во II – география России по учебнику Пуциковича в III – Европа (учебник Иванова ч.3) Вышеуказанные учебники служат собственно руководством для учителя, который по ним рассказывает и объясняет, переводя на татарский язык. Для учеников же пособиями служат книги Хариса Файзуллина.

Естествоведение. В I основном классе проходится зоология (учебник Рамзи-бея), в III – ботаника (учебник того же автора).

Гигиена. В III основном классе проходится по учебнику Басим Умара.

Физика. В I основном классе преподается отдел механики, по учебнику Шауки; в III – свет, электричество, по тому же учебнику.

Химия. Проходится в I основном классе по учебнику самого учителя Ибрагимова (подписывается как Шанаси).

Педагогика. В I основном классе проходится общая часть, о воспитании, во II и III – дидактика.

Медресе и мактабы, находящиеся в Уфе, должны быть отнесены к категории новометодных. Организацию их можно считать в достаточной степени определенной... Каждое медресе и мактаб имеет достаточное количество специально приглашенных мугаллимов и более или менее определенные учебники, программы и прочее. Содержатся мактабы и медресе за счет попечительства при мечетях; некоторые получают пособия от мусульманского благотворительного общества и частных лиц, например Хакимова. Плата с шакирдов взимается лишь за содержание в общежитиях, но беднейшие и того не платят. Учительский персонал составляют, обычно окончившие курсы в местных же медресе. Жалованье мугаллимы получают очень маленькое: 15–20 рублей за учебный месяц, каковых в году бывает не более 7–8; лишь учителя старших классов медресе получают рублей по 30–40 в месяц. За каникулярное время жалованье учителям вовсе не положено.

...Большинство школ в уезде следует отнести к типу старометодных.

Женских медресе не зарегистрировано ни одного. Правда, в женских мактабах г. Уфы программа несколько расширена, и в некоторых есть 1–2 отделения, а то и полностью класс рушди, но их никто не считает за медресе. В сущности, они представляют собой нечто среднее между мактабом и медресе. По аналогии с русскими школами их можно считать как бы 2-х классными училищами. Но в них часто проходится несравненно больше, чем во многих, так называемых, медресе в уезде. В уезде учительница (мугаллима), окончившая курс в Уфимском мактабе считается лучшей учительницей. Женские мактабы в Уфе содержатся за счет женского мусульманского общества, которое изыскивает средства и получает пособие от города (в размере 1440 рублей в год на все 9 мактабов).

Что касается женских мактабов в уезде, то таковых... очень мало. Обычно обучение девочек предоставляется местным грамотным женщинам. Жена муллы или мугаллима..., или просто грамотная женщина набирает... желающих учиться девочек за особую плату (от 15 до 40 копеек в месяц)... учат их грамоте нередко самым первобытным способом... В лучшем случае, общество приглашает мугаллиму со стороны чаще всего из уфимских мактабов, отводит ей общественную квартиру... Но вознаграждение и в этом случае учительница получает от учениц.

Существование женских мактабов очень неустойчиво. Это почти общее положение в отношении женских мактабов в значительной степени применимо и в отношении мужских мактабов... Школьное обучение в мактабах очень близко подходит к частному домашнему обучению. Сами

муллы и местные жители за мактабы и медресе считают только такие школы, для которых имеются особые здания. Частное же обучение в квартирах за школы не считают.

Т.М. Мамлеева

Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии (историко-педагогические очерки). Дисс. канд. педагогических наук. Москва, 1952–1953 гг.

...В 1907 г. в Уфе возникает мусульманское благотворительное «дамское общество». Инициатива в организации этого общества принадлежала высшим кругам мусульманского общества.

Членами «дамского общества» являлись исключительно жены национальной буржуазии, купцов, дворян и духовенства. В задачи этого общества входило содействие образованию татаро-башкирских женщин..., проживающих [стр. 200] в Уфимской губернии и организация школ для воспитания и образования дочерей национальной буржуазии, купцов, дворян духовенства.

Общество приступило к организации женских учебных заведений в г. Уфе. Так в 1916 г. в Уфе общество имело 5 женских учебных заведений (мектебе) с 440 ученицами и 14 учительницами. Одна из этих школ имела характер учебного заведения среднего типа, где, наряду с вероучением и общеобразовательными предметами, преподавались педагогика и методика отдельных предметов. Ученицы этой школы проходили педагогическую практику в младших классах той же школы. Курс обучения был 8-летний. Окончившие школу направлялись в уезды в качестве мугаллимы татаро-башкирских школ, и они считались наиболее подготовленными учительницами в уезде [стр. 201].

Исключительно тяжелым было материальное положение учительницы (мугаллимы), которая жила в вечной нужде и нищете. Труд учительницы оплачивался ниже, чем учителя (мугаллим). В лучшем материальном положении находились учительницы, работающие в мектебе, содержавшегося на средства какого-нибудь купца, которые получали определенное, хотя и небольшое, жалование.

...Иногда учительницы получали плату за обучение непосредственно от родителей учениц. В дореволюционных татарских газетах и журналах помещались многочисленные заметки о тяжелом положении учительниц мектебе. Так, например, одна из учительниц пишет, что, приступив к обучению девочек, она условилась с родителями получать с каждой девочки за учение по одному рублю за зиму. Но некоторые родители не внесли этой суммы, и учительница не знает к кому обращаться для разрешения этого вопроса [стр. 204].

Под влиянием растущих прогрессивных требований расширения и углубления образования среди татаро-башкирских женщин на территории

Башкирии открываются «новометодные» женские мектебе. Открытие новых мектебе ставит вопрос о подготовке для этих школ кадров учительниц. Жены мулл и муэдзинов, не имеющие [стр. 211] общеобразовательной и педагогической подготовки, уже не могли удовлетворить требованиям, предъявляемым новым мектебе.

В «новометодных» мектебе наряду с обучением религии, должны были даваться ученицам и знания по общеобразовательным предметам, но удовлетворить потребности реформированных мектебе в учительницах не было возможности, т.к. в Башкирии не существовало ни одной женской учительской школы.

Конфессиональные школы находились во введении мусульманского духовенства и в подготовке учительских кадров для этих школ ни земство, ни правительство не участвовало. Перед татаро-башкирским населением встал вопрос о подготовке необходимого контингента учительниц для женских мектебе. Этот вопрос горячо обсуждался на страницах газет, издаваемых на татарском языке. Уже в 1906 г. раздаются требования об открытии учительской школы для татаро-башкирских девушек. В статье «Дарлмугаллимат», опубликованной в газете «Вақыт» говорится: «Развитие всякой нации, прежде всего, зависит от воспитания женщины. Однако, несмотря на миллионное мусульманское женское население в России до сих пор нет ни одного более или менее правильно организованного женского мектебе. Нет ни одной учительницы, имеющей педагогическое образование, нет ни одной книги или учебника для мусульманских девушек... Когда же будут изучать родной язык, литературу... Кроме уроков религии необходимо изучать историю, географию, математику, гигиену, рукоделие и вопросы домашнего хозяйства [стр. 204]. В настоящее время первая наша задача – подготовить учительниц, а для этого открыть «Дарлмугаллимат» (женскую учительскую школу).

...В 1911 г. вопрос об открытии такой школы был поднят на съезде представителей мусульманских обществ, созванном в г. Уфе, по случаю празднования 50-летнего юбилея Оренбургского муфтия Султанова. Делегаты съезда в мае 1911 г. единогласно приняли предложение об учреждении в г. Уфе, с разрешения правительства, двух учительских институтов – мужского и женского. Предполагалось, что успешно окончившие курс этих институтов будут допускаться к преподаванию в мектебе и медресе.

Решение съезда представителей мусульманских обществ было поддержано уфимской губернской земской управой, которая возбудила ходатайство об открытии в Уфе мужской и женской учительских семинарий для татар. Но МНП отклонило это ходатайство. Несмотря на повторные ходатайства земского собрания, вопрос об открытии учительских семинарий так и не был решен, а потребность в учителях и учительницах с каждым годом все возрастала [стр. 213].

Для подготовки учительниц в эти школы в городах были созданы частные краткосрочные женские педагогические курсы. Такие курсы были позднее учреждены и в некоторых уездах Уфимской губернии, например, в Белебее и Бирске.

В программу курсов кроме религиозных предметов входили педагогические и общеобразовательные предметы: родной язык, литература, математика, история, география, естествознание и методика этих предметов, а также рукоделие.

Необходимо отметить заботу, проявленную Уфимским губернским земством о подготовке педагогических кадров из женщин татарок и башкирок для женских мектебе и медресе. Так, в 1915 г. в Уфе при содействии губернского земства были открыты 2-хмесячные женские педагогические курсы для учительниц мектебе. По окончании этих курсов и сдачи экзаменов из 84 слушательниц курсов 55 получали свидетельства об окончании.

В 1916 г. летом снова были организованы курсы на 137 человек. По уровню своей подготовки слушательницы курсов были распределены на 3 группы. Большое место в программе курсов было отведено общеобразовательным предметам и особенно изучению родного языка, литературы и методикам. Часы, отведенные на изучение русского языка [стр. 204] занимали очень незначительное место.

Помимо этих курсов в Уфе по инициативе учительниц женского медресе были открыты еще курсы. Такие курсы существовали и в других городах, например, в Оренбурге. Но эти краткосрочные педагогические курсы не давали желательных результатов. Большой популярностью в деле подготовки татаро-башкирских учительниц пользовалась женская учительская семинария, открытая в 1915 г. в г. Троицке.

В 1916 г. была организована женская учительская семинария¹¹ в г. Уфе [стр. 215]. Перед этой школой (семинарией) была поставлена задача – воспитывать и дать образование девушкам ... подготовить из них учительниц для начальных женских мектебе... Срок обучения в этой школе (медресе) был определен в 5 лет. Первый класс – приготовительный, второй, третий, четвертый считались основными. Пятый класс педагогический (для подготовки учительниц женских мектебе).

В приготовительный и в первый класс принимались девочки не моложе 13 лет. Поступающие в приготовительный класс должны были иметь знания в объеме программы начального мектебе и подвергались экзаменам. Помимо вероучения, родного языка, арабского языка и арифметики необходимо было сдать экзамен и по русскому языку (уметь читать, писать и рассказывать).

В приготовительном классе изучалось вероучение, родной язык, арифметика, география, естествознание, русский язык. В основных классах преподавались религия, арабский язык, татарский язык и литература, русский

¹¹ Речь идет о «Дарлмугаллимат».

язык и литература, математика, физика, химия, естествознание, история, черчения, рисование, пение, музыка и рукоделие [стр. 216].

В педагогическом классе изучались педагогика, психология, гигиена и методика всех предметов параллельно с прохождением годичной практики в начальных мектебе.

В пригготовительный класс было принято 20 девочек, в основной – 42. При школе был организован пансион на 20 девочек.

...После утверждения устава этой школы, она будет называться женской «учительской школой «Дарлмугаллимат» [стр. 217].

...Из-за отсутствия подготовленных учительниц, преподавателями этой учительской школы были назначены мужчины, за исключением учительницы русского языка и литературы.

Татарская женская учительская школа содержалась на пожертвования мусульманских обществ, оренбургского муфтиата и крупных уфимских купцов.

По сообщению газеты «Уфимская жизнь» от 28 ноября 1917 г. в начале 1917–1918 учебного года в Уфимской женской учительской семинарии обучались 179 девочек, из них 72 из городских, 84 из сельских местностей Уфимской губернии. Школа имела 9 учителей и директора.

Из 179 учениц 100 учениц обучались за свой счет, платили за обучение по 35 рублей в год, остальные 79 девочек обучались на счет общественных средств (за счет дамского общества, отдельных купцов и т.д.).

...Газета «Уфимская жизнь» отмечает интересный факт: в 1916–1917 учебном году все расходы по содержанию женской семинарии принял на себя торговый дом Усмановых и К... Но вскоре Усмановы отказались содержать полностью семинарию, мотивируя это [стр. 218] сильным увеличением расходов по семинарии и обещались жертвовать определенную сумму на её содержание и предоставить ей бесплатную квартиру...

Уфимская женская учительская семинария, открытая только в 1916 г., до Октябрьской революции не могла иметь большого значения в деле подготовки учительниц для мусульманских женских школ, так как первый выпуск состоялся лишь в 1921 году [стр. 215].

Женская учительская семинария была реорганизована и переименована в Уфимские женские педагогические курсы.

М.Н. Фархшатов

Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 144 с.

Глава I. Школьное образование в Башкирии в период феодализма.

Возникновение и развитие книжного обучения в крае тесно связано с мусульманской религией. В Башкирию ислам начал проникать усилиями болгарских и среднеазиатских миссионеров и купцов на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры и к середине XIV в. утвердился среди

феодализирующей местной знати¹². К середине XVI в. исповедовала ислам основная масса башкир-общинников, хотя среди них продолжали устойчиво бытовать значительные пережитки древних родо-племенных языческих верований¹³.

Позиции ислама окончательно упрочились в сознании местного населения лишь в XVIII в., в период активных миссионерских действий православной церкви в Урало-Поволжском регионе, сменившегося затем союзом правительства с мусульманским духовенством¹⁴. В XIX в. примерно 99% башкир исповедовали исламскую религию¹⁵. Посетив в конце прошлого столетия Башкирию, этнограф С.Г. Рыбыков писал: «Мусульманская Азия смотрела на нас лицом к лицу; чувствовалось, что это самостоятельный и сильный мир... нам не встречалось ни одной деревни башкирской, в которой не было бы мечети...»¹⁶ В 1800 г. в крае насчитывалось 1141 мечеть и 1921 духовное лицо при них, в 1860 г. – соответственно 1850 и 34881¹⁷.

Проникновение ислама сопровождалось распространением в крае, как и везде, религиозной школы и ее атрибутов – письменности на основе арабской графики, книжной образованности. Без них религиозное учение не могло пробивать себе дорогу в массы. Организации учебных заведений содействовала башкирская знать, заинтересованная в подготовке грамотных людей, готовых к внушению трудящимся представлений о божественном происхождении социального и имущественного неравенства между людьми. Школы, учреждаемые при мечетях, получали всеобщую поддержку населения. В них башкиры видели источник знаний, просвещения.

Определить документально точное время возникновения мусульманских школ в Башкирии трудно. Сохранившиеся письменные источники указывают на вторую половину XVII в. Но, видимо, более правильным будет вести историю учебных заведений ислама на Южном Урале с XVI в., на что указывал еще Р. Фахретдинов – крупнейший исследователь культуры Востока¹⁸. Ведь уже к этому времени сложились необходимые условия для зарождения среди местного населения такого сложного социального института как школа. В башкирском обществе утвердились феодальные отношения, в основном завершилось образование башкирской народности, начался переход башкир к оседлому образу жизни¹⁹.

¹² Руденко С.И. Башкиры. М.; Л., 1955. С. 314; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1, ч. 1. С. 69; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 8.

¹³ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 1982. С. 185; Ищериков П.Ф. Религиозные верования и их пережитки в Башкирии // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 51. д. 15. Л. 28.

¹⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. С. 270; Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. Казань, 1979. С. 32-33.

¹⁵ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С. 199; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. 28. С. 61; Т. 45, тетрадь 2. С. 45.

¹⁶ Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. С. 29.

¹⁷ Кульшарипов М.М. Политика царизма в Башкирии (1775-1800 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 121; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. д. 1106. Л. 200.

¹⁸ Фахретдинов Р. Асар. Оренбург. Ж. 2. Б. 54-55.

¹⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, ч. 1. С. 86-96; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Гл. 10. С. 463-506; Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. С. 24-39.

Нет причин думать, что потребность в школе при имеющихся в местном обществе возможностях в XVI в. не была удовлетворена. Особенно если учесть, что систематическое обучение грамоте и получение книжных знаний возникло среди башкир еще в период зарождения феодальных отношений и начала проникновения ислама. С вхождением в орбиту общей для многих народов мусульманской культуры у них установилась практика посылки способной молодежи в центры исламского образования и учености. Шежере (летописи, генеалогические записи) упоминают о башкирах, обучавшихся в г. Булгаре и других населенных пунктах Булгарского ханства (IX в. - середина 30-х годов XIII в.)²⁰.

Позднее, особенно в период господства татаро-монгольских завоевателей, башкиры для усовершенствования религиозных познаний стали посещать страны Востока. Арабский географ Якут аль-Хамави (1179 - 1229) описывал встречу в начале XIII в. с «большим числом» учащихся башкир в г. Алеппо (современная Сирия)²¹. Известно также пребывание башкир в этот период и в последующем в учебных заведениях Египта, Ирана, Бухары, Дагестана, Турции²². С экономическим и культурным возвышением Казанского ханства (XV – первая половина XVI в.) одним из центров мусульманского образования для башкир стала Казань²³.

После разгрома войсками Ивана Грозного Казанского ханства и принятия башкирскими племенами русского подданства в крае начала складываться местная система мусульманского образования, тесно связанная с арабо-мусульманской культурой Востока. Возникающие здесь со второй половины XVI в. школы, в общем копировали традиционную религиозную школу ислама – медресе (от арабского мадраса от корня дараса: учить – место, где учат).

Основной целью медресе было религиозно-нравственное воспитание детей и подготовка духовных наставников. В учебном курсе преобладали богословские дисциплины. В зависимости от подготовленности учителей шакирды – учащиеся – получали также некоторые сведения по математике, астрономии, классической арабской литературе, истории. Языком обучения в младших группах был тюрки – региональный литературно-письменный язык. В средних и старших отделениях преподавание велось на арабском и частично персидском языках. Медресе открывались при мечетях и находились в ведении мусульманского духовенства. Муллы составляли и костяк учительского персонала. Кроме местных кадров к преподаванию привлекались научно-педагогические силы из Поволжья, Дагестана, Крыма, Хорезма, Бухары, Самарканда, Турции.

Видимо, до начала XVIII в. постоянно действующих мусульманских школ в крае было немного, так как была ограниченной, прежде всего потребность в книжном обучении в местном обществе. Не хватало также

²⁰ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 156.

²¹ История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 25.

²² Фахретдинов Р. Асар. Казан, 1900. 1. Б. 13-23; Ж, 2. Б. 37.

²³ Усманов А.Н. Указ. соч. С. 57; История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 95.

учителей и материальных средств. К тому же основная часть башкир вела еще полукочевой образ жизни, а существующие деревни были небольшими²⁴. Хотя необходимо сказать, что медресе организовывались и на некоторых башкирских кочевьях. В ограниченном масштабе передвижная форма книжного обучения среди местного населения бытовала вплоть до конца XVIII в. – начала XIX в. «Раньше, когда башкиры кочевали, – писал башкирский поэт-просветитель рубежа XIX–XX вв. М. Уметбаев, – мударрисы со своими шакирдами тоже выезжали на кочевья. Один из них – учитель моего отца Хаммат хазрет из соседней деревни Бишул Мансазы кочевал в долине реки Карламан с около сотней своих учеников»²⁵.

Часть медресе была открыта в татарских деревнях, возникших на Южном Урале после падения Казани. Вместе с татарами в них обучались и башкиры. Религиозная школа не знала национальных ограничений, имела для единоверцев интернациональный характер. Этническое и языковое родство, общность исторических и культурных традиций башкир и татар также благоприятствовали этому.

В XVIII в. в связи с прогрессом в социально-экономическом и культурном развитии местного общества число коранических школ в Башкирии увеличилось. Открылись крупные медресе: в 1709 г. в д. Суюндук, в 1720 г. в д. Стерлибаш, в 1745 г. в Сеитовом посаде близ г. Оренбурга и т.д. Возникло значительное число элементарных школ грамоты, известных впоследствии под названием мектебов (от арабского мактаб – от корня катаба: писать – место, где пишут).

Мектебы и медресе приобрели значительное влияние в крае. Заметна была их роль и в политической жизни. Большие медресе часто становились местом распространения антиколониальных идей, а их руководители нередко превращались в духовных вождей башкирских восстаний XVIII в.²⁶ Поэтому царское правительство приняло ряд мер, направленных против расширения сети и усиления влияния мектебов и медресе. В ходе подавления восстаний школы разрушались, а мусульманские духовные лица (ахуны, муллы), заведующие медресе (мударрисы), учителя (мугаллимы), влиятельные образованные лица (абызы), т.е. вся интеллектуальная часть башкирского и татарского народа подвергалась жестким преследованиям²⁷.

Однако политика открытого силового давления на мусульманские школы и духовенство не дала желаемых результатов. И с середины XVIII в. правительство встало на путь официального признания исламской религии и ее институтов с целью использования их для укрепления своих позиций в крае и дальнейшего продвижения русской государственности на Восток.

²⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. С. 87; Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. С. 286–295; Шитова С.Н. Указ. соч. С. 24–39.

²⁵ Уметбаев М. Ядкяр. Казань, 1897. Б. 108.

²⁶ Очерки истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. С. 172–173, 193–195, 270; Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940; Амиров Р. Летопись современности. Уфа, 1985. С. 23, 28, 30, 33, 38–43, 59–61, 79–80; Акманов И.Г. Башкирские восстания. Уфа, 1993.

²⁷ Очерки истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. С. 147; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 376; Амиров Р. Указ. соч. С. 28, 56.

Прекратились гонения на ахунов, мулл и других служителей культа. Их стали шире привлекать на государственную службу в качестве дипломатов, переводчиков, писарей, поощрять за услуги богатыми подарками²⁸. Были устранены препятствия при строительстве мечетей и школ, объявлена веротерпимость²⁹.

Этими и другими мерами власти довольно крепко привязали мусульманское духовенство к своим интересам. Превращение ислама и его институтов в часть государственной системы официально было закреплено актом учреждения в 1789 г. в г. Уфе Духовного собрания по управлению делами мусульман Европейской части Российской империи и Сибири³⁰. Во главе его, а значит и всего мусульманского духовенства, был поставлен муфтий, назначаемый правительством. Он и его помощники – члены Собрания или кадии находились на положении государственных служащих, им назначалось казенное жалование.

Одна из целей организации Духовного собрания состояла в установлении политического контроля со стороны государства над мусульманскими школами. Собрание должно было следить за тем, чтобы мектебы и медресе существовали «только при мечетях», а руководителями их были «в верности надежные и доброго поведения» муллы, утверждаемые в этом звании местной администрацией³¹. Предписывалось не допускать обучения башкир «в домах или других местах»³². Но юридически коранические школы не были подчинены Духовному собранию, хотя такие проекты были³³.

Государственные органы, таким образом, официально передали дело школьного образования башкир и татар в руки подчиненных им мулл и получили тем самым определенную возможность направлять деятельность мектебов и медресе в желаемое русло. Усилению влияния правительства на идеологическое направление работы мусульманских школ должна была также способствовать организация ими в конце XVIII – начале XIX в. в Петербурге и Казани книгопечатания на восточных языках арабским шрифтом³⁴.

С конца XVIII в. сеть мектебов и медресе в Башкирии стала быстро расширяться. Этому способствовало умиротворение края после передачи башкир в военное управление, постепенный переход местного населения к оседлому земледелию, усиление притока в регион казанских татар, стоящих на более высокой ступени развития книжной культуры, общий рост

²⁸ Архив графа Игельстрома // Русский архив. 1886. № 11. С. 346, 349; Бартольд Б. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 182.

²⁹ ПСЗ I. Т. 19. № 13996; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч.1. С. 269-270; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 376-377.

³⁰ ПСЗ I. Т. 22. № 16710, 16711; [Уметбаев М.И.]. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в г. Уфе. Уфа, 1891. С. 12-13.

³¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5. С. 563, 566; ПСЗ I. Т. 22. № 16710.

³² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 566; Усманов А.Н. Культура Башкирии XIX в. // НА УНЦ РАН. ф. 3. Оп. 7. д. 35. Л. 19.

³³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 566.

³⁴ ПСЗ I. Т. 24. № 18287; Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань, 1971.

мусульманского населения. Увеличению численности школ благоприятствовала также организация Духовного собрания. Государственное признание ислама, широкое строительство мечетей, рост спроса на кадры культовых служителей, подъем религиозного самосознания мусульман вели к открытию все новых учебных заведений, упорядочению всего учебного дела. Укреплению местной системы образования послужило и начало книгопечатания на восточных языках. Львиную долю книжной продукции казанских типографий составляли учебные книги для традиционного образования башкир и татар³⁵. Это создавало основу для более широкого, чем раньше распространения книжных знаний в массах.

К началу XIX в. в Оренбургской губернии насчитывалось около 100 башкирских и татарских школ³⁶. К середине столетия их число утроилось. В 1865 г., когда была ликвидирована кантонная система управления, в башкирских и татарских деревнях Южного Урала было свыше 600 мектебов и медресе с более чем 20 тыс. учащихся³⁷. Кроме того, действовало немало домашних пунктов обучения, как для мальчиков, так и для девочек. Стремление властей пресечь обучение детей вне приметной школы не увенчалось успехом.

Мусульманская школа была сельской. В большинстве городов Башкирии, возникших как административные центры Русского государства, не было ни мектебов, ни медресе. К отмене крепостного права только в Стерлитамаке, Оренбурге и Троицке имелись более или менее влиятельные коранические школы. Мектебы и медресе материально содержались исключительно за счет местного населения и в этом смысле являлись подлинно народными учебными заведениями башкир и татар.

В первой половине XIX в. Башкирия превратилась в один из центров мусульманского образования на российском Востоке. Здесь работали крупные медресе – подлинные очаги книжности и религиозной учености. Слава некоторых из них вышла за пределы страны. Особенно знаменитыми были медресе в д. Стерлибаш (Стерлитамакский уезд) и в Сеитовом посаде (Оренбургский уезд).

Расцвет Стерлибашевского медресе произошел при мударрисе Нигматулле Тукаеве (1772–1844) и его сыновьях Харисе (1810–1870) и Харрасе (1814–1871). Все они имели основательное богословское образование, владели восточными языками, интересовались поэзией и литературой. Их стараниями местное медресе превратилось в благоустроенное учебное заведение. Были выстроены новые здания – к середине 60-х годов их число достигло 25³⁸. Был разбит сад, проведен

³⁵ Например, только в 1802–1806 гг. в Казани было отпечатано 30 тыс. экземпляров татарской азбуки. – Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941. С. 155.

³⁶ Рассчитано по: Усманов А.Н. Культура Башкирии XIX в. Л. 19; Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 11.

³⁷ РГИА. ф. 821. Оп. 8. Д. 1122. Л. 2об. - 3; ЦГИА РБ. Ф.2. Оп. 1. Д. 8275. Л. 20; Ф. 295. Оп. 8. Д. 206. Л. 45 об. - 46.

³⁸ ЦГИА РБ. ф. 1. Оп. 1. Д. 2859. Л. 68.

водопровод. При медресе укомплектовалась богатая библиотека. К преподаванию привлекались способные учителя. Здесь, например, плодотворно работал талантливый поэт Ш. Заки (1825–1865). При Н. Тукаеве, писал Р. Фахретдинов, Стерлибашевское медресе превратилось «в высшее учебное заведение»³⁹. Демократический дух школы привлекал молодежь со всей округи. В начале XIX в. число обучающихся в ней достигало 200 и выше⁴⁰.

В Сеитовом посаде (известном также как село Каргалы) в первой половине XIX в. в восьми приходах функционировало восемь медресе⁴¹. Получая солидную материальную поддержку со стороны местных купцов-мусульман, они имели широкие возможности для образцовой организации учебного дела. Преподавание в них считалось за честь, и многие талантливые учителя стремились туда попасть. Из многочисленных мударрисов Сеитовского посада всеобщим уважением пользовались Габделрахман Шарипов (1743–1826), названный знаменитым татарским историком Ш. Марджани «самым известным ученым своего времени» в крае, Валиэтдин бин Хасан (1747–1831), уроженец Багдада, Абульманих Каргалы (1784–1824) и Гибатулла Салихов (1794–1867), известные поэты суфийского (мистического) толка и др. В середине 60-х годов в Каргалинских медресе обучались до 500 человек⁴². Это были дети башкир, татар и казахов.

По составу и уровню образования школы Сеитовского посада стояли довольно высоко. «Во время преподавательской деятельности мударриса Габделрахмана, – писал М. Уметбаев, – оренбургское село Каргалы как центр религиозных и светских наук никак не отставало от самой Бухары»⁴³.

Широкую известность приобрели и некоторые другие медресе Башкирии, отличавшиеся хорошей постановкой учебно-воспитательного процесса. В Стерлитамакском уезде это были медресе в д. Куганакбаш и д. Балыклыкуль. В первом из них мударрис Тимурбек Вильданов (1787–1877) в 40-е годы XIX в. впервые в истории местных школ составил расписание занятий, ввел классно-урочную систему преподавания, стал устраивать экзамены после прохождения каждого курса, что позволило ему значительно повысить эффективность обучения⁴⁴. Мударрис Хуснутдин Жданов (1767–1869) из д. Балыклыкуль был резким противником схоластического обучения, выступал за широкое преподавание светских дисциплин⁴⁵.

В Бирском уезде выделялись медресе в д. Иркеево мударриса Хасана Мажитова (1779–1844), в д. Москово, возглавляемое даuletшахом Латыповым (1783–1868), в д. Старый Чокыр во главе с мударрисом Галием Сокороем (1826–1889). В Уфимском уезде пользовались авторитетом

³⁹ Фахретдинов Р. Асар. 9. Б. 78.

⁴⁰ Усманов А.Н. Культура Башкирии XIX в. Л. 19.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2632. Л. 96 об; Ф, 295. Оп. 3. Д. 97. Бп.

⁴² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8. Л. 54 об.

⁴³ Уметбаев М. Ядкяр. Уфа, 1984. С. 205.

⁴⁴ Фахретдинов Р. Асар. Ж. 3.// НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 12. (с.а.). Л. 62.

⁴⁵ Уметбаев М. Ядкяр. Б. 108; Фахретдинов Р. Асар. Оренбург, 1908. Ж. 14. Б. 479-480.

медресе в д. Шарипово, Калтаево, Сафарово, в Орском уезде – медресе в д. Юлуке, в Белебеевском уезде – медресе в д. Чекмагуш⁴⁶. В Верхнеуральском уезде одним из лучших было медресе мударриса Зайнуллы Улмаскулова (1776–1844) в д. Калкан. Эти и другие передовые медресе возглавляли учебное дело в своих округах.

Однако, в целом, процветающих учебных заведений было немного. Большинство коранических школ не отличалось рациональной постановкой учебно-воспитательного процесса. Более того, наблюдалась тенденция к снижению общего уровня мусульманского образования. В период разложения и кризиса феодального общества местные медресе и мектебы все более замыкались в догматах и традициях. Общий их отрыв от жизни все более увеличивался. Консервации мусульманской системы образования в регионе способствовали замедленные темпы социально-экономического развития башкирского и татарского обществ, усиление на окраинах колониального гнета царизма, все более тесная связь мечети с государственной властью.

Прогрессирующее отставание традиционных школ от народных запросов вызывало тревогу и протест передовых мыслителей Урало-Поволжья. Еще на рубеже XVIII–XIX вв. за оптимизацию системы просвещения, всей мусульманской культуры выступил татарский философ Габденнасыр Курсави (1771–1812). В это же время критике средневековых медресе посвятил одну из своих поэм известный поэт края Габдрахим Усман (Утыз-Имани) (1754–1834). В ней он отрицал схоластику, господствовавшую в сфере обучения. В 50–60-е годы XIX в. татарские ученые Шигабутдин Марджани (1818–1889) и Хусаин Фаизханов (1828–1866) предприняли первые практические шаги по осуществлению реформы медресе. Идеи возрождения религиозных школ ислама из Казани распространялись и в Башкирию.

Таким образом, в период феодализма в Башкирии существовала относительно независимая от государства школа восточно-мусульманского типа. Организационно она принадлежала мечети, являлась ее составной частью и осуществляла религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Несмотря на известные недостатки во внутренней организации, в мектебах и медресе длительное время обучались грамоте тысячи детей и являлись основным средством подготовки национальной интеллигенции. В целом они удовлетворяли минимальные культурные потребности башкир и татар и прочно вошли в их быт, приобрели значение этнических ценностей.

За столетия существования мектебов и медресе местному населению была привита любовь к грамоте, книге. Уже к концу XVIII в., как отмечали современники, школьное обучение детей у приуральских мусульман считалось нравственной обязанностью родителей⁴⁷. В рассматриваемый

⁴⁶ Фехретдинов Р. Асар. Ж. 9. Б. 93; Ж. 14. Б. 471-473; Ж. 3. Л. 153.

⁴⁷ Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 5; Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1769 году. СПб., 1786. Ч. 2. С. 9.

период религиозные школы ислама превратились в значительные культурно-образовательные центры. В них сосредоточивались крупные интеллектуально-творческие силы, создавались библиотеки, переписывались книги. Результатом деятельности мектебов и медресе было прочное утверждение ислама среди местного населения, достаточно полное интегрирование башкир и татар в арабо-мусульманскую культуру. Собственно просветительские функции выполнялись этими учебными заведениями недостаточно эффективно. Грамотных среди мусульман было немного. Так, в 1855 г. в первом юрос пятого башкирского кантона (Верхнеуральский уезд), по подсчетам А.З. Асфандиярова, из 1004 мужчин умели читать и писать только 38 (3,8%)...

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.

Народное образование. Система народного воспитания и обучения у башкир складывалась веками и отразилась в устном народном творчестве, традициях и обычаях. Возникновение школьного образования в Башкортостане связано с началом проникновения в страну башкир ислама в 10 в. н.э., что сопровождалось распространением религиозных школ при мечетях. Р.Фахретдинов считал, что история исламских школ на Южном Урале начинается с 16 в. Развивались образовательно-воспитательные учреждения восточно-мусульманского типа. Обучением арабской письменности и воспитанием на основе Корана и шариата занимались приезжие миссионеры из Бухары, Багдада и др. исламских центров. Постепенно среди образованных башкир выдвинулись абызы и продолжили воспитательные традиции мусульман. Усилиями духовенства мусульманского при местных мечетях были открыты первые мектебе и медресе (к концу 18 в. в Оренбургской губернии их насчитывалось более 100). Наиболее крупные и передовые медресе в д. Стерлибаш и медресе в с. Каргалы и др. возглавили учебно-воспитательное дело башкир и др. тюркских народов края (татар, мишарей, казахов). В 1865 г. в башкирских и татарских деревнях Южного Урала было свыше 600 мектебов и медресе, в них обучались более 20 тыс. учащихся, действовало и домашнее обучение детей. Мусульманские школы превратились в культурно-образовательные центры, и них создавались библиотеки, переписывались книги, готовилась национальная интеллигенция.

[...] Серьезные сдвиги произошли и в мусульманском секторе образования, заметно возросло количество мектебов и медресе. В конце 19 в. в них стали вводить звуковой способ обучения грамоте, классно-урочную систему преподавания, новые светские дисциплины. Обучалось 53% башкирских и татарских детей начального школьного возраста. В конце 19 в. в Уфимской губернии 18,5% башкир и 19,1% татар умели читать и писать на родном языке, в Оренбургской губернии – соответственно 18,0% и 27,7%.

В домусульманский период своей истории башкиры, вероятно, исповедовали зороастризм (древнеиранская религия по имени пророка Заратустры, идея, которой заключается в представлении зависимости от борьбы добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти) и тенгрианство (от Тенгри – небо, бог). Иранское этнокультурное воздействие на духовную жизнь башкир хорошо прослеживается в эпическом сказании «Урал-батыр». В нем говорится о непрекращающейся борьбе добра и зла во всем мироздании. Если в зороастризме добро и зло господствуют в мире, как бы уравновешивая друг друга, то в «Урал-батыре» добро побеждает зло. В нем также содержатся сведения о поклонении башкир небу. По сведениям Ахмеда ибн-Фадлана, среди башкир в нач. 10 в. можно было встретить и мусульман, и язычников, поклоняющихся множеству богов во главе с их главным богом на небе. Несмотря на официальное принятие ислама в Золотой Орде в 1325 и укрепление его позиций в Башкортостане в 17–19 вв., реликтовые элементы древних верований башкир продолжали сохраняться, образуя синкретическое религиозное сознание. Многие тюркоязычные мусульмане и ныне продолжают употреблять как идентичные понятия Аллах (араб. Бог) и Тенгри (древнетюрк. Бог).

Государственно-конфессиональные отношения в Башкортостане в разные периоды истории носили адекватный социально-политической ситуации характер. В эпоху господства языческих представлений у башкир взаимоотношения между вождями племен и языческими жрецами были очень тесными; светскую и духовную власть объединяло мировоззрение, основанное на обожествлении окружающей среды. В период формирования союза башкирских племен верховный бог Тенгри выступает как объединяющая духовная сила, громом и молнией подавляющая злых духов (внутренних и внешних врагов союза племен). Дальнейшая социально-политическая ситуация в связи с расслоением башкирских скотоводов на богатых и бедных обуславливала проникновение и распространение в 10–16 вв. среди башкир новой религии -ислама. В утверждении шариатских законов особо были заинтересованы ханы, ибо ислам, как ни одна другая монотеистическая религия, с помощью Корана и Сунны жестко и однозначно утверждает отношения властвования и подчинения. Мусульманство ставило свободолобивого башкирского кочевника в довольно жесткие религиозно-правовые рамки, поэтому он довольно долго сопротивлялся нововведению. Тем не менее, к началу проникновения православного христианства в Башкортостан ислам становится образом жизни башкирского народа.

Р.З. Шакуров

Акмулла [(псевдоним, настоящие ф.и.о. Камалетдинов Мифтахетдин Камалетдинович), 14.12.1831, д. Туксанбаево Кульиль-Минской волости 12-го Башкирского кантона Белебеевского уезда Оренбургской губернии, ныне Миякинского района Республики Башкортостан – 8.10.1895, вблизи железнодорожной станции Сыростан под Златоустом, похоронен на мусульманском кладбище г. Миасса], классик башкирской поэзии, поэт-

просветитель. Оказал значительное влияние на развитие казахской и татарской литератур. Имя и творчество А. были широко известны среди туркмен, каракалпаков и др. тюркоязычных народов. Родился в семье муллы. По архивным данным установлено, что родной отец А. Камалетдин Искужа улы, мать – Бибиуммугульсум Салимьян кызы, оба башкиры-вотчинники. Легенда о том, что настоящим отцом А. является казах по имени Мухамедьяр, не находит документального подтверждения. Начальное образование будущий поэт получил в родной деревне, учился в медресе соседних деревень Менеузтамак и Анясово, был шакирдом медресе в д. Стерлибашево, где получал уроки у знаменитого поэта-суфия Шамсетдина Заки. Скитаясь среди башкир и казахов, учил детей, занимался различными ремеслами, принимал участие в айтышах сэсэнов и акынов. Прославился как талантливый поэт-импровизатор. Проповедовал просветительские идеи: утверждал извечное стремление человека к знаниям, прогрессу, прославлял разум, справедливость, гуманизм. Будучи мастером поэтической сатиры, остро высмеивал невежество, разоблачал произвол и беззаконие властей. В 1867–71 сидел в тюрьме г. Троицка по доносу казахского бая Исянгильде, его обвиняли в уклонении от службы в царской армии. Находясь в заточении, создал одно из наиболее глубоких в социальном плане стихотворений «Место мое – в зиндане» («Маканем минен – зиндан»). В конце 80-х гг. завершил известную «Элегию в память о Шигабутдине Марджани», в которой выразил идеи в области реформы воспитания и образования. А., впервые после Салавата Юлаева, обратился к своему народу со словами «Мои башкиры!», призывая его овладевать знаниями и ремеслами. Значительным достижением национальной поэзии и в целом башкирской общественно-философской мысли 2-й половины 19 в. стало его программное стихотворение «Назидания» («Нэсихэттэр»).

А. создал самобытную по форме и содержанию поэтическую школу, воздействие которой испытали М.Гафури, Ш.Бабич, С.Кудаш, Д.Юлтый, Ш.Аминев-Тамьяни и др. Важную роль сыграл А. в развитии и обогащении языка башкирской литературы. При жизни А. было напечатано лишь одно его стихотворение. Все др. произведения, сохранившиеся в устной и рукописной форме, были собраны и опубликованы после его смерти. Именем поэта был назван сатирический журнал «Акмулла». В 60-90 гг. 20 в. в башкирском литературоведении получило развитие самостоятельное научное направление – акмулловедение. На родине А. – в деревне Туксанбаево Миякинского района в 1981 создан Музей М. Акмуллы. Решением Миякинского районного Совета народных депутатов в 1980 учреждена премия им. Акмуллы за произведения литературы и искусства. Ее лауреаты: Р. Шакур (1989), А. Вильданов (1990), Р. Султангареева (1993), Р. Сахаутдинова (1994), Г. Шафиков (1995) и др.

А.Х. Вильданов, М.Н. Фархшатов

Джадидизм, реформаторское движение в области школьного образования, возникшее во 2-й пол. 19 в. среди тюркских народов России.

Начало движения связано с введением в мектебах и медресе звукового метода обучения грамоте взамен буквослагательного, так называемый «усули и джадид», т.е. новый метод. Движение стали называть Д. в противовес кадимизму («кадим» – «старый»). К 80-м гг. 19 в. Д. оформился в мощное общественно-политическое движение. Джадидисты критиковали религиозный фанатизм, требовали замены устаревших религиозных школ национальными светскими, ратовали за развитие науки и культуры, выступали за издание газет на родном языке, за открытие культурно-просветительских учреждений, что способствовало сплочению демократических сил общества. В Уфимской губернии новый метод обучения впервые был введен в медресе «Гусмания» (начало 90-х гг.), в Оренбургской губернии – в медресе «Хусаиния». К началу 20 в. звуковой метод обучения прочно утвердился в ведущих мектебах и медресе Башкирии. В старометодных школах ученики обучались грамоте за 3–5 лет, в джадидистских – за год. Преподавание перешло с арабского языка и тюрки на татарский язык, который обрел также статус учебного предмета; существенно расширилось изучение и других светских дисциплин. Был установлен твердый учебный год и осуществлен переход к классно-урочной системе преподавания. В 1897 в Оренбурге открылась первая в крае новометодная женская школа. Первые башкирские и татарские преподаватели, последователи Д., были выпускниками реформированных медресе Каира и Стамбула, педагогических курсов в гг. Бахчисарай и Касимов. Со 2-й пол. 90-х гг. профессиональных учителей стали готовить медресе «Расулия», «Гусмания», «Хусаиния» и др. Идеологами Д. были просветители (М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов, З. Расулев, крымско-татарский общественный деятель И. Гаспринский), прогрессивные представители национальной буржуазии (братья Хусаиновы и Рамеевы из Оренбурга, Яушевы из Троицка, С. Назиров и Г. Хакимов из Уфы) и духовенства мусульманского (З. Камалетдинов, К. Закир).

Лит.: Нафигов Р. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли // Очерк истории 1855–1917 гг. Казань, 1964; Вильданов А., Кунафин Г. Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981; Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. М., 1994.

Р.А. Утябай-Карими

Камалетдинов Зыяитдин (22.12.1873, д. Кляшево Уфимского уезда Уфимской губернии, ныне Чишминского района Республики Башкортостан, – 1942, г. Куйбышев), исламовед, педагог-реформатор, просветитель. Окончил медресе «Гусмания», Каирский университет «аль-Азхар» (1904). Владел несколькими языками (арабский, турецкий, английский и др.). Преподавал в медресе «Гусмания», сотрудничал в национальной и религиозной периодической печати, издавал в Уфе газету «В мире Ислама». В 1906 основал медресе «Галия», был его бессменным ректором, профессор, читал курсы «Основы ислама», «История ислама» и психологии. В 1914

открыл в Уфе женскую учительскую семинарию, где преподавал мусульманскую этику. Изучал историю мектебе и медресе, состояние преподавания в школах Уфы. Известны труды, написанные К. в 1920–30-е гг.: «Философия Ислама» в 4-х тт., «Религиозные средства», «Справедливость Аллаха», «Наши религиозные мектебе и медресе». В 30-е гг. член Президиума ЦДУМ Внутренней России и Сибири. 22 апреля 1938 арестован и приговорен к лишению свободы на 7 лет. Умер в тюрьме. Реабилитирован посмертно в 1956.

М.Н. Фархшатов

Медресе в г. Стерлитамаке Уфимской губернии основано до 60-х гг. 19 в. на средства местных купцов-мусульман при второй соборной мечети Стерлитамака. Значительный подъем учебно-воспитательного процесса в медресе приходится на пореформенный период и связан с деятельностью высокообразованных мударрисов Камалетдина бине Шарафетдин бин Зайнетдин аль-Стерли (1808–1890) и Хайруллы бин Габдулхабир бин Синджаб (1819–1905). Они не замыкались только на богословии; расширяя традиционную учебную программу, стремились обеспечить шакирдам высокий уровень подготовки. В середине 70-х гг. 19 в. в медресе обучалось около 200, в середине 80-х – до 600, в 1913 – 160 шакирдов. М. в г.С. закрылось в первые годы Советской власти (ок. 1919).

М.Н. Фархшатов

Медресе в д. Стерлибаш (ныне Стерлибашевский район РБ) основано в начале 18 в. (ок. 1720) при мечети с целью подготовки профессиональных служителей культа. Учебный курс включал мусульманскую догматику, право, логику, арабский язык и другие, традиционные для всех медресе предметы. В 19 в. при мударрисах Нигматулле бин Биктимер бин Тукай аль-Стерли (1772–1844) и его сыновьях Мухаммадхарисе (1810–70) и Мухаммадхаррасе (1814–71), воспитанниках бухарских медресе, учениках и сторонниках Г. Курсави и Ш.Марджани, медресе превратилось в благоустроенное учебное заведение, были выстроены новые здания – к середине 60-х гг. их число достигло 25. Повысилось качество преподавания, привлекались талантливые учителя. Одним из них был Ш.Заки. При Нигматулле мударрисе, писал Р.Фахретдинов, Стерлибашевское медресе превратилось в «высшее учебное заведение». В пореформенный период медресе сохраняет свои традиции и популярность. Вводятся новый метод обучения, предметы: русский язык, география, история, арифметика, естествознание и др. В начале 19 в. число обучающихся достигало 200, а в 60-70-е – 500–600 человек. Медресе окончили многие религиозные деятели, поэты, писатели, деятели науки и культуры. Среди них М. Биксурин, М. Акмулла, Г. Сокрой, Г. Рафики, Т. Янаби, М. Султангалиев, член Российской Государственной Думы М.-Ш.Тукаев и другие.

Лит.: Тукаев М.Ш. Тарихи Стәрлебаш. Казан, 1899; Ризаитдин бин Фахретдин. Асар. Оренбург, 1904, ж.9; 1909, ж.15.

Р.А. Утябай-Карими

Медресе «Галия» открыто в октябре 1906 при второй соборной мечети в г. Уфе (имам З.Галикеев). Основатель и бессменный директор М. «Г.» З. Камалетдинов. В 1907 на средства купца С. Назырова, дворянки С. Янтуриной и других было построено трехэтажное здание по ул. Уфимской (ныне Чернышевского, 5). Обучение в медресе было 6-летним; принимали с 15 до 45 лет на основе экзамена по окончании начальной школы. Особое место в учебной программе занимали история и философия ислама, толкование Корана, жизнь пророка Мухаммада, а также языки: арабский, турецкий, русский, тюрки. Преподавание этих предметов было поставлено на уровень высших учебных заведений. Кроме традиционных предметов изучались психология, педагогика, дидактика, литература, чистописание. Преподавали З. Кадыри, Т. Бадиги, С. Зиганшин, Л. Биксурин, Г. Терегулов, Х. Зайни, Х. Фазылов, И. Абдишев и др. Многие из них получили образование в Египте, Сирии, Турции и других странах. В 1915 по просьбе демократически настроенной учащейся молодежи в медресе начал преподавать татарский язык и литературу Г. Ибрагимов, историю тюркских народов – А.-З.Валидов, историю и теорию педагогики – Ф.А. Давлеткильдеева (в М. «Г.» первый педагог-женщина). В нем обучались башкиры, татары, казахи и др. Медресе окончили М. Гафури, Ш. Бабич, Х. Туфан, С. Кудаш, К. Хакимов, К. Идельгужин, деятели народного образования Казахстана Н.Манаев, С.Габяши и др. В 1919 М. «Г.» преобразовано в советскую мужскую школу 2-й ступени для башкир и татар.

М.Г. Валеева

Медресе «Гусмания» основано в 1887 (по некоторым данным в 1885) в Уфе при Первой соборной мечети ахуним Хайруллой Гусмановым (1846-1907) и впоследствии было названо в его честь. С 1906/07 учебного года М. «Г.» размещалось в новом каменном трехэтажном здании с двумя флигелями по ул. Тукаева, 39 (ныне здание школы – 14), построенном на средства Губернской земской управы и добровольные пожертвования мусульман. М. «Г.» вначале было чисто духовным учебным заведением и готовило профессиональных служителей мечети; позже наряду с муллами готовили и учителей начальных классов медресе (мугаллимов и хальфов). Будущих мулл обучали канонам исламской религии и языкам: арабский и фарси. В начале 1890-х вводится новый метод обучения «Усули джадид». Обучение в М. «Г.» было 12-летним. Приготовительный (ибтидаи) и второй (игдадия) классы имели четырехгодичную программу обучения, первый (рушди) – трехгодичную. Число шакирдов достигала 180–190. В его стенах учили азбуку (Алифбу), написанную для детей башкир и татар, учебник (Морфология и синтаксис арабского языка, I, II, III части), написанный для шакирдов 5–7 классов. Х. Гусмановым; курс русского языка вели учителя И. Еникеев и Г. Терегулов, с 1915 историю тюрков преподавал А.-З.Валидов. После смерти Х. Гусманова М. «Г.» возглавляет имам-хатыб Первой соборной мечети Ж.Абызгильдин. М. «Г.» окончили З. Камалетдинов,

профессор, доктор медицинских наук З.Ш. Загидуллин, врач Б. Гусманов (сын Х.Гусманова), башкирский артист А.Ф. Зубаиров, татарский писатель Р. Ишморатов и др. В 1918 медресе преобразовано в татарскую национальную гимназию.

Лит.: Валеева М.Г. Медресе Усмания //Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993.

М.Н. Фархшатов.

Медресе «Расулия» открыто в 1884 при 5-й соборной мечети г. Троицка Оренбургской губернии З.Расулевым на средства казахского бая Алтынсарина. В первые годы существования «Расулия» была чисто конфессиональной школой с преобладанием в программе обучения богословских дисциплин. Мударрис Зайнулла был противником схоластики, господствовавшей тогда в религиозной школе ислама. В М. «Р.» шакирды постигали учение Мухаммада не только по традиционной логике (мантык) и догматике (калам) ислама, но и по первоисточникам: Корану и хадисам, а также по новаторским трудам Габденнасыра Курсави и Шигабутдина Марджани. В 1893 Расулев вводит в медресе звуковой метод обучения, классно-урочную систему, изучение светских дисциплин. К нач. 20 в. М. «Р.» превратилось в популярное полусветское учебное заведение с 11-летним курсом обучения, стало центром религиозной жизни зауральских башкир. Программа обучения включала вероучение, русский, арабский языки, тюрки, чистописание, чтение, заучивание и толкование Корана и хадисов, математику, российскую, тюркскую и всеобщую историю, историю ислама, священную историю, теологию, мусульманское право, логику, этику, гигиену, географию, естествоведение, физику, химию, зоологию и педагогику. К 1913 в М. «Р.» работало 13 преподавателей, среди них Г. Расулев, М. Мутагаров, Р. Атнабаев, Г. Назыров, Х. Терегулов и др., обучалось 240 шакирдов. Медресе содержалось на пожертвования. На средства меценатов (в т.ч. самого Зайнуллы ишана, который внес 19 тыс. руб.) были куплены 2 главных здания М. «Р.». В начале 20 в. обучение стало платным (8 руб. в год). При медресе имелась богатая библиотека, которой З. Расулев завещал бесценную коллекцию своих книг и 3,5-тысячерублевый вакуфный капитал. М. «Р.» закрыто в первые годы Советской власти (ок. 1919).

Р.А. Утябай-Карими

Медресе «Хусаиния» основано в 1889 в Оренбурге братьями А. и М. Хусаиновыми на собственные средства. В медресе действовала 14-классная система. В начале 20 в. учебные классы были сгруппированы по разрядам: 3 начальных (ибтидаи), 4 средних (рушди), 4 переходных (игдадия), 3 высших (галия). Окончившие игдадию получали право преподавать в средней школе. Преподавание в медресе велось по новому методу. Кроме традиционных, большое внимание уделялось светским и естественным предметам, изучению старотюркского и русского языков. В М. «Х.» преподавали Р. Фахретдинов, С. Рамиев, С. Сунчалаяй, Ш. Камал,

Ф. Карими, Ш. Бурхан и др. Многие произведения мировых классиков («Марсельеза» К.Ж. Руже де Лиля, русский текст П.Л. Лаврова, «Овод» Э.Л. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли, «Интернационал» Э. Потье и др.) стали известны мусульманскому читателю благодаря переводам преподавателей медресе.

М. «Х.» имело богатую библиотеку с художественной, философской, педагогической литературой, учебниками и периодическими изданиями на многих языках: русском, татарском, арабском, турецком, персидском и др. Некоторые воспитанники медресе участвовали в революционном движении, сотрудничали в демократической периодической печати. Забастовки и стачки шакирдов не прекращались даже после спада революции 1905–07. Многие из них впоследствии участвовали в годы гражданской войны в разгроме Колчака, Дутова и басмаческого движения. М. «Х.» окончили многие государственные и общественные деятели, поэты, писатели, деятели науки и культуры страны. В 1919/20 учебном году М. «Х.» было переименовано в Татарский институт народного образования.

Лит.: Ризаитдин бин Фахретдин. Ахмед бай. Пер. М.Ф.Рахимкуловой. 2-е изд. Оренбург, 1991.

М.Н. Фархшатов

Расулев Зайнулла (Зайнулла бин Хабибулла бин Расуль) (25.3.1833, д. Шарипово Троицкого уезда Оренбургской губернии, ныне Учалинского района РБ, – 2.2.1917, г. Троицк Оренбургской губернии), религиозный деятель, знаменитый башкирский ишан, последователь суфизма. Из семьи муллы. Обучался в сельском и городском медресе. С 1859 имам-хатыб мечети д. Аккужа Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Будучи шакирдом, стал интересоваться суфизмом. Метод мистического познания истины (тарик) совершенствовал в Стамбуле в 1869–70, там же получил разрешение (иджазнама) преподавать учение суфия Накшбандийа. По возвращении на родину ввел ряд новшеств в практику суфизма среди местных мусульман: громкий зикр (многократное упоминание имени Аллаха), празднование Маулида (дня рождения пророка Мухаммада), ношение четок и т.д. Официальные представители ислама – муллы-ортодоксы – обвинили его в ереси и враждебной деятельности против властей. По их доносу Р. был арестован и в январе 1873 сослан в Вологодскую губернию. В 1881 вернулся из ссылки, с 1884 имам-хатыб 5-й соборной мечети Троицка. Р. стал одним из идеологов и практиков джадидизма. Открыл медресе «Расулия», выступал за реформу исламских институтов. Глубокие познания в богословии, шариате, суфизме, способности врачевания гипнозом, приемами тибетской медицины, а также дар пророчества снискали Р. популярность привлекли многих последователей. Дружил с башкирским поэтом-просветителем М. Акмуллой, оказывал ему моральную и материальную помощь. Имел печатные труды, сыгравшие положительную роль в религиозном и национальном пробуждении тюркских народов России.

Лит.: Бартольд В. Шейх Зайнулла Расулев // Мусульманский мир. Пг., 1917. Вып.1; Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936.

Р.З. Шакуров.

Фахретдинов Риза (Ризаитдин) Фахретдинович (4.1.1859, д. Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии, ныне Альметьевского района Республики Татарстан, - 11.4.1936, Уфа), башкирский писатель-просветитель, ученый-востоковед, религиозный деятель. Учился в сельском медресе. Владел арабским, фарси, турецким, русским языками. Писал в основном на языке тюрки. В 1887 в Казани опубликована «Книга по морфологии» («Китабе эттэсриф») – первое произведение Ф., посвятил арабскому языку. В 1891 переехал в Уфу, где служил казыем в Оренбургском Магометанском духовном собрании. В 1906–08 помощник редактора газеты «Вақыт», в 1908–18 редактор журнала «Шура» (Оренбург). В 1922 избран муфтием ЦДУМ Внутренней России и Сибири. Способствовал укреплению связей между мусульманами России и других стран, выступал против колониальной и империалистической политики Запада. Одновременно продолжил исследования по истории и культуре народов Урала и Поволжья. Ф. – автор повестей «Салима, или Целомудрие» (1889), «Асма, или Проступок и наказание» (1903), в которых выступает сторонником приобщения народа к передовой европейской культуре, поднимает проблему эмансипации женщины. Важнейшее место в наследии Ф. занимает многотомная историко-библиографическая книга «Асар» («Асар»), посвященная жизни и творчеству ученых, деятелей культуры и просвещения народов Востока, над которой он работал в течение нескольких десятилетий. Литературное и научное творчество Ф., его журналистская и редакторская деятельность оказали значительное влияние на развитие духовной культуры народов Урало-Поволжья. Его имя было широко известно в Средней Азии и Казахстане.

М.Ф. Рахимкулова

Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург: Издательство «Яна Вақыт», 1997. – 254 с.

Найдется немного частных учебных заведений и культурных учреждений в дореволюционной России, которые имели бы такую популярность, как медресе «Хусаиния» в Оренбурге.

Оно было основано в 1889–1890 учебном году и управлялось попечительским и педагогическим советами.

С 1905 г. в проведении различных мероприятий (выработка правил внутреннего распорядка, приглашение преподавателей на работу, распределение часов на учебные предметы и т. п.) ощущалось некоторое влияние студенческого комитета, активность которого выросла после первой русской революции.

Общий надзор над медресе и над русскими классами при нем осуществлял директор народных училищ Оренбургской губернии. Из документов видно, что «Хусаиния» было организовано из контингента отдельных небольших медресе, которые возглавляли прогрессивные деятели.

Так, в списках учащихся за 1889/90 учебный год мы видим: «Хайретдин хэлфэ мэдрэсэнэн» (из медресе Хайретдин хальфы, Хайретдин Валиевич Валиев), «домулла Шахимардая хэзрэт мэдрэсэнэн» (из медресе домуллы Шахимардан хазрата, Ш.А. Утяганов), «Сонгатулла эфенденен торек мэдрэсэнэн» (из тюрки медресе Сунгатуллы эфенди, Сунгатулла Галиев).

В одном из этих медресе, а именно у Ш.А. Утяганова был высший разряд «Галия». Вышеуказанные мударрисы стали преподавателями медресе «Хусаиния».

Директором медресе «Хусаинии» согласно требованиям основателя должен был быть человек, имеющий право преподавания в высших классах, кроме того, он должен был сдать экзамен на звание имама.

Последнее требование было продиктовано не только с целью показать подчинение высочайшему повелению, но также во избежание репрессий, что впоследствии не раз оправдалось.

За все время существования медресе директорами его были известные ученые Г.Г. Давлетшин (первый директор), Г.Х. Даминов, Ризаэтдин Фахретдинов, Тагир Ильясов, Ханафи Каримович Бакиров (последний директор).

Заместителями директора (их было всегда одновременно по два) по учебной и научной работе были Х.К. Бакиров, С.Н. Бикбулатов, Джамалетдин Джалалетджиневич Валидов, Габдулла Сабирович Ибрагимов (г. Шеноси), Валиахмет Ахмеджанович Мухаммадиев, Гирфан Шайхельмардинович Рахманкулов, Ш.А. Утяганов, Г.М. Файрушин, Ш.М. Файрушин и другие.

Начальные разряды (ибтидаия), так же как и начальные русские классы, имели отдельно специального заведующего.

Эти должности выполняли Караматулла Ахметович Айдаров, Мирза Мунаввар Алиев, З.Н. Аюханов, Джигангир Баянов, Габдулла Гарифович Биктимиров, рождения 1884 г. из деревни Джаубаш Касимовского уезда Рязанской губернии, Сабир Галимович Галимов, рождения 1875 г. из деревни Таула Корда Озерской волости, Саранского уезда Пензенской губернии, Нигматжан Исхакович Еникеев (1875–) из деревни Каргала Благоварского района Башкирской АССР, Галимджан Ибрагимович Идрисов, рождения 1884 года из т. Петропавловска Акмолинской области (ныне Северо-Казахстанская обл.), Мухаммед-Маджит Аллабердинович Мавлямбердиев (Наджиб Гасрый), С.С. Насыров (Нугманов), Ходжихмет Валимухаммедович Рамеев, Габдулла Кабинович Сатыев (Габдулла Файзи), М.М. Туктамышев и другие. Почти за все время существования медресе директором по хозяйственной части (по-тогдашнему эконом) был Вали Игдисанов, а врачом – Исхак Галиевич Медведев, фельдшером – Акимов.

В первые годы существования медресе весь его контингент размещался в нескольких домах в Оренбурге.

Специальное здание его по первоначальному замыслу должно было строиться в деревне Каргала, имевшей в то время более 10 тыс. жителей и называвшейся городом, при приходе 9, который возглавлял вышеупомянутый Аюб бен Ибрагим.

Но противники новометодных школ с помощью доносов добились запрещения его постройки в Каргале, и Хусаиновы, не желая показаться людьми, сеющими крамолу, перенесли строительство в Оренбург, а из доставленного материала в Каргале была построена одноэтажная приходская школа.

Новое трехэтажное здание медресе с центральным отоплением и электрическим освещением было достроено в 1905/1906 учебном году. Для постройки здания медресе (помимо мечети при нем) без внутреннего оборудования было затрачено 97 тыс. рублей.

В этом здании были размещены учебные классы, кабинеты, библиотеки, интернат и столовая.

Для размещения иногородних учащихся предоставлялись также другие дома А.Г. Хусаинова в городе.

Эти дома по завещанию должны были считаться собственностью медресе «Хусаиния».

Количество учащихся в медресе в некоторые годы доходило до 500 человек и часто превышало определенное в завещании число, а именно не менее двухсот.

Это говорит о процветании медресе и его растущей популярности.

С другой стороны, это объясняется уменьшением числа стипендиатов, посылаемых за границу...

Контингент воспитанников медресе состоял из жителей всех губерний России, Крыма, Кавказа, Средней Азии и Сибири. Помимо татар и башкир обучалось много казахов, киргизов, узбеков и представителей различных национальностей Кавказа.

С 1913 года попечительскому совету было свыше предложено не принимать учащихся из Крыма и Кавказа.

Некоторые родители воспитанников платили за обучение от 10 до 300 рублей в год, но большинство детей обучалось бесплатно.

Неимущим воспитанникам школьная форма и прожиточный минимум на время каникул обеспечивались за счет средств медресе.

Нередки были случаи помощи бедным воспитанникам со стороны преподавателей в приобретении ученической формы, учебников и т. д.

Часто педагоги ходатайствовали об освобождении от платы за обучение отличников, которых в то время называли первыми учениками.

Освобождение ученика от платы за обучение еще не освобождало его от других расходов на жизнь. Многие шакирды вынуждены были жить на частных квартирах и питаться за свой счет.

Несмотря на все это, желающих поступить в медресе «Хусаиния» было всегда много.

Воспитанники медресе носили единую форму, подчинялись распорядку дня и правилам, выработанным педагогическим и попечительским советами.

Правила эти были довольно строгие: так, например, хождение по лестнице через две ступени было поступком, требующим замечания.

С другой стороны, эти правила были призваны приучить детей с малых лет к определенной системе и строгому учету времени: игре на музыкальных инструментах, подготовке к урокам, чтению художественной литературы, письму родным, свиданию с родителями – на все отводилось определенное время.

Хотя правила эти полностью относились лишь к воспитанникам, живущим в интернате и в домах Хусаиновых, тем не менее, их старались придерживаться и по отношению к приходящим ученикам.

Строгость правил позволяла родителям привозить издалека своих семи-восьмилетних сыновей для обучения и оставлять их в интернате.

Преподаваемые предметы, учебные планы, учебники

Первоначально в медресе функционировала 14-классная система, начиная от первого до четырнадцатого, в которых обучение велось на татарском языке.

Кроме того, были еще начальные классы, в которых обучение велось на русском языке.

В конце 19-го века учебные классы были сгруппированы по разрядам: три начальных класса (ибтидаия), четыре средних класса (рушдия), четыре класса, подготовительных к высшему (игдадия) и три высших класса (галия).

Так как повсеместно средние классы обучали детей по разным программам, для поступающих в разряд «игдадия» из других учебных заведений организовывался годичный подготовительный класс – «тахзирия».

Окончившие разряд «игдадия» получали свидетельство и звание учителя средней школы.

Сроки прохождения начального и среднего разрядов согласовывались с контингентом, часто наиболее способные учащиеся проходили за один год двухлетнюю программу.

Преподавание в медресе велось по новым методам, с большим акцентом на светские и естественные предметы.

По удельному весу естественных наук программа среднего разряда «Хусаинии» стояла ближе к программе реального училища, нежели гимназии.

Например, в «Хусаинии» преподавалась химия, в то время как в гимназиях ее не вводили.

Учебные планы и программа совершенствовались согласно требованиям времени, они широко публиковались в печати.

Разумеется, в то время ни одно учебное заведение, кого бы оно не готовило, не могло не вводить в программу вероучение. В этом смысле не составляет исключения и медресе «Хусаиния».

Но оно было предназначено основателем для подготовки не служителей религиозного культа, а учителей начальных, средних и высших школ и работников культурных, хозяйственных учреждений, которым были бы не чужды общественные интересы и которые были бы далеки от национальной обособленности, т.е. специалистов широкого профиля и всесторонне образованных людей.

Лица, желающие посвятить себя служению религиозному культу, или согласившиеся на должность имама-мударриса в одну из школ, построенных Хусаиновыми, должны были самостоятельно сдавать экзамен муфтию.

Вторым мероприятием, могущим способствовать выполнению вышеуказанных задач, возложенных на медресе основателем, было введение усиленного изучения русского языка. Вышеуказанные обстоятельства (автономное управление, преобладание в программе естественных и светских наук, усиленное изучение русского языка) закрепили за медресе, являвшимся средоточием большого количества передовых преподавателей – сторонников новых методов обучения, славу «красного» и «безбожного».

Они служили поводом для непрекращавшихся нападков и доносов правительственным органам со стороны реакционной части магометанского духовенства, стремившейся предоставить это учебное зведение как очаг безбожия и смуты.

В результате Хусаиновы и многие преподаватели были взяты под негласный надзор жандармского управления Оренбургской губернии.

Помимо основ магометанской религии, изучавшихся на татарском и арабском языках, в медресе преподавались следующие светские предметы: татарский, русский, арабский, иранский, немецкий, французский языки, татарская, русская, арабская и иранская литература, российская история, татарская история (она изучалась без разрешения властей), философия, учение о нравственности, законоведение, педагогика, психология, логика, методика различных предметов, гигиена и медицинские знания, гимнастика, чистописание, черчение, рисование, торговое дело и политэкономия, труд и другие.

Из естественных наук изучались арифметика и география (на татарском и русском языках), алгебра, геометрия с тригонометрией, физика, химия, естествознание – на татарском языке...

...В 1918–19 учебном году при институте организуется хор и оркестр.

Переводные и выпускные экзамены во всех классах и разрядах «Хусаинии», как и в других школах того времени, проводились публично с привлечением большого числа педагогов из других школ и представителей различных слоев населения из разных городов.

На экзаменах в 1901 году, например присутствовало более 50 человек, среди них известные прогрессивные деятели Хайрулла Гусманов (депутат

Думы), Аюб бен Ибрагим, Куддус бен Нуретдин Нугмани, Габдельджалиль хальфа, Гумер Давлетъяров – все из Каргалы, Файзрахман ахунд из Соль-Илецка, Сибгатулла Газизович Ишмуратов из Уфы, Габдулла Юллыкый из Кышкара и многие другие. Во время экзаменов учащимся старших классов давались для рассмотрения деловые бумаги. Многие воспитанники выступали со своими рассказами и стихотворениями.

Сроки экзаменов и их результаты, а также отзывы присутствовавших опубликовывались в печати.

Так, например, ученый из Казани Хасан-гата казий бен мулла Мухаммадель Габаши (Хасан-гата Мухмудов), присутствовавший на экзаменах весной 1907 года, дал хороший отзыв о знаниях учащихся медресе.

Подобных отзывов и сообщений очевидцев, приезжавших для обмена опытом, в тогдашней периодической печати опубликовывалось много.

В первое время деятельности медресе наравне с отечественными учебниками использовались также труды восточных педагогов: по математике (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия) учебники Гарифбека, Мухаммеда Гиззата, Салиха Заккия, Хасан Фуада, Хусаина Рамзия и других.

По политэкономии – учебники Мухаммеда Джавдата, по воспитанию – Мустафы Сагита, по знаниям о культуре и цивилизации – Хазыка и других.

Со временем в медресе «Хусаиния» вырос педагогический коллектив, чьи учебники употреблялись не только в своем учебном заведении, но и рекомендовались для других школ и медресе России, а после 1917 года – также и в советских татарских школах и вузах, ТИНО, ВИНО, ВИНО, КИНО и т. п.

Обзор программ дореволюционных татарских начальных и средних школ позволяет также отметить несостоятельность утверждения о том, что «в программы магометанских религиозных и светских мектебе и медресе не включались общеобразовательные предметы».

Учебные кабинеты, классы, библиотеки, кружки, музеи.

В медресе (особенно в новом здании) были оснащенные по последним требованиям передовых учебных заведений России и Запада учебные классы и предметные кабинеты.

На оборудование физического и химического кабинетов, кабинета по естествознанию и на приобретение других наглядных пособий ежегодно тратились большие средства.

Например, в 1914 году только за приборы и принадлежности физического и химического кабинетов было расходовано 1691 руб., что по тогдашним масштабам цен немало. Физические приборы приобретались из торгового дома Ф. Швабе, поставляющего новейшие выпуски.

Члены попечительского комитета З.С. Рамеев и С.Ш. Рамеев преподнесли в дар медресе полное оборудование физического кабинета по европейскому преискуранту из Германии.

В медресе был богато и разнообразно оснащенный кабинет по труду, в оборудование которого много сил вложили преподаватели Хасан Гали, А.Х. Сайфутдинов и другие.

Медресе имело (как было в то время принято) две библиотеки: ученическую и общую. В этих библиотеках было большое количество учебников, художественной, философской, педагогической, медицинской, сельскохозяйственной, исторической, научной, литературоведческой, научно-популярной литературы, а также энциклопедии, словари, справочники, необходимые для научной работы преподавателей.

В фондах библиотек были издания на татарском, русском, казахском, арабском, турецком, иранском, немецком, французском, английском языках.

В библиотеку медресе выписывались все татарские периодические издания со дня выпуска (особенно после 1905 г.), а также специальная периодическая литература на русском, турецком, арабском языках

Выписывалась вся периодическая печать, издававшаяся на татарском, русском, казахском языках в Оренбурге.

С 1906 г. в новое здание медресе была переведена богатейшая библиотека Оренбургского мусульманского просветительского общества «Белек» с тем, чтобы ее фондом могли пользоваться педагоги и воспитанники «Хусаинии».

Книгами из библиотек «Хусаинии» пользовались также и семьи служащих и рабочих. Так, в абонементной книге мы видим в числе читателей совсем еще юного Фуата Булатова, друга детства и соседа Мусы Джалиля по Оренбургу, впоследствии участвовавшего в героической борьбе в логове фашизма в Великой Отечественной войне и казненного вместе с М. Джалилем в августе 1943 г.

В фондах библиотеки «Хусаинии» были книги «Социализм һәм сугыш» («Социализм и война») В.И. Ленина, «Швейцария федерациясе» («Федерация Швейцарии») Данилевича, «Шуралар хокумэтэ нэрсэ?» («Что такое советское государство?» М., 1918). В.А. Карпинского и другие. Вышеуказанные книги в библиотеке были в большом количестве, что говорит о том, что они приобретались в учебных целях. Кроме того, обращает на себя внимание их стоимость; первая стоит 500 рублей, вторая – 320 рублей, третья – 400 рублей (каждая).

Первых двух книг нет сейчас даже в библиотеках им. В.И. Ленина в Москве и им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Неизвестно также и то, кто их переводил на татарский язык и издавал. По стоимости можно судить, что первые две книги изданы в 1918 г.

Как известно, при ЦК КПСС в Москве было центральное бюро коммунистических организаций Востока. В 1917 году в ноябре–декабре на втором съезде коммунистических организаций народов Востока Карим Хакимов в своем выступлении отметил как положительный факт, что вышеупомянутое бюро перевело и издало много марксистско-ленинской

литературы на татарский язык. Судя по всему, речь шла именно об этих и им подобных книгах.

Известно, что в дореволюционный период опыт перевода и издания революционных книг имел Ф.Г. Каримов.

Так, например, в типографии Ф.Г. Каримова в 1906 г. была издана брошюра Б. Самойловича «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» в переводе Хусаина Ямашева и брошюра «О всеобщем избирательном праве» в переводе Г. Сайфутдинова, а также брошюры «Чего добивается Российская социал-демократическая партия для крестьян», «Кому нужны национальные притеснения», «Наши ближайшие задачи и конечная цель» и другие.

В 1908 г. в типографии Ф.Г. Каримова был отпечатан небольшой сборник стихов и песен на татарском языке, среди них знаменитая «Марсельеза». Этот сборник был сразу изъят, один экземпляр сборника хранится в фондах Оренбургского Государственного архива.

В том же 1908 г. при внезапном обыске в книжном магазине Ф.Г. Каримова в Оренбурге было конфисковано большое количество нелегальной политической литературы на татарском и русском языках...

В 1927 г. в переводе Ф.Г. Каримова была издана книга В.И. Ленина «Аграрный вопрос» (Казань, 1927).

Возможно, в переводе вышеупомянутых книг участвовала целая переводческая комиссия. Установить это – задача исследователей.

В медресе функционировали различные кружковые занятия (литературный, исторический, музыкальный, драматический и т. п.), о них будет сказано подробнее в дальнейшем.

В «Хусаинии» был создан «Восточный музей», в оснащении которого много труда вложили преподаватели медресе – художники Хлуси, Салях Камал и др.

Педагогический коллектив медресе

Развитие педагогической и научной деятельности медресе, как и всякого высшего учебного заведения, определялось, с одной стороны, социально-экономическими и политическими условиями в стране и особенностью положения Оренбуржья, с другой – уровнем развития науки в соответствующий период времени.

Представлять медресе «Хусаиния» как учебное заведение, оторванное от окружающего мира, неверно. Оно всегда было в гуще событий, в чем читатель убедится в дальнейшем.

Быстрому и прочному становлению медресе и его растущей популярности способствовал блестящий педагогический коллектив, который представлял передовую науку по всем преподаваемым дисциплинам.

Большинство преподавателей медресе имеет капитальные труды по своей специальности, а также по общепедагогическим вопросам, в области просвещения, культуры, здравоохранения, внешней и внутренней политики страны и т. п.

Почти все преподаватели имеют переводные труды с арабского, иранского, турецкого, французского, английского, немецкого языков. Имеются труды на арабском, иранском, турецком языках, написанные преподавателями «Хусаинии».

Ведущие преподаватели «Хусаинии» являются авторами первых советских учебников, словарей, географических и исторических карт и атласов и другой литературы. Среди них: М.М. Алиев, З.Н. Аюханов, Х.К. Бакиров, Ибрагим Мухаррямович Бикчантаев, Дж. Дж. Валидов, Нурахмед Мухаммедзянович Валишев, З.Г. Ишаев, Г. Шеноси, Салях Камал, К.Г. Каримов, Ф.Г. Каримов, Нургали Сибгатуллович Надиев, Габдрахман Сагди, Харис Файзи, Гимадльислам Сагидуллович Хабиров и другие.

Многие преподаватели – «Хусаинии» были широко известные ученые-энциклопедисты: Г.С. Ибрагимов (Шеноси), Галимджан Ибрагимович Идрисов, Хабибрахман Габдельвалиевич Забиров, Закир Халимович Кадыров, Ф.Г. Каримов, Т. Ильясов, Ш.М. Файрушин, Г.М. Файрушин, Р. Фахретдинов и другие.

В «Хусаинии» не было деления на факультеты, учебный план и программа для всех слушателей были одинаковыми и выпускники во время работы могли стать преподавателями по избранной ими специальности или преподавать все школьные предметы.

Из архивных документов явствует, что многие преподаватели независимо от своей основной специальности вели уроки татарского, арабского, русского языка и литературе туры в начальных классах, так как на изучение этих предметов уделялось особое внимание и много часов.

Судить о преподаваемом учебном предмете в некоторой степени помогают печатные труды преподавателей: учебники и методические пособия.

Габдулла Сабирович Ибрагимов (Шеноси) (1885–1937)

Видный ученый, педагог, общественный деятель, родился в г. Троицке, окончил учительский институт в Константинополе. В медресе «Хусаиния» в Оренбурге он работал в 1909–1912 гг., где исполнял обязанности заместителя директора по научной и учебной части и преподавал естественные науки, педагогику, дидактику, а также факультативно – французский язык, который знал в совершенстве.

Свой псевдоним (Шеноси – изобретающий) он получил еще будучи студентом за свой пылкий ум и постоянные научные поиски.

В 1912 г. он переходит на работу в медресе «Галия» в Уфе. После Октябрьской революции он работает в вузах Уфы. В 1933 г. Г. Шеноси переезжает в Казань, где работает преподавателем в различных вузах: в Коммунистическом университете трудящихся Востока, педагогическом институте, а также в научном центре Народного Комиссариата Просвещения Татарии.

В течение всей своей жизни он является активным пропагандистом естественно-научных знаний, выезжает с лекциями в различные города страны.

Перу Г. Шеноси принадлежат учебники по физике, химии, педагогике, ставшие стабильными и переиздававшиеся многократно с 1908 по 1937 год.

Среди них «Мухтасар химия» («Краткая химия»), состоящая из 2 частей. Первая часть вышла в 1910 г. в Казани, в издании библиотеки «Юл», вторая – в Оренбурге в 1912 г. Далее он написал книгу «Хикмэт табигия дэрэслеге» («Учебник физики») для средних школ и трехгодичных педагогических курсов, который несколько раз издавался в Уфе с 1916 по 1920 год. С 1924 по 1926 год выходит в Казани его книга «Физика дэрэслеге» («Учебник физики») для школ 2-й ступени и педтехникумов, состоящая из трех частей. Учебник этот выдержал повторные издания.

В 1929 году в Казани выходит его «Физика» для рабфаков, школ первой ступени, техникумов, партийных школ и заочников, состоящая из трех частей.

Г. Шеноси уделял много внимания вопросам усовершенствования методики преподавания физики, химии и естествознания в школах, педагогике и ее истории.

Так, в 1911 г. в Уфе выходит в свет его книга «Тэглим вэ тэрбия тарихы вэ доньянын философлары» («История воспитания и обучения и философы мира»). Для учительских институтов написал он книга «Ысул тэглим вэ тэрбиядэн фэнни тэдрис» («Научные принципы методики обучения и воспитания»), первое издание – в Уфе в 1918 год. В 1927 году выходят в свет книги; «Физика атамалары» («Физические термины») и «Математика атамалары» («Математические термины»), принятые научным центром народного Комиссариата Просвещения Татарстана; научным редактором этих книг был Г. Шеноси. Много научно-популярных книг написал он для атеистических и комсомольско-молодежных кружков. Так, до 1937 года выходят его книги: «Кыскача биология» («Краткая биология»), «Мэтдэ тозелеше» («Строение материи»), «Джан бармы» («Есть ли душа»), «Джир остендэ башлап терелек яралу» («Происхождение жизни на земле») и др.

Большие заслуги Г. Шеноси имеет в развитии учебников на казахском языке.

Г. Шеноси активно сотрудничал в периодической печати со времени ее организации (т.е. с 1906 г.) на татарском языке до последних дней своей жизни, им опубликованы огромное количество статей по вопросам просвещения, педагогики, культуры, естествознания, истории и т. п.

Помимо статей в газетах и журналах им опубликованы печатные труды – учебники школ и вузов (по неполным данным) в количестве 55 книг.

Габдулла Сабирович Ибрагимов погиб как жертва культа личности. Реабилитирован посмертно...

Л.Ш. Сулейманова
Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. – Уфа: Изд-во Башгосуниверситета, 2000. – 212 с.

Исламские учебные заведения в крае в начале XX века

В начале XX века просвещение, как в целом духовная жизнь башкир и татар нашего края, развивалась, испытывая влияние ислама. Мусульманская религия долгое время определяла направление развития их духовной культуры и просвещения. Последнее осуществлялось в форме религиозного обучения и контролируемых духовенством мектебе и медресе, конфессиональных школ...

Изначально мусульманские школы – мектебы и медресе – создавались по частной инициативе, как негосударственные учебные заведения и поэтому не отчитывались ни перед кем о своей деятельности и состоянии. Поэтому среди архивных материалов не содержится разносторонние сведения об этих школах [...]

Обучение детей велось в школах 2-х типов: начальный – мектеб и школ повышенного типа – медресе. Часто граница между ними была зыбкой: медресе содержали в себе и мектебы. Новометодные школы подразделялись на начальную школу – 4 года обучения (ибтидаи), школу повышенного типа – 3 года (рушди), среднюю – 3 года (игдадия) и высшую школу – 4 года (галия). Общая продолжительность обучения в них составляла 14 лет. Звания и права выпускников определялись Магометанским Духовным собранием, куда они направлялись для экзаменов. Успешные экзамены давали право на звание мудариса (преподаватель медресе), имама хатиба (старший мулла), имама-мугаллима (младший мулла, учитель мектеба), муэдзин (прислужник при мечети) [...]

В материалах Духовного Мусульманского собрания нам встретились ответы высшего духовного органа на просьбы открыть медресе, перенесение мектеба с одного места на другое, что «это зависит не от него, а зависит от общества и разрешения с его стороны не требуется».

Сельское общество старалось обеспечить будущее духовных школ. В документах содержатся материалы о пожертвовании обществом мечетям и школам при них земли в вакуфное владение (в постоянную собственность). В частности, сельское общество д. Кабаково Оренбургской губернии и уезда передало в вакуф 60 десятин земли в пользу приходской Соборной мечети и медресе. Министерство Внутренних Дел не разрешило принять вакуф, и общество в Духовное Собрание, настаивая на своём решении⁴⁸. Прихожане также бережно относились к имуществу духовных школ и следили за их состоянием, поддерживая в исправности. Даже редкие сведения говорят об этом. В Мусульманское Собрание поступали жалобы от отдельных прихожан на произвол местного чиновничества. Вот одна из них о том, что в д.

⁴⁸ Там же. Д. 249. Л. 23.

Тугузлинской Айминской волости Златоустовского уезда «... волостной судья и смотритель продовольственного магазина села самовольно и тайно взяли две оконницы из мечети и три из медресе, сделанные на общественный счёт»⁴⁹. Видимо, это один из случаев, когда общество не смогло самостоятельно пресечь совершённый произвол [...]

Таким образом, мусульманские школы по-прежнему материально содержались за счёт местного населения и в этом смысле оставались подлинно народными учебными заведениями башкир и татар [...]

В медресе и мектебах каникулярное время приурочивались к двум большим религиозным праздникам – Курбан-байраму и Уразе-байраму. Еженедельным днём отдыха была пятница. В четверг учащиеся приносили своим учителям подаяние (садака). В праздничные дни между учащимися устраивались мунзара (нечто, вроде состязания). О таких развлечениях писал в своих воспоминаниях Заки Валидов, который учился в медресе отца и позже в медресе дяди в селе Утяк Стерлитамакского уезда. Среди шакирдов сложились свои традиции. Валидов вспоминал, что скрытно от отца изготавливали медовуху и пили её по башкирскому обычаю, в четверговые вечера затевали пляски и состязания, а осенью перед началом занятий избирали «казыя» (помощник управляющего медресе), сажали его на кошму из белого войлока и поднимали его вверх, держа по 4 углам. Остальные старались «казыя» довести до слёз щипками или уколами шила⁵⁰. Продолжительность пребывания шакирдов в мектебе зависела от способа преподавания – вёлся он по-старому (буквослагательному) методу или новому (звуковому), делятся ученики на классы или с каждым шакирдом велись особые занятия [...].

Учебная литература, используемая в магометанских школах в начале XX века, существенно отличалась от той, которая изучалась в XIX веке. В конце прошлого века, судя по исследованиям Фархшатова, прочитывались религиозные произведения восточных и местных писателей на языке тюрки. Среди них названы и древние художественные произведения, например, «Кисса и Юсуф» Кол Гали (конец XII века). Эти книги через художественные образы и сцены исподволь внушали идеи и доктрины ислама, давали одновременно некоторые сведения по географии, истории, этике, искусству⁵¹.

В 1912 году представителем Оренбургского Духовного Собрания Хасан-Гатой Мухамедовым, имамом 1-й мечети г. Уфы и заведующим медресе «Усмания» Зичангиром Абзгильдиным, имамом 2-й мечети г. Уфы и заведующим «Галия» Зией Камалетдиновым, имамом 3-й мечети г. Уфы и заведующим медресе «Хакимия» Гади Фахретдиновым, вероучителем реального училища и классической гимназии г. Уфы Хабибуллой Ахтямовым [...] и др. был выработан список учебных книг для мусульманских начальных школ.

⁴⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 523. Л. 12

⁵⁰ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С.33.

⁵¹ Фархшатов М.Н. Указ. произв. С.67.

Так как в основе этих школ должны были лежать мектебы и составлены они преподавателями духовных магометанских школ, логично считать, что часть этой литературы в мектебах и медресе уже использовалась. Приведём наименования и авторов этих учебников. Пособие по обучению чтению и правописанию: Максурова Гади «Разрезная азбука». Казань, 1910 г., Идрисова М. «Чистописание», Джагфар «Уку-йазу-Чтение-письмо». Оренбург, 1910, чтение на родном языке: Думави Н. «Наша школа». Оренбург, Махмуд Марджани «Тюрки уку. Тюркское чтение». Оренбург. Кроме Корана очень много в этом списке учеников по вероучению. Среди них Гади Максудова «Гибадат ислалила», в 5-ти частях, Забирова «Ахлак дарслар. – Уроки нравоведения», Каримова Фатиха «Сокращённая история ислама»⁵².

Мусульманские учебные заведения, как правило, открывались по инициативе наиболее образованных мулл, имеющих учено-преподавательское звание мударрисов. Они же вели преподавание основных дисциплин в медресе. В начальных школах шакирдов обучали муллы, муэдзины и мугаллимы (учителя, не имеющие учёно-преподавательского звания). Поэтому возрастной диапазон был велик – от 18–19 лет и старше 50 лет. Особенно много молодых учителей находилось среди женщин: встречались 13-ти и 14-ти летние. Преобладающее большинство мугаллимов составляли мужчины. Но в начале XX столетия обучало немало мугаллимов-мусульманок. В 1913 году по Уфимской губернии из общего числа учителей они составляли 19,7 %.

Духовное Мусульманское собрание следило за педагогической деятельностью учителей духовных школ. В Мусульманское Собрание поступали прошения в отношении некоторых учителей. В частности, по фактам, изложенным в прошении жителя д. Ново-Турумбетово Стерлитамакского уезда Зайнуллы Губейдуллина, Мусульманское Собрание запрещало Харрасу Баширову обучать детей в их медресе. Он не имел документов на обучение. Видимо не был [подготовлен] в целом заниматься педагогической деятельностью, ибо в прошении пишется «только мучает их (детей)»⁵³.

Образование учителя получали в медресе, преимущественно местных. Среди мулл и мударрисов были лица, прошедшие курс обучения в медресе Бухары, Турции, Аравии. За что в своё время они подвергались притеснению со стороны царского правительства. Так, 10 июля 1892 года был издан циркуляр Министерства просвещения об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и устранении от преподавания духовных лиц, получивших образование за рубежом. Это вызвало резкий протест населения и духовенства. В государственные органы поступило сотни приговоров прихожан с требованием не вмешиваться во внутреннюю жизнь

⁵² Список учебных книг по мусульманскому вероучению и родному языку, как подсобное орудие при прохождении вероучения для мусульманских начальных школ. Уфа, 1912.

⁵³ ЦГИА РБ. И-295. Оп. 11. Д. 622 л. 45.

национальных учебных заведений. В своих рапортах в Духовное собрание имам Стерлитамакской соборной мечети, получивший образование в Бухаре Абдулгадил Нагаев и имам д. Челиково Стерлитамакского уезда Гатаулла Алчунбаев писали: «... Несколько столетий ни один из царей не воспретил мусульманам учить своей вере из рукописных и заграничных книг. Книги сочинены ещё до принятия Российского подданства, в них ничего политического нет. ... Ученики медресе учатся как нужно молиться Богу и повиноваться государю. Мусульмане в верноподданничестве не уступают другим народам»⁵⁴. Циркуляр, наделавший много шума, в начале 1894 года по рекомендации Министерства Внутренних дел отменён. Уволенные мударрисы восстановлены в своих должностях как «вполне согласные видами правительства в своих размышлениях и действиях»⁵⁵.

Вознаграждение за свою деятельность учителя получали самые ничтожные – от 5 до 20 рублей в год. Вместо жалования бралась плата с шакирдов за право учения. Со слов единственного оставшегося в живых выпускника Белебеевского медресе 93-х летнего Насибуллина Лутфуллы Насибуллоевича (беседа была проведена в 1997 году) за зиму, т.е. год его обучения в мектебе д. Исмагилово Белебеевского уезда родители платили 1 руб. Поэтому многие мугаллимы дополняли свои источники проживания земледельческим трудом.

Несомненно, среди мусульманского учительства было немало людей, выполняющих педагогические обязанности по призванию. Они искренне горели желанием просвещать население. Огромной популярностью у односельчан пользовался Мансур Халиков, который вернулся в родную деревню Больше-Утяшево нынешнего Гафурийского района после окончания медресе «Галия» и был назначен деревенским муллой. Он не ограничился обучением в медресе, добился поддержки населения, волостных и уездных органов и, вложив свои личные средства, построил в канун революционного 1917 года двухэтажную деревянную начальную школу. Первый этаж занимали классы и служебные помещения, а верхний служил общежитием для детей близлежащих деревень нынешних Гафурийского, Аургазинского и Кармаскалинского районов. В последующем здесь действовала советская школа. Авторитет среди прогрессивной части населения Мансур Халиков приобрёл и потому, что не ограничивал только обучением религиозных догм, он ввёл в школе предметное обучение⁵⁶.

В некоторой степени, научный характер носили занятия Хабибназара Сатлыкова из деревни Утяково Гафурийского района. Получив первоначальное образование в медресе своего отца, он уезжает на учёбу в г. Стерлитамак, затем в г. Казань, где поступает в известнейшее медресе «Марджания». По завершению учёбы был оставлен преподавателем. За годы учёбы и работы Хабибназар Сатлыков приобрёл глубокие знания во многих

⁵⁴ ЦГИА РБ. И-295. Оп. 11. Д. 622 Л. 4.

⁵⁵ Там же. Д. 523. Л. 37.

⁵⁶ По материалам местного краеведа, старейшего жителя д. Утяково Гафурийского района РБ А.В. Янышева.

областях науки, но более увлекало его востоковедение. После смерти великого Марджани он возвращается в родную деревню Утяково. Выполняя миссию сельского муллы, организует при мечети медресе и школу для обучения молодёжи. При нём при содействии местного населения и купцов из г. Казани Садыка хажи Галикеева и Мустафы Амирханова было построено каменное здание мечети и семь каменных зданий для занятий, столовой, и проживания приезжих детей. Ежегодно здесь обучались до 200 шакирдов. В этом медресе учился лидер башкирского национального движения и всемирно известный учёный Ахмет Заки Валиди. Понимая практическую значимость знания русского языка для башкир и татар, Хабибназар Сатлыков вводит в организованный им школе его обучение. С 1912 года русский язык преподаёт Бахтигарей Карамышев и позже Александр Иванович Овчинников.

Истинный просветитель научных знаний Хабибназар Сатлыков пытался довести до населения новые агрономические сведения и мечтал организовать в д. Утяково сельскохозяйственную школу для их внедрения. Начавшаяся 1-я мировая война и последующие революции прервали начатую в этом направлении деятельность. Скончался Хабибназар Сатлыков в 60-летнем возрасте в 1921 году от тяжёлого онкологического заболевания⁵⁷.

Обучение мусульманской грамоте на родном языке не ограничивалось одними мектебами. В широкой степени было развито и домашнее обучение. Но это не те знания, которые дети получали дома от родителей до поступления в мектеб. Родители уже к 5-6-ти годам обучали своих детей навыкам счёта, письма, закладывали основы религиозного воспитания. Надёжным проводником в таком просвещении служила женщина, мать семейства. Прежде всего, от неё дети перенимали родную речь, усваивали психологию старших и т.д.⁵⁸.

Провести строгую грань между ними затруднительно. Отличительной чертой домашнего обучения служит главным образом место обучения и условия приёма на «выучку» учащихся до тех пор, пока ученик не получал знаний требуемых его родителям. Домашнее обучение практиковалось во всех населённых пунктах, причём больше всего для девочек. Этот вид обучения нельзя признать рационально поставленным, но вместе с мектебом оно играло видную роль в получении основ грамоты – умения читать и писать.

В начале XX века особенной популярностью среди башкиро-татарского населения пользовались светские медресе «Галия» и «Усмания» в г. Уфе, «Хусаиния» в г. Оренбурге. Медресе «Галия» было открыто в 1906 году благодаря усилиям городских мусульман-дворян, чиновников, купцов. Первым директором был Зия Камали. Как писал журналист – современник: «Налицо ничего не было, кроме гнилого здания и преподавателей с новыми идеями»⁵⁹. При открытии состоялось собрание, где сторонники

⁵⁷ По материалам краеведческого музея Утяковской средней школы Гафурийского района РБ.

⁵⁸ Шафикова З.Х. Указ. произв. С. 71.

⁵⁹ Юнусова Л.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 65.

прогрессивного национального просвещения сделали значительные денежные пожертвования. Обстановка в медресе была доставлена уфимским населением. Невестка муфтия Мэриэм Султанова, «известная в городе своей любовью к просвещению», подарила учебному заведению 900 аршин жёлтого сукна на одеяла, 100 аршин зеленого сукна⁶⁰.

В это медресе принимались после окончания обычных медресе по особому испытанию и обучались по 6 лет. За первые десять лет существования (1906–1916 годы) «Галию» окончили около 1000 человек, из них 17 стали башкирскими, татарскими писателями и журналистами. Среди них – Мажит Гафури, Галимжан Ибрагимов, Шайхзада Бабич, Хасан Туфан и др. Из всех выпускников только 37 человек стали муллами. Остальные посвятили себя делу просвещения своих народов⁶¹.

Новометодное медресе «Усмания» работало с 1887 года и в 1914 году насчитывало 180 учащихся. Медресе делилось на обычные 3 класса с 3-х годичным сроком обучения. Как в русских учебных заведениях занятия проводились в классах. Изучали здесь такие предметы: Коран, изречения Магомета, правила религиозного поведения, богослужение, богословие, история ислама, обязанности по актам гражданского состояния, арабский язык и литература, тюркский язык и литература, русский язык, история (тюркская, всеобщая), законоведение, логика, основы экономики, медицины, психология, математика (арифметика, геометрия, алгебра), природоведение, химия, методика преподавания и воспитания. Всего предметы религиозного плана занимали 31%⁶².

Кроме этих центров мусульманской науки в начале XX века продолжало действовать широко известное с конца XIX века в Поволжье и Приуралье Стерлибашевское медресе. Оно содержалось на средства купцов Утямышевых, Тукаевых и Рамеевых. Оренбургское медресе «Хусаиния» (1889-1924 г.) было основано и содержалось купцами Хусаиновыми. Один из братьев Гани-бай, по существу возглавил дело перестройки мектебов и медресе края в конце XIX века. Он положил начало подготовки кадров для новометодных школ: сначала посылал молодых людей в школу Гаспринского в Крыму, а затем открыл 3-х месячные учительские курсы. Ахмет-бай и Махмут-бай открывали множество новометодных школ, оплачивали работу учителей и обеспечивали их учебниками. Они также содержали большое количество стипендиатов в различных учебных заведениях страны и за рубежом. Внушительные суммы в стипендиальный фонд определил Ахмет-бай в своём завещании. Вышеуказанные стипендиаты выбирались из числа наиболее способных и успевающих воспитанников «Хусаинии» либо других медресе, не имеющих средств для получения образования. Они были обязаны после завершения обучения не менее 4-х лет служить в «Хусаинии».

⁶⁰ Там же. С. 66.

⁶¹ Юлдашбаев Б.Х. Указ. произв. С. 250.

⁶² Абзанов Ш. Указ. произв. С. 30.

Стипендиатам, и частности в Каирском университете был З.Н. Аюпов, впоследствии ведущий преподаватель Башгосуниверситета, С.Н. Бикбулатов из Уфы, ставший учёным-арабистом в Казанском университете. Бейрутский университет окончили С.Х. Камалетдинов, Г.М. Файрушин и др.⁶³

Медресе «Хусаиния» управлялось попечительским и педагогическим советами. Директором согласно требованиям основателей должен был быть человек, преподающий в высших классах и сдавший экзамен на звание имама. Первым его директором стал Г.Г. Давлетшин.

За время существования «Хусаиния» подготовила свыше 1500 выпускников из татар, башкир, казахов, узбеков. А в 1921 году на его базе было создано четыре института народного образования: татарский (ТИНО), башкирский (БИНО) киргизский (казахский) (КИНО) и восточный для шакирдов из Средней Азии (ВИНО)⁶⁴.

Таким образом, в начале XX века мусульманская школа переживала в целом большой перелом внутренней жизни. Старометодные мектебы и медресе, как чисто конфессиональные учебные заведения, отживали свой век: уже половина вела светские предметы. Старинные методы обучения стали отступать на задний план, и школа принимает вполне организованный характер. В результате углубления социально-экономических изменений и развернувшегося национального движения мектебы и медресе стали расти количественно и преобразовываться в национальные школы светского направления. А мектебы, долгое время, остававшие исключительно сельскими школами, стали организовываться в городах.

Но приспособление к запросам жизни, экономики и эволюция к светскости не лишили их нравственно-религиозных основ.

Т.М. Аминов, М.Г. Валеева, Ю.Н. Сергеев

Духовное образование // Башкирская энциклопедия. – Уфа: Научное изд-во: «Башкирская энциклопедия», 2006. – Т.2. – С. 530–532.

Духовное образование, система подготовки профессиональных служителей религиозных культов, преподавателей духовных учебных заведений, а также религиозного просвещения населения. Система духовного образования в России представлено высшими (духовные академии, богословские университеты и институты), средними (духовные семинарии, училища, колледжи, медресе, иешивы и др.) и низшими (пасторские курсы, хедеры и др.) духовными учебными заведениями. Духовное просвещение населения осуществляется в воскресных школах, кружках (вечерних или выходного дня), организованных при храмах, во время проповедей, богослужений, через средства массовой информации и т.д.

Мусульманское духовное образование. Становление системы мусульманского духовного образования в Башкортостане связано с

⁶³ Рахимкулова М. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Оренбург, 1997. С. 7-8.

⁶⁴ Там же. С.1.

утверждением в крае ислама, которое сопровождалось распространением арабского письма среди башкир и обучением их чтению текстов Корана и Сунны. Упоминания о башкирах, обучавшихся в г. Булгар и других городах Булгарского ханства можно найти в шежере. Арабский географ Якут аль-Хамави в начале 13 в. описывал встречи с «большим числом» учащихся-башкир в учебных заведениях Египта, Персии, Турции и др. стран. Одним из центров мусульманского образования для башкир стала Казань. Первые мусульманские школы – мектебы и медресе – на территории Башкортостана возникли во 2-й половине 17 в. Они в основном копировали традиционные коранические школы арабо-мусульманского Востока. Главной задачей школ было религиозное воспитание подрастающего поколения, подготовка священнослужителей и мугаллимов (учителей). Школы находились в ведении мусульманского духовенства, с конца 18 в. – Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Открывались в основном при мечетях и на дому у мулл, т.к. в их обязанность входило не только исполнение религиозных обрядов, но и обучение грамоте и канонам веры. Мударрисами и мугаллимами назначались обычно выпускники местных медресе (в 1875 в Уфимской губернии – в 86,7% случаев). В мектебах в течение 5–7 лет шакирды (ученики) обучались чтению и письму на арабском языке, знакомились с догматами ислама, после чего могли поступить в медресе, где изучали более сложные богословские предметы (мусульманское право, философию и т.д.). Учебный курс медресе был разбит на 10 ступеней с различным уровнем сложности, шакирды проходили его в зависимости от способностей и желаний в течение 20 лет. Окончившие полный курс сдавали экзамены в ОМДС, получали диплом приходского муллы и право на преподавательскую работу. В 1865 в Уфимской губернии насчитывалось 814 (к нач. 20 в. – 1579 мектебов и около 40 медресе), в Оренбургской губернии – 150 мектебов и медресе. С девочками занималась у себя на дому обычно абыстай (супруга муллы), обучавшая их за плату основам мусульманского вероучения, арабской и старотюркской грамоты, а также навыкам счёта. Так, в 1867 в двух волостях Бирского уезда действовало 26 женских домашних школ, в 1875 в Мензелинском уезде – 50 (1248 учениц). До 2-й половины 19 в. отсутствовала единая система мусульманского образования, не было общих требований к содержанию, методике и срокам обучения, мусульманские школы не имели официально утверждённых программ и уставов, каждый учитель составлял их самостоятельно, в них поддерживались среднеазиатские, схоластические образовательные традиции. В 90-е гг. 19 в. под влиянием идей джадидизма началось реформирование старометодных мусульманских учебных заведений. Против реформ выступали сторонники кадимизма, усматривая в нововведениях реальную угрозу исламскому вероучению и нравственности мусульман. Старометодными оставались Каргалинские медресе, Стерлибашевское медресе, Стерлитамакское медресе, Медиакское медресе и др. Несмотря на это к началу 20 в. количество новометодных школ, в т.ч. и женских, стало

возрастать. По новому велось обучение в медресе д. Куганакбаш Стерлитамакского уезда, медресе в д. Балыклы, Киешкинском медресе и др. Наиболее крупными и известными джадидистскими учебными заведениями были медресе «Галия» и «Гусмания» в Уфе, «Расулия» в г. Троицке, «Хусаиния» в г. Оренбурге, «Мухаммадия» и «Касимия» в Казани. Для подготовки учителей действовали краткосрочные (2–4 мес.) педагогические курсы. В 1897–98 гг. мужские курсы действовали в Оренбурге, с 1898 женские, с 1899 мужские – в д. Н.Каргалы Белебеевского уезда (ныне с. Верхние Каргалы Благоварский район). В подготовке мугаллимов большую роль играли мужские и женские учительские семинарии, открытые в 1915 в Троицке; в Уфе действовала женская учительская школа (Дарлмугаллимат). В 1916 Мусульманским дамским обществом было открыто 5 новометодных женских школ, успешно окончившие выпускницы которых направлялись мугаллимами в женские мусульманские начальные школы. В 1913 в Уфимской губернии было 579 мектебов и 32 медресе, из которых 68% составляли мужские, 22% – женские и около 10% – смешанные; официально зарегистрировано около 91 тыс. учащихся, в т.ч. более 72 тыс. мальчиков и 18 тыс. девочек. Получило распространение и обучение на дому, особенно в сельской местности: в 1914 в Уфимской губернии было зафиксировано 1045 пунктов домашнего обучения, в т.ч. 98 мужских, 605 женских и 342 смешанных. После революции 1917 был взят курс на постепенное вытеснение религиозных дисциплин из общеобразовательных программ. В 20-е гг. большинство мектебов и медресе были закрыты, остальные преобразованы в единые трудовые или национальные советские школы. В 1919–20 учебном году в Уфимской губернии 91 медресе и 250 мектебов были реорганизованы в школы 1-й ступени. Реализация Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 в Малой Башкирии встретила активное сопротивление населения. В связи с этим в виде временной меры было разрешено преподавание религиозных дисциплин по одному часу после обычных занятий. Согласно инструкциям БашЦИК и НКВД БАССР (1924), религиозные дисциплины преподавались исключительно в мечетях, занятия могли посещать лица, достигшие 14-летнего возраста; все расходы на обучение несли родители учащихся. Программы занятий составлялись мусульманскими духовными управлениями с ведома наркомата просвещения и НКВД, преподавание религиозных дисциплин в советских школах влекло уголовную ответственность. В 1925–26 руководство ЦДУМ РСФСР (Центральное духовное управление мусульман России) обратилось к властям с требованиями предоставить свободу вероучения независимо от возраста, времени и места обучения, прекратить антирелигиозную пропаганду в школах, принимать детей духовных лиц в государственные учебные заведения наравне с другими гражданами, отменить национализацию зданий и имущества культовых учреждений и др. К концу 1930 г. в БАССР все мусульманские учебные заведения прекратили свое существование. До начала

90-х гг. 20 в. в СССР мусульманское духовное образование можно было получить лишь в медресе Мир-Араб (г.Бухара) и Исламском институте им. Аль-Бухари (Ташкент) в Узбекской ССР. В 1979 в Мир-Арабе обучался 1 уроженец БАССР, 1981 – 2, 1985 – 5. Возрождение мусульманского духовного образования началось с 90-х гг.; первым учебным заведением в России, готовившим духовенство, стало медресе им. Р.Фахретдина, на базе которого был создан Российский исламский университет ЦДУМ. В 1989–2005 этими учебными заведениями было подготовлено 408 мусульм. теологов и преподавателей. В ведении университета находятся медресе в с.Алькино Самарской области (в 2005 окончило 6 человек), в г. Октябрьский (14 человек), в Оренбурге («Хусаиния»; 12 человек). В конце 90-х гг. 20 в. действовали медресе в гг. Агидель, Баймак, Белорецк, Октябрьский, Сибай и др., которые были открыты Духовным управлением мусульман РБ. В ведении ДУМ РБ в Уфе находятся медресе «Галия» (женские и мужские группы; в 2006 обучалось 50 учащихся) и им. М. Султановой (мужское; 11 учащихся), в Стерлитамаке – «Нураль-Иман» (женские и мужские; 200 учащихся). В 1995-2005 ими подготовлено более 200 имам-хатыбов и преподавателей основ исламского вероучения. Выпускники местных медресе обучаются в духовных учебных заведениях в России и за рубежом. В 2006 ДУМ РБ были направлены по 1 человек в Московский исламский институт ДУМ европейской части России и Институт стран Азии и Африки МГУ; 13 – в университет Аль-Азхар (Каир); ЦДУМ России направило в Аль-Азхар 20 человек. При соборных мечетях городов и районов республики создаются дневные и вечерние группы по изучению основ ислама и арабского языка (в Баймакской соборной мечети, Давлекановской соборной мечети и др.). ЦДУМ России в 2005 открыто более 40 курсов.

ЧАСТЬ IV

Особенности развития отечественного исламского образования в советский и современный периоды

О преподавании мусульманского вероучения

Декрет ВЦИК И СНК⁶⁵

Октябрь 1923 г.

1. Разрешить в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных единиц Кавказа со включением его частей с мусульманским населением открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блюгат).

2. Допустить в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также остальных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания того же вероучения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в мечетях и частных домах) лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блюгат) и имеющим кроме того образование в объеме не менее трех отделений (классов) школы 1-й ступени.

3. Предусмотренное предыдущими пунктами преподавание не может производиться в часы, обычные для занятия в общеобразовательных школах.

О разрешении преподавания основ вероучения

Выписка из циркуляра БашНКВД⁶⁶

18 сентября 1924 г.

Не должно быть стесняемо отправление культа, а также произнесение проповедей на тему религиозного характера, если таковые являются составной частью богослужения данного культа. Также свободно, без особого разрешения, функционируют молитвенные собрания, устраиваемые группами верующих, посвященные обсуждению вопросов о содержании молитвенных зданий и управления культовым имуществом.

Безусловно не допускается установление группами верующих принудительных сборов; сборы добровольные в пользу религиозных организаций не должны быть запрещаемы, т. к. таковые являются доброй волей каждого жертвователя. Назначение собираемых средств предоставляется группам верующих, при чем законодательством предусматривается покрытие расходов, связанных с обладанием культового имущества, и не запрещается на счет этих средств назначению вознаграждения служителям религиозных культов (Инструкция НКВД и НКЮ от 16 апреля и 19 июля 1923 года).

⁶⁵ См.: Ислам и мусульмане ... - С. 151.

⁶⁶ См.: Ислам и мусульмане ... - С. 154.

Для подготовки служителей религиозных культов, по разрешению местных властей, допускается открытие богословских культов для лиц, достигших 18-летнего возраста.

Для лиц, старше 18-летнего [возраста] допускаются также отдельные лекции, беседы и чтения на религиозные темы, поскольку таковые не носят характера систематического школьного преподавания.

Не подлежат ответственности служителя религиозных культов, совершающие обряды крещений, браков и т. п. до регистрации рождений, браков и т. п. органами ЗАГС, если служители культа не присваивают функций юридических лиц (Циркуляр НКВД РСФСР № 149 от 7/IV-24 г.).

Председатель БашЦИК Кушаев

Народный Комиссар Внутренних дел АБССР Худайбердин

Секретарь Даутов

О преподавании мусульманского вероучения в мечетях БАССР

Инструкция ЦИК, НКВД и НКПРОС БАССР⁶⁷

Не позднее ноября 1924 г.

Секретно

По точному смыслу декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, мечети, преподавание мусульманского вероучения в советской школе, в том числе и в школах тюркских, т. е. башкирских, татарских и других восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение на территории БАССР, не допускается.

Преподавание мусульманского вероучения, предусмотренное постановлением Президиума ВЦИК от 9/VI и 28/VII-24 г. и инструкции изданной НКП и НКВД РСФСР от 27/IX-24 г. во исполнение и развитие указанных выше постановлений ВЦИК от 9/VI и 28/VII-24 г. допускается исключительно в стенах мечети, и обучаться мусульманскому вероучению могут только лица: 1) Окончившие 4-х летний курс Единой трудовой школы и 2) достигшие 14-летнего возраста, представившие об этом официальные документы, заверенные Сельсоветом и ВИКом; первые об окончании 4-х летнего курса Единой трудовой школы и вторые от Загса об исполнении данному лицу 14 лет.

В стенах мечети, кроме преподавания мусульманского вероучения – преподавание общеобразовательных предметов и обучение грамоте не допускается.

Все расходы, связанные с преподаванием мусульманского вероучения относятся за счет только тех граждан, у коих дети добровольно пожелают обучаться мусульманскому вероучению.

Все желающие обучаться мусульманскому вероучению лица (14 лет мальчики-подростки и девочки) подают письменные заявления о своем добровольном желании обучаться мусульманскому вероучению с

⁶⁷ См.: Ислам и мусульмане ... – С. 155–156.

обязательным приложением указанных в п. 2 сей инструкции официальных документов.

Примечание: Никакое давление – принуждение со стороны граждан в отношении своих детей, чтобы они обучались мусульманскому вероучению – допущено быть не может, в случае же обнаружения давления и принуждения виновные родители будут привлекаться к ответственности.

6. Группа граждан, дети коих добровольно пожелают обучаться мусульманскому вероучению, составляют смету на расходы связанные с вероучением, содержание учителя вероучения, учебники, разные другие хозрасходы с точным указанием источников доходов, покрытие этих расходов на вероучение.

Примечание: Программа занятий по вероучению составляется духовным управлением и утверждается НКП и НКВД и дальнейшие изменения допускаются лишь с ведома и согласия НКП и НКВД.

7. Занятия по преподаванию мусульманского вероучения допускаются только во внеучебное время.

8. Помещения мечетей, где должны происходить занятия по вероучению, безусловно, должны строго удовлетворять всем санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым государственным учебным заведениям.

9. Обучающие мусульманскому вероучению лица могут по своему желанию бросить учение в любое время, в течение учебного времени.

10. Ни в коем случае не допускается никакое наказание в отношении обучающихся вероучению за неаккуратное посещение занятий, за малоуспеваемость.

11. Преподавать мусульманское вероучение разрешается только лицам, не опороченным по суду.

12. Кандидаты на должность преподавателей по вероучению продвигаются группой граждан, у коих дети, согласно п. 5 сей инструкции, изъявили согласие обучаться вероучению, и таковые выдвинутые кандидаты получают от КИКа разрешение на право преподавания мусульманского вероучения в мечетях.

13. Выдвинутые кандидаты на должность преподавателя по вероучения при получении разрешения обязаны представлять КИКу нижеследующие письменные обязательства, как то: а) о неуклонном точном выполнении или всех изданных, издаваемых советской властью правил, инструкций, циркуляров и распоряжений, касающихся преподавания мусульманского вероучения; б) соблюдения санитарно-гигиенических условий предусмотренных п. 8 сей инструкции; в) о недопущении никакого наказания в отношении обучающихся вероучению (п. 10 сей инструкции), недопущении совместно с вероучением преподавания общеобразовательных предметов и обучение грамоте.

14. Административные органы КИКа обязаны вести точную регистрацию и учет на преподавателей мусульманского вероучения.

15. Ходатайства граждан о разрешении им преподавания мусульманского вероучения на основании пунктов сей инструкции подаются на имя КИКа с приложением нижеследующих официальных документов:

а) постановление группы граждан, у коих дети добровольно пожелают обучаться вероучению; б) письменные их обязательства и принятия ими на себя всех расходов, связанных с преподаванием мусульманского вероучения; в) заверенные сельсоветом и ВИК списки детей, добровольно изъявивших желание обучаться вероучению, с указанием их возраста, пола, национальности, с приложением к ним документов – удостоверений по окончании курса 4-х летней Единой трудовой школы или свидетельство от ЗАГСа об исполнении лицу, пожелавшему обучаться вероучению, 14 лет; г) список преподавателей, получивших разрешение от КИКа, согласно п. 12, 13 сей инструкции с указанием их возраста, национальности, образовательного ценза и занимаемой должности с приложением письменных обязательств, согласно п. 12, 13 сей инструкции.

16. Ответственность за точное наблюдение и выполнение настоящей инструкции и всех изданных и издаваемых распоряжений, правил, инструкций, касающихся преподавания мусульманского вероучения на территории БАСССР, возлагается на органы НКВД и Наркомпрос.

Председатель ЦИК Советов БАСССР Кушаев

Наркомпрос Касымов Накомвнудел Худайбердин

О преподавании мусульманского вероучения среди мусульман

Инструкция НКВД⁶⁸

27 декабря 1925 г.

Считаясь с культурной отсталостью некоторых групп восточных народностей, Президиум ВЦИК постановлением от 9 и 28 июня 1924 г. (Протоколы № 18 и 24) разрешил преподавание мусульманского вероучения в мечетях.

Для установления единообразного порядка проведения в жизнь указанных постановлений Наркомвнудел и Наркомпрос предлагают к руководству следующее:

1) Преподавание мусульманского вероучения может производиться только в мечетях с надлежащего, в каждом отдельном случае, разрешения уездного (кантонного), или губернского и областного исполкома и исключительно лицам: а) достигшим 14-летнего возраста и представившим о том свидетельство или б) окончившим школу 1-й ступени и представившим о том соответствующее удостоверение.

Примечание 1: Преподавание вероучения в советской школе, в том числе и в школах тюркских и других восточных народностей, на точном основании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви является недопустимым.

⁶⁸ См.: Ислам и мусульмане ... – С. 160–161.

Примечание 2: Обучение вероучению, согласно указанных постановлений Президиума ВЦИК не влечет за собой для обучающихся никаких ограничений.

2) Заявления о выдаче разрешения на преподавание мусульманского вероучения подаются в административный орган одного из перечисленных в ст. 1-й исполкомов в 3-х экземплярах уполномоченными по управлению культовым имуществом, т. е. лицами, подписавшими договор на пользование мечетью.

3) В заявлении должно быть указано: а) фамилия, имя и отчество заявителей, род их занятий и местожительство – адрес; б) число слушателей и сведения о том, что таковые удовлетворяют требованиям ст. 1-й настоящей инструкции; в) имена, отчества и фамилии преподавателей вероучения с указанием их местожительства, социального положения, общественного и служебного положения за время с 1914 года, принадлежали ли к тому или иному сословию до революции, время присоединения к данному религиозному культу и имущественное положение; г) часы преподавания; ж) справка о времени заключения договора на пользование мечетью.

Примечание: О всяком изменении в составе слушателей и преподавателей ответственные за преподавание вероучения лица сообщают органу, выдавшему разрешение. Сведения, предусмотренные п. п. «б» и «в» настоящей статьи.

4) Разрешение на преподавание вероучения может быть выдано лишь в том случае, если здание (мечеть), в котором предполагается преподавание, вполне удовлетворяет санитарным требованиям, предъявленным к учебным заведениям. Для чего таковое должно быть обследовано специальной комиссией из представителей местного исполкома, здравоотдела и отдела народного образования.

5) Допущение групповых занятий в мечетях по преподаванию мусульманского вероучения лицам, удовлетворяющим требованиям ст. 1-й настоящей инструкции, не должно рассматриваться как организация специальных школ со всеми вытекающими из сего последствиями.

6) Местным органам Наркомвнудела и Наркомпроса вменяется в обязанность следить за тем:

а) чтобы в мечетях под видом вероучения не было бы преподавания общеобразовательных предметов;

б) чтобы здания, в которых производится преподавание вероучения, содержались в надлежащей чистоте и постоянно удовлетворяли санитарным условиям, предъявляемым к учебным заведениям.

7) На административные органы Наркомвнудела возлагается обязанность вести точный учет преподавателей вероучения по сведениям, полученным в порядке ст. 3-й настоящей инструкции и примечания к ней.

8) ответственность за проведение настоящей инструкции в жизнь возлагается на местные органы Наркомпроса и Наркомвнудела.

Зам. Народного комиссара внутренних дел Болдырев

Замнаркомпрос Яковлева

Об открытии богословских курсов в г. Уфе

Письмо Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Полянского уполномоченному Совету по Башкирской АССР Каримову⁶⁹

21 марта 1946 г.

Председатель Центрального Духовного Управления мусульман муфтии Расулев возбудил ходатайство перед Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР о разрешении ему, в целях наилучшего обслуживания мусульман, осуществить следующие мероприятия:

1) Открыть в г. Уфе в помещении первой мечети по Тукаевской ул. № 2 краткосрочные богословские курсы – семинары для подготовки служителей мусульманского культа и повышения знаний лиц, ныне занимающих должности мулл (имамов) мечетей. Количество служителей муфтий Расулев намечает в 30 человек и продолжительность курсов – три месяца с 1-го июля по 1-е октября 1946 года.

Программа курсов:

- а) Коран – правила чтения, перевод и толкование;
- б) хадисы – изречения пророка Магомета;
- в) богослужения – молитвы (намазы);
- г) этика ислама и
- д) Конституция СССР.

2) Издание на татарском языке мусульманского лунного календаря на 1947 год в количестве 3000 экз.

Доводя об этом до Вашего сведения, Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР просит Вас сообщить мнение Совета Министров Башкирской АССР по вышеизложенным вопросам.

Председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Полянский.

⁶⁹ См.: Ислам и мусульмане ... – С. 240.

Учебно-методическое издание
Составитель Аминов Тахир Мажитович

**ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОЙ
ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**
Хрестоматия

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 05.06.2020.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 10,5. Уч.-изд. л. – 10,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 890

СП ИКЦ БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а